

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы
VIII международной научно-практической конференции
(7–8 декабря 2023 г.)

Омск
ОмА МВД России
2024

УДК 342
ББК 67.620я54
Р 72

Редакционная коллегия:

С. К. Буряков — кандидат политических наук (*председатель*);
В. А. Гусев — доктор юридических наук, доцент (*зам. председателя*);
М. А. Бучакова — доктор юридических наук, доцент;
Е. В. Кошелев — кандидат юридических наук, доцент;
С. М. Гасанова (*отв. секретарь*)

Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VIII междунар. науч.-практ. конф. (7–8 декабря 2023 г.) / пред. редкол. С. К. Буряков — Омск : Омская академия МВД России, 2024. — 152 с.

ISBN 978-5-88651-853-5

В материалах сборника освещаются теоретические проблемы конституционного развития российской государственности, а также правоприменительная практика по реализации конституционных норм.

Предназначен для профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, аспирантов и адъюнктов образовательных организаций МВД России, сотрудников иных правоохранительных органов.

УДК 342
ББК 67.620я54

ISBN 978-5-88651-853-5

© Омская академия МВД России, 2024

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Конституционно-правовая тематика не утрачивает своей актуальности, имеет важнейшее значение для развития российской юридической науки и практики, в том числе в правоохранительной сфере.

В настоящее время в условиях проведения специальной военной операции, установления многочисленных санкций против России, введения военного положения на отдельных территориях Российской Федерации необходима актуализация конституционных положений применительно к сложившейся ситуации, формирование новых подходов, форм и принципов взаимодействия личности, общества и государства. Требуется выявить обновленное содержание таких конституционных ценностей, как права и свободы человека и гражданина, национальная безопасность, территориальная целостность и государственный суверенитет, развить конституционные положения, посвященные традиционным ценностям, патриотизму и иным духовным основам современного российского общества. Эти и многие другие вопросы, имеющие конституционно-правовой характер, рассмотрены в рамках конференции.

В мероприятии приняли участие наши зарубежные коллеги из Академии МВД Республики Беларусь (г. Минск), Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, Академии МВД Республики Таджикистан (г. Душанбе), а также представители образовательных организаций МВД России: Академии управления МВД России (г. Москва), Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Санкт-Петербургского университета МВД России, Волгоградской академии МВД России, Нижегородской академии МВД России, Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (г. Симферополь), Барнаульского юридического института МВД России, Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск), Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), иных высших учебных заведений: Института государства и права Российской академии наук (г. Мо-

сква), Московского государственного лингвистического университета, Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург), Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Северо-Кавказской государственной академии (г. Черкесск), Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, Омского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Саратовской государственной юридической академии, Сибирского федерального университета (г. Красноярск), Тюменского государственного университета, Сибирского юридического университета (г. Омск), Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург), Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург), Челябинского государственного университета.

Всего в работе форума приняли участие 98 человек, из них 19 докторов наук и 50 кандидатов наук.

Уверен, что наше научное взаимодействие будет способствовать объединению теории и практики, науки и реальной действительности. Все это позволит приблизить нас к разработке эффективных юридических механизмов, предлагающих решение множества задач, стоящих перед нашим Отечеством!

С. К. Буряков

РАЗДЕЛ I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Д. А. Авдеев

Роль и назначение конституции в современном государстве

Современное государство сложно представить без конституции. Можно утверждать, что наличие конституции стало неотъемлемым атрибутом современного правового государства, которое позиционирует себя как цивилизованное, в котором имеет место социальная направленность внутренней политики, а юридический приоритет отдается правам и интересам личности.

Современное обыденное восприятие конституции как основного закона стало формироваться с появлением первых писанных конституций (в 1787 г. — в США, в 1791 г. — в Польше и Франции и др.). Именно в конце XVIII — начале XIX вв. во многих государствах принимаются конституции как акты, ограничивающие власть полномочного монарха, устанавливающие первичные фундаментальные права и свободы граждан (подданных), закрепляются положения, регламентирующие правовой статус высшего органа народного представительства — парламента. Безусловно, следует признать, что в этой части подавляющее большинство современных государств обошли нас в этом процессе конституционного строительства. Например, история появления английского парламента берет начало с XIII в. Он представлял собой «собрание представителей графств и городских коммун, которое позднее стало двухпалатным» [1, с. 77]. Франция также имеет давнюю историю появления парламента — Генеральных штатов (в первоначальном варианте). Что же касается России, то первый прообраз парламента был учрежден лишь в начале XX в., что говорит о не-

продолжительной истории становления отечественного парламентаризма вообще и парламента как органа народного представительства в частности.

Известно, что в России первая кодифицированная писаная конституция была принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. — Конституция (Основной закон) РСФСР. Однако в юридической литературе высказывалось мнение, что есть основания утверждать, что под первой российской конституцией нужно рассматривать основные законы 1906 г. и Манифест от 17 октября 1905 г., которые фактически содержали нормы конституционного значения, устанавливающие ограничения абсолютной власти монарха путем введения в систему высших органов власти управления Государственной Думы и закрепления основополагающих прав человека. Например, профессор И. П. Климов придерживался позиции, что Конституция РСФСР 1918 г. является «второй российской конституцией» [2, с. 187]. Профессор И. А. Кравец в своих монографических исследованиях писал, что появление в основных законах 1906 г. таких разделов, в которых закреплялись полномочия императора, права и обязанности российских подданных и регламентировалось правовое положение органов народного представительства, позволяет говорить о наличии свойств конституционного порядка [3, с. 122–123]. Вместе с тем данная позиция поддерживается не всеми, потому что фактически не произошло ограничения власти российского императора, так как Государственная Дума не обладала контрольными полномочиями в отношении главы государства, а за царем сохранялось абсолютное право вето, как и право законодательной инициативы [4, с. 335].

С приходом к власти большевиков начался новый этап в государственном строительстве, ознаменовавшийся кардинальным изменением формы государства. Одним из нововведений было решение о разработке и принятии первой социалистической конституции. Несмотря на то что Конституция РСФСР 1918 г. носила ярко выраженный классовый характер и содержала не всегда юридические формулировки, она устанавливала основы государства и права советской модели. В последующем было принято еще три конституции (в 1925, 1937 и 1978 гг.).

Отметим, что в советских конституциях на титульном листе рядом со словом «конституция» в скобках всегда писалось Основной закон, что и привело к отождествлению данных понятий. В связи с этим в настоящее время для большинства российских граждан «конституция» и «основной закон» стали синонимами. На наш взгляд, их нельзя отождествлять и рассматривать как два равнозначных юридических понятия. Прежде всего,

конституцию не следует рассматривать как разновидность нормативно-правового акта, занимающего особое место в системе законодательства. Конституция отличается от иных нормативно-правовых актов по форме, а главное, по содержанию, целевому назначению и роли в правовой системе государства.

У большинства граждан конституция ассоциируется с небольшой брошюрой, в которую вписаны права человека и некоторые вопросы организации власти. Иначе говоря, в обыденном понимании конституция — это некий кодифицированный документ. Однако это не всегда так. История знает немало случаев, когда конституция представляла собой некодифицированные правовые документы или же вообще была неписаной (например, Конституция Великобритании). Если говорить о ныне действующей Конституции РФ, то ее образуют, по нашему мнению, сама Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 г., и постановления Конституционного Суда Российской Федерации о толковании ее отдельных положений. Можно также утверждать, что Закон Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации до определенного момента является своеобразной частью Конституции. В связи с этим мы и предлагаем в учебно-образовательных целях дефиницию конституции как системы «юридических норм, представляющих собой Высший закон государства и общества, принимаемый и изменяемый в особом порядке, обладающий особыми юридическими свойствами, устанавливающий основы правового положения личности и основы организации публичной власти» [5, с. 14].

К тому же по своим юридическим свойствам и сущностным характеристикам конституция хотя и представляет собой политико-правовой документ, устанавливающий основы организации публичной власти и основы правового статуса личности, не следует ставить ее в один ряд с нормативно-правовыми актами. В этом смысле конституция выступает как Высший закон государства и, что немаловажно, общества, так как закрепляет не только основы государственного устройства и принципы управления, систему органов власти и управления, но и основы общественного устройства, фундаментальные положения формирования гражданского общества.

По нашему убеждению, в обществе должно пропагандироваться не только юридическое верховенство конституции, но и непреклонность и доминирование ее норм и положений в общественной жизни социума. Именно авторитет конституционных положений в обществе позволит во многом обеспечить не только ее юридическое верховенство, но и ува-

жение со стороны рядовых граждан. Безусловно, статус Конституции в обществе должен подтверждаться эффективной правоприменительной практикой, ежедневной деятельностью органов публичной власти различного уровня и вида. Недаром ст. 18 Конституции РФ 1993 г. закрепляет положение, определяющее фактическое назначение и функциональную основу деятельности всех органов публичной власти — обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Это и многое другое должно способствовать повышению значимости конституционных принципов и положений.

При этом нельзя не подчеркнуть, что и сам текст Конституции должен быть юридически безупречным, а основанное на нем законодательство не должно искажать изначального смысла конституционных норм. Отдельного внимания заслуживает проблема обеспечения конституционных норм и гарантированности исполнения, их незыблемости. Полагаем, что гарантом Конституции должен выступать Конституционный Суд, а не какой бы то ни был орган государственного управления. Именно статус Конституционного Суда, его независимость, правовая непреклонность позволят повысить роль Конституции в жизни государства и общества.

Список источников

1. *Кондратьев С. В.* Становление парламентаризма в России // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 2.
2. *Климов И. П.* К истории разработки и принятия первой российской Конституции (дискуссионные вопросы) // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 3.
3. *Кравец И. А.* Конституционализм и российская государственность в начале XX века : учеб. пособие. М., 2000.
4. *История отечественного государства и права* / отв. ред. Л. Е. Лаптева. М., 2013.
5. *Авдеев Д. А.* Российское конституционное право : учеб. пособие. Тюмень, 2021.

С. Н. Бабурин

Российский конституционный диссонанс как отражение современного цивилизационного кризиса

О глобальном кризисе Западной цивилизации повествовалось давно и много. Еще 100 лет назад О. Шпенглер в «Закате Европы» написал: «Западноевропейское правовое мышление, переняв античные слова, усвоило лишь поверхностное их значение... С помощью денег демократия уничтожает саму себя — после того как деньги уничтожили дух» [1, с. 85, 494]. К началу XXI в. кризис Запада стал обретать черты фатального конца человечества.

Признаки глобального кризиса и необходимость выработки новой парадигмы общественного развития ощущаются всеми. Но, как писали почти четверть века назад академики Н. Н. Моисеев, Д. С. Львов, В. П. Коптюг, Г. В. Осипов, Б. В. Раушенбах, А. Д. Урсул и др., вместо научных разработок и подготовки к формированию новой парадигмы определенными силами был сделан крен в сторону выхода Запада из переживаемого кризиса за счет использования сырьевых, природных ресурсов России, организации «утечки мозгов» и рабочей силы из нашей страны [2, с. 11].

Положение в мире как никогда взрывоопасно. Если в апреле 2021 г. Президент РФ В. В. Путин отмечал, что мир находится в ситуации абсолютной неопределенности [3], то уже в октябре 2021 г., выступая на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», он охарактеризовал развернувшийся глобальный кризис как концептуальный и даже цивилизационный, призвал формировать моральные, ценностные опоры мира, учитывающие особенности культурно-исторического развития наций, предостерег от попыток ценностного диктата [4]. Россию слушать не хотели. Ей приходится действовать.

Реформа Конституции РФ в 2020 г. остановила движение нашей страны в пропасть цивилизационного небытия, укрепила публичную власть, конституировала традиционные российские духовно-нравственные ценности, вернула страну на ее национальный маршрут культурно-исторического развития. В феврале 2022 г. с началом специальной военной операции Россия приступила к деятельной защите Русского мира, стала на практике лидером народов, защищающих традиционные ценности. Это событие всемирно-исторического значения, так как на Украине мы видим не войну за передел сфер влияния, ресурсов или территорий, там происходит битва Добра и Зла, в которой Россия защищает цивилизационные принципы народов традиционной культуры от зла, которое

несет миру Запад своим навязыванием безнравственной вседозволенности, отрицанием уже не только Бога, но и божественного начала в человеке, ценности самого человека.

В этой ситуации следует обратить внимание на то, что современный глобальный цивилизационный кризис имеет точки опоры внутри российского общества и даже внутри российской политической и правовой систем. Основанием для такого вывода выступает явный диссонанс конституционных норм в Основном законе Российской Федерации.

Диссонанс в музыке, как известно, означает нарушение гармонии, одновременное звучание двух или более несозвучных тонов. Диссонанс — это то, что вносит разлад во что-то, вступает в полное противоречие с чем-нибудь, нарушая гармонию [5, с. 153]. Иными словами, речь идет о принципиальном внутреннем противоречии.

Говорится не о противоречии некоторых принимаемых федеральных законов конституционным нормам, например, недавно вступившему в силу закону о лишении гражданства России тех или иных категорий натурализовавшихся граждан, при том что ст. 6 Конституции РФ прямо провозглашает, что гражданство РФ является единым и равным независимо от оснований приобретения, а гражданин РФ не может быть лишен своего гражданства или права изменить его. Это пример грубого несоответствия законодательства конституционной норме. Дело в другом. Есть все основания утверждать, что ныне существует конституционный диссонанс, т. е. Конституция РФ внутренне противоречит сама себе. Причем мы имеем диссонанс институциональный и ценностный.

Институциональный диссонанс заключается в противоречии основополагающей ст. 10 Конституции РФ об осуществлении государственной власти в РФ на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную другим статьям Конституции РФ. Притом указанное противоречие заложено в Конституции еще при ее принятии.

Обратимся к главе 7 Конституции РФ «Судебная власть и прокуратура». В ней подчеркивается, что правосудие в РФ осуществляется только судом (ч. 1 ст. 118), а органы прокуратуры не имеют к судам прямого отношения, поскольку прокуратура является единой федеральной централизованной системой органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также выполняющих иные функции (ч. 1 ст. 129). Иными словами, прокуратура — это орган публичной власти, действующий параллельно обозначенной в ст. 10 «триаде» государственных властей.

Другой яркий пример: вне системы разделения властей находится Президент РФ, который является главой государства (ст. 80 Конституции РФ). Конституционная реформа 2020 г. акцентированно расширила полномочия Президента РФ, поставив его над всеми тремя ветвями государственной власти. Он осуществляет общее руководство исполнительной властью (ст. ст. 78, 83, 111, 113, ч. 2 ст. 117 Конституции РФ), через кадровую политику контролирует судебную власть и прокуратуру (пп. е, е.1, е.3 ст. 83, ст. ст. 128, 129 Конституции РФ) и держит под угрозой роспуска власть законодательную (п. е.4 ст. 83, ст. 84, ч. 4 ст. 111, ч. 4 ст. 112 Конституции РФ). Многие нововведения вызывают в научной среде недоумение и запоздалую критику [6, с. 7, 11; 7, с. 14, 22], но новые нормы — это данность.

Парадокс: вслед за ст. 10 о трех ветвях государственной власти следует ст. 11, в которой указаны четыре органа государственной власти, и начинается перечень с Президента РФ. Признаем, что такое (на четверых) распределение публичной власти между государственными органами больше соответствует российским культурно-историческим особенностям.

Ценностный диссонанс значительно серьезнее, поскольку его наличие может влечь за собой негативные последствия для России как культурно-исторической общности народов.

При принятии Конституции РФ в 1993 г. в ее преамбуле обозначили реперные (основополагающие) точки Основного закона, соответствующие ее культурно-историческим традициям: соединение общей судьбой части единого многонационального народа РФ, исторически сложившееся государственное единство, почитание памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, ответственность за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями.

Однако уже тогда в преамбуле Конституции РФ закрепили и принцип осознания себя частью мирового сообщества, провокационный, уже сыгравший свою роль в разрушении Союза ССР (исторической России), тезис о намерении возродить суверенную государственность России, утверждать незыблемость ее демократической основы. В «неизменяемой» главе 1 Конституции РФ «Основы конституционного строя» пошли дальше, но не по пути своего культурно-исторического наследия, а в сторону подражания Западу. Были сделаны «закладки» западного неолиберализма, которые стреножили социально-экономическое развитие России, стали разъедать духовные основы российского общества, превратили Конституцию РФ в акт русской цивилизационной капитуляции.

Статья 2 Конституции РФ гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». И ничто более, ни Отечество, ни нравственность, ни вера, высшими ценностями, не является, а значит, может быть принесено в жертву ради человека, его прав и свобод.

Разъедающая любое традиционное общество частная собственность выделена даже в перечнях в качестве первой и особой. Это статья 8, ч. 2 ст. 9 («земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности»). А в части 1 ст. 35 провозглашено, что только право частной собственности охраняется законом, в отношении других видов собственности такой нормы нет. Или часть 2 ст. 13 («никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»). Как и часть 4 ст. 15 о приоритете норм международных договоров над всеми российскими законами, без какого-либо исключения для Конституции РФ. Вот и отмечалось исследователями, что психология нынешнего российского властвования — это психология рыночного хозяйствования, т. е. психология собственника; носителей властных полномочий в условиях становления разделения властей; умелого применения власти должностными лицами; граждан, осуществляющих власть и участвующих во власти [8, с. 16]. И никакого народовластия в смысле ст. 3 Конституции РФ.

Конечно, Конституционный Суд РФ своими интерпретациями сглаживал ситуацию, но только конституционная реформа 2020 г. вернула Россию на ее национальный путь развития, расширила намеченные преамбулой духовно-нравственные основания Конституции и включила в нее новые. Прежде всего это нормы ст. ст. 67.1, 75.1, новые редакции ст. ст. 68, 72 и др.

Впервые после 1991 г. Российская Федерация объявлена правопреемником и правопродолжателем СССР, подчеркнута вообще преемственность в развитии Российского государства. Особо выделено сохранение памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога (ст. 67.1). Конституированы понятия патриотизма, гражданственности, почитания памяти защитников Отечества, защиты исторической правды, многие другие важные для традиционного российского общества духовно-нравственные и социальные понятия, например, брак как союз мужчины и женщины (п. ж.1 ст. 72).

Но вот тут-то мы и сталкиваемся с яркостью конституционного диссонанса. Первые его признаки прослеживались еще в 1993 г., но нестыковки преамбулы и норм главы 1 были трудноуловимы. Противоречия новых конституционных норм с либеральными акцентами главы 1 обозначились зримо. И не только в вопросе приоритета человеческой все-

дозволенности или отрицания государственной или общеобязательной идеологии. Так, в статье 75.1, помимо закрепления явных принципов солидаризма (социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность), провозглашено обеспечение в РФ сбалансированности прав и обязанностей гражданина и гарантировано «уважение человека труда». Открыто отторгнуты основы общества потребления, возвращено внимание к социальной функции труда. Однако в главе 1 присутствует ст. 37, которая гласит: «1. Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду... 2. Принудительный труд запрещен». Между тем высказывание «кто не работает, тот не ест» придумали не В. И. Ленин и большевики, это библейский принцип. Еще апостол Павел две тысячи лет назад сказал: «Кто не хочет трудиться, тот и не ешь» [9]. Библейский принцип сакральности труда был незыблем при Советской власти, но оказался неуютен российским либералам.

Существует, к сожалению, в неизменяемой части российской Конституции ч. 2 ст. 16: «Никакие другие положения настоящей Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации». Это следует помнить и при оценке новой конституционной нормы о том, что международные договоры в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, «не подлежат исполнению» (ст. 79). Правильно сказано. Но ст. 15 о верховенстве норм международного права находится в главе 1, которой «не могут противоречить» статьи из других разделов Конституции РФ.

Внутренняя дисгармония Конституции РФ ярко отражает противоборство двух цивилизационных начал — секулярно-либерального и традиционного, уходящего корнями в религиозные, культурно-исторические устои нашего общества. Отсюда важность структурирования на продуманных цивилизационных принципах современной культуры, государства, самого социума [10, с. 15–21; 11, с. 51–57], тем более что успех модернизации Российского государства и общества напрямую зависит от уровня политической культуры масс, как и от психологии властвования [8, с. 16]. Ликвидировать имеющийся конституционный диссонанс можно только безотлагательным продолжением конституционной реформы, которая должна опираться на традиционные духовно-нравственные ценности многонационального русского народа. По нашему мнению, основополагающая ст. 2 Конституции РФ должна начинаться словами: «Человек, его вера, святыни, Отечество, его достоинство, права и свободы являются высшей ценностью».

Список источников

1. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М., 1998.
2. Глобальный кризис западной цивилизации и Россия / отв. ред. Г. В. Осипов. 2-е изд., доп. М., 2009.
3. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 01.12.2023).
4. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 01.12.2023).
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 10-е изд., стереотип. М., 2010.
6. Клеандров М. И. О проблемных нововведениях 2020 года в Конституцию РФ в сфере механизма правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1.
7. Велиева Д. С., Пресняков М. В. Реформа Конституционного Суда РФ 2020 года: «кто будет сторожить сторожей» // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1.
8. Кабышев В. Т. Психология власти и традиции русского конституционализма // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 2.
9. URL: <https://azbuka.ru/biblia/in/?2Thes.3:&r> (дата обращения: 01.12.2023).
10. Бабурин С. Н. Конституционные принципы культуры России в современных условиях // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2.
11. Право. Порядок. Ценности : монография / под общ. ред. Е. А. Фроловой. М., 2023.

Д. Е. Баталов

Обеспечение национальной безопасности в новых субъектах России

Одним из самых важных аспектов в современном мире является обеспечение национальной безопасности. В условиях постоянно меняющейся геополитической обстановки и возникновения новых угроз Российская Федерация активно разрабатывает стратегии и меры для обеспечения как национальной, так и региональной безопасности. Последней

уделяется особое внимание в связи с проведением специальной военной операции на территории Украины.

Вхождение Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации потребовало от государства формирования комплекса мер по поддержанию территориальной целостности государства, обеспечению общественного порядка и безопасности. Президентом РФ 19 октября 2022 г. были подписаны указы № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей», № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756».

В соответствии с данными нормативными правовыми актами были введены так называемые «уровни реагирования», которые устанавливали отдельные ограничения в зависимости от расположения того или иного региона. Так, в четырех новых субъектах Российской Федерации был установлен «максимальный уровень реагирования», в соответствии с которым высшие должностные лица субъектов и возглавляемые ими органы исполнительной власти, органы местного самоуправления осуществляют полномочия по проведению мобилизационных мероприятий в сфере экономики, ГО и ЧС, а также по обеспечению потребностей Вооруженных Сил России, иных воинских формирований, органов и нужд населения. В данных регионах также создана территориальная оборона, которая предполагает осуществление комплекса мер, направленных на обеспечение региональной безопасности [1; 2, с. 149–151] и формирование сил территориальной обороны.

Помимо «максимального уровня реагирования», на территориях были введены «средний уровень реагирования» (Республика Крым, Краснодарский край, Белгородская, Брянская, Воронежская, Курская, Ростовская области и г. Севастополь), «уровень повышенной готовности» (субъекты Российской Федерации, входящие в состав Центрального и Южного федеральных округов); «уровень базовой готовности» (все остальные субъекты Российской Федерации). Все эти уровни устанавливают отдельные правовые ограничения в зависимости от того, насколько близко находится тот или иной регион к зоне проведения специальной военной операции.

Важной особенностью обеспечения национальной безопасности Российской Федерации стал факт создания межведомственных координирующих органов — штабов обороны. На них возложены функции

штабов территориальной обороны и оперативных штабов субъекта Российской Федерации. Возглавляет данный координирующий орган высшее должностное лицо субъекта, в который также входят представители Минобороны России, руководители территориальных органов МВД России, МЧС России, ФСБ России, Росгвардии, органов публичной власти субъекта Российской Федерации и организаций.

Таким образом, обстановка, сложившаяся в новых субъектах Российской Федерации, предопределила формирование новых подходов к обеспечению национальной безопасности. Активно меняющаяся оперативная обстановка, наличие как внешних, так и внутренних дестабилизирующих факторов, потребовали консолидации усилий и ресурсов для обеспечения потребностей общества и органов публичной власти, что сопряжено с необходимостью ограничения отдельных прав и свобод человека.

Список источников

1. *Об обороне* : федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Баталов Д. Е.* Место и роль института полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе в системе обеспечения национальной безопасности России // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. (8–9 декабря 2022 г., г. Омск) / пред. редкол. С. К. Буряков. Омск, 2023.

О. И. Бекетов

О понятиях «позитивное» и «негативное» публичное управление

Понятие «позитивное публичное управление» равнозначно термину «услуги общего интереса», который часто используется в зарубежных теории и практике государственного управления. Оба они являются неопределенными юридическими терминами. Их синонимами выступают такие категории, как «вопросы местного сообщества», «потребности и интересы, коренящиеся в местном сообществе или имеющие к нему непосредственное отношение».

С точки зрения административного права европейских государств, под «услугами, представляющими общий интерес», понимаются публичные услуги, предоставляемые, прежде всего, органами местного

самоуправления, которые отвечают общим интересам населения. Так, в Германии «услуги общего интереса» — это понятие административного права, также играющее важную роль в дискуссиях по социальным и политическим наукам. В рамках повседневного администрирования такие услуги включают в себя осуществление публично значимых функций для населения, например таких, как организация дорожного движения, работа общественного транспорта, газо-, водо- и электроснабжение, сбор и утилизация отходов, удаление сточных вод, работа канализации, образовательных, культурных, спортивных, медицинских учреждений, предоставление социального жилья, социальных услуг, функционирование полиции, пожарной службы и т. д., опирающиеся на так называемую инфраструктуру публичных услуг. Большинство этих видов деятельности реализуется муниципальными учреждениями, предприятиями и организациями. Несмотря на их различную вариабельность от одной федеральной земли к другой и постоянные изменения, муниципальные услуги общего характера остаются де-факто основной сферой местного самоуправления.

Юридическая значимость концепции публичных услуг все еще до конца неясна и вызывает жаркие споры. Вряд ли в административном праве найдется термин, который вызывал бы больше восхищения, а также отторжения, чем эта концепция. С одной стороны, он часто используется в дискуссиях по административному праву и применяется в качестве аргумента. С другой стороны, отмечается, что это скорее социологический и политологический термин в том виде, в каком он понимался в XVIII в., с несколько проясняющей, но не решающей проблемы функцией. В наше время он стал «универсальным термином», который «может быть использован для доказательства всего и, следовательно, ничего» [1].

В целях популяризации идеи 23 июня 2017 г. в Международный день государственной службы ООН впервые был объявлен «день услуг, представляющих общий интерес».

В немецком праве понятие публичной услуги традиционно употребляется в связи с осуществлением так называемого позитивного государственного управления, под которым и подразумевается деятельность по предоставлению публичных услуг. Целью данного управления выступает обеспечение гарантированных стандартов или условий жизни, а также их улучшение. Таким образом, предоставление публичной услуги должно обеспечивать реализацию преимущественно субъективных прав, но не обязанностей. Если же те или иные действия вытекают из обязанностей (а в подавляющем большинстве случаев обращения граждан на-

шей страны с заявлениями о регистрации по месту жительства, регистрации транспортного средства или оружия, сдаче экзамена на знание правил дорожного движения и получение водительского удостоверения и т. д. есть следствие нормативно установленных обязанностей), имеет место не предоставление публичных услуг, но осуществление классического властного (преимущественно контрольно-надзорного (читай, негативного)) управления. Важным признаком публичной услуги выступает именно сбалансированный частно-публичный интерес в ее получении с акцентом на частный. Государственной услуги не будет в отношениях, где превалирует лишь публичный интерес. Так, лицензия, водительское удостоверение или свидетельство о регистрации транспортного средства не представляют интереса для гражданина как таковые, он вынужден обратиться за их получением, поскольку в противном случае не сможет осуществлять определенный вид деятельности. Поэтому именно в получении лицензии интерес у гражданина отсутствует. Лицензирование — это действия в интересах общества. Потребность же в услуге должна быть вызвана таким сочетанием частного и публичного интереса, которое выражается в виде обязанностей гражданина предпринимать какие-либо действия во благо самого гражданина [2, с. 14–15].

Как известно, с 1993 г. само понятие государственного управления в России стало «неконституционным», его реализация как явления стала всерьез оспариваться. Появились синонимы: административно-публичная деятельность, публичное администрирование, осуществление административно-публичных функций и т. п. Между тем для административного права государственное управление является базовым понятием, с которого начинаются все учебники по административному праву как в России, так и за рубежом. Полагаем, что в современных условиях непрерывных трансформаций нужно более внимательно исследовать данную разновидность государственной деятельности как в его «позитивных», так и «негативных» проявлениях.

Список источников

1. *Ernst Forsthoff*. Der Staat der Industriegesellschaft. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Der-Stoat-der-industriegesellschart> (дата обращения: 24.11.2023).

2. *Бекетов О. И.* О трансформации представлений о государственных услугах, оказываемых полицией // Актуальные проблемы полицейского права : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2023.

М. А. Бучакова

Конституция Российской Федерации: современное состояние и перспективы

Действующая Конституция РФ содержит в себе важнейшие достижения цивилизации, такие как правовые положения о верховенстве закона, разделении властей, федерализме, правах и свободах человека и гражданина как высшей ценности. Значимость конституционных ценностей повышается в условиях возрастания глобальных угроз, исходящих от США и западных стран, многочисленных вводимых ими санкций, а также мировоззренческого противостояния традиционных российских духовно-нравственных ценностей ценностям западного мира, что актуализирует проблему прав и свобод человека и гражданина в контексте обеспечения национальной безопасности, защиты государственного суверенитета и целостности Российской Федерации.

Для современного этапа развития общества и государства характерна динамичность конституционных процессов, обусловленная принятием Закона Российской Федерации о поправке к Конституции [1], содержащего более 200 конституционных новелл, что повлекло введение новых и изменение действующих федеральных конституционных, федеральных законов, а также иных нормативных правовых актов.

С. Ю. Кашкин в 1992 г. писал об историческом изменении сущности и понимания конституции, однако данное высказывание относительно конституционного развития применимо и в настоящее время [2, с. 39].

В процессе совершенствования российской государственности был урегулирован ряд вопросов, имеющих конституционное значение. Достаточно вспомнить разрешение проблемы соотношения норм международного и внутригосударственного права посредством толкования конституционных норм Конституционным Судом РФ и вынесенным решением о верховенстве Конституции.

Одновременно в российской правовой доктрине получила распространение позиция, согласно которой исполнение решения межгосударственного органа, если это исполнение противоречит Конституции РФ, невозможно. В 2020 г. это положение было закреплено в Конституции РФ (ст. 79). Согласно действующей редакции Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» суд вправе проверять возможность исполнения решений межгосударственных органов и судов. Однако в связи с выходом Российской Федерации в 2022 г. из состава Совета Европы юрисдикция Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) на Россию не распространяется.

На момент выхода России из Совета Европы в ЕСПЧ находилось на рассмотрении около 17 тысяч жалоб, поданных против России. В связи с этим теряют актуальность и нормы ст. 79 Конституции РФ. Это же применимо и к конституционной гарантии ч. 3 ст. 46 об обращении граждан в межгосударственные органы по защите прав человека.

Выход из Совета Европы представляет собой адекватный ответ России европейскому сообществу в сложившихся политических реалиях. Однако международная защита прав и свобод российских граждан посредством обращения к механизму ЕСПЧ, являющегося составной частью Совета Европы, также стала недоступной. Что касается деятельности органов и учреждений ООН по защите прав человека, то их защита отличается недостаточной эффективностью и во многом зависит от международных политических отношений. Такие международные судебные учреждения, как Международный суд ООН, международные арбитражи и третейские институты, инвестиционные арбитражи, комитеты, палаты и т. п., не рассматривают индивидуальные и коллективные жалобы на нарушение прав человека.

Согласно ст. 2 Конституции РФ права и свободы являются высшей ценностью. В этом аспекте государством было много сделано в части совершенствования данной конституционной ценности, а также усиления ее защиты посредством введения новых правовых механизмов. Например, были учреждены должности уполномоченных по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей и др. Это позволило повысить правовую защиту отдельных категорий граждан, выявить проблемные аспекты, связанные с их защитой. Для этого были внесены изменения в процессуальное законодательство в части совершенствования процедуры судебной защиты нарушенного или оспариваемого права.

Современные цифровые технологии трансформируют взаимодействие человека, общества и государства. Новый характер отношений способствует созданию комфортных условий для общества, однако внедрение информационно-телекоммуникационных технологий имеет и негативную сторону в виде доступности персональных данных, киберпреступности и др.

В последние годы в России усиливается идеологическая направленность общества, включающая положения о сохранении традиционных духовно-нравственных ценностей [3, с. 10]. Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 [4] были приняты Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, которые наполнили конституционные нормы новым содержанием, усилили духовную составляющую жизни общества. Это нововведение вступило в противоречие

с конституционной нормой об идеологическом многообразии, однако в целом способствует укреплению целостности и единства государства, его внешнего и внутреннего суверенитета.

Происходит процесс выстраивания единой системы органов публичной власти, включающей органы государственной власти и органы местного самоуправления, имеющие общие задачи и цели. Вопросы организация единой системы публичной власти отнесены теперь к ведению Российской Федерации (п. «г» ст. 71 Конституции РФ), а обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, возложено на главу государства (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ). Между тем остаются вопросы, касающиеся самостоятельности местного самоуправления в решении вопросов местного значения и характера отношений с органами государственной власти.

Список источников

1. *О совершенствовании* регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Кашкин С. Ю.* Смена цивилизаций и конституций: формирование ее глобального идеала // Государство и право. 1992. № 11.

3. *Буцакова М. А.* Традиционные российские духовно-нравственные ценности // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. (8–9 декабря 2022 г., г. Омск) / пред. редкол. С. К. Буряков. Омск, 2023.

4. *Об утверждении* Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Н. С. Грудинин

Реализация Конституции Российской Федерации 1993 г. в условиях укрепления российской государственности

Конституция РФ 1993 г. продолжает оставаться гарантом отечественной государственности. От успешной реализации ее установлений и предписаний зависит не только стабильное и эффективное функционирование органов государственной власти и местного самоуправления,

но и мир и согласие внутри страны, а также безопасное развитие всего общества в целом. Представляется, что Конституция РФ — документ своего времени. Именно Конституция 1993 г. позволила перейти не на словах, а на деле к построению основ демократической правовой государственности в России, в рамках которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а государство прилагает все необходимые усилия для полноценного и всестороннего развития личности. В единстве государства и общества, на наш взгляд, заключается важный фактор, определяющий успешность развития российской государственности.

Необходимо отметить, что в последние годы процесс реализации Конституции РФ стал трансформироваться из узкой политической сферы в более широкую плоскость — социально-экономическую, идеологическую и даже патриотическую. Конституция РФ перестала быть преимущественно политико-правовой программой долгосрочного развития государства и институтов публичной власти, а стала рассматриваться как расширенный нормативно-правовой акт, определяющий основы политического развития страны и социально-экономические векторы развития общества, имеющие своей целью социальную солидарность и социальное благоденствие граждан [1, с. 140]. Указанному направлению формирования российской государственности и российского конституционализма во многом способствовала конституционная реформа 2020 г., а также накопленный многовековой опыт становления российской государственности в интересах всего общества.

Ключевыми составляющими процесса реализации Конституции РФ в современных реалиях необходимо признать следующее. Во-первых, развитие системы публичной власти и системы разделения властей. Очевидно, что в России с XXI в. начался процесс централизации как самого федеративного государства (институт полномочных представителей Президента РФ, строительство вертикали власти), так и системы разделения властей и укрепления системы местного самоуправления. В настоящее время система разделения властей продолжает искать различные варианты своего оптимального функционирования, но при этом формула «Сильный Президент — сильная Россия» остается неизменной. Благодаря построению так называемой вертикали власти, стали возможными быстрое принятие управленческих решений и их реализация на практике. А с внедрением цифровых технологий данные механизмы еще больше ускоряются. В настоящее время мы можем утверждать, что в России создана сбалансированная централизованная модель федеративного государства с эффективно функционирующей системой разделения властей

во главе с Президентом РФ в центре и органами местного самоуправления, призванными решать вопросы местного значения [2, с. 30].

Во-вторых, одним из ключевых аспектов действия и реализации конституционных установлений стал их социальный вектор. В целях создания необходимой основы для развития идеи социального развития общества и обеспечения социальной солидарности в 2020 г. Конституция РФ была дополнена ст. 75.1, гласящей, что в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Не вызывает сомнения, что построение развитого с социальной и экономической точек зрения государства невозможно без создания определенных условий для суверенного статуса страны, включающего в себя богатые природные ресурсы, современные технологии, необходимое влияние России на международные процессы, ее участие в интеграционных образованиях и сильные Вооруженные Силы, способные надежно защищать граждан страны.

На наш взгляд, обеспечить государственный суверенитет нельзя без социальной сплоченности внутри общества. Для укрепления социальной солидарности и сплоченности, безусловно, необходимы как политические меры (усиление представительного характера парламента, гарантии политической оппозиции), так и экономические (прогрессивный налог на доходы). С нашей точки зрения, с течением времени можно будет задуматься и о доработке конституционных установлений.

Полагаем, что в будущем можно было бы подумать о закреплении в тексте Конституции РФ 1993 г. нормы следующего содержания: «Обеспечение стабильного и устойчивого социально-экономического развития общества и достойного уровня жизни граждан — обязанность государства». Такое положение будет содействовать укреплению взаимосвязи между государством и его гражданами, обеспечивая поступательное развитие отечественной государственности.

В-третьих, процесс реализации Конституции РФ связан с ее восприятием в обществе. В связи с этим необходимо отметить, что Конституция РФ 1993 г., помимо системообразующей и стабилизирующей функций, призвана выполнять идеологическую функцию, которая должна создавать предпосылки для утверждения самой Конституции, режимов конституционализма, законности и правопорядка, а также формировать

определенные ценности, образы и модели поведения общества [3, с. 64]. Коллективизм, патриотизм, вера в традиционные ценности, институт семьи, защита своей Родины — вот традиционные идеалы российского общества. Думается, что современная Конституция РФ только находит необходимый баланс между традиционными идеологическими идеями и постулатами, присущими многонациональному российскому обществу, и ритмом современного общества, его тенденцией к постоянному развитию и цифровизации. В целях укрепления традиционных основ российского общества, усиления его демократической правовой природы, обеспечения идеи социального государства представляется необходимым закрепить на конституционном уровне идею о патриотической идеологии. По нашему мнению, она могла бы быть сформулирована в рамках ст. 75.2 Конституции РФ и звучать следующим образом: «Российская государственность основывается на идеях свободы, патриотизма, преемственности поколений, защиты суверенитета и целостности страны. Их уважение — обязанность государства и общества».

Резюмируя, отметим, что современный процесс реализации Конституции РФ связан как с сохранением традиций демократии, преемственности поколений и патриотизма, так и с динамизмом развития системы разделения властей, федеративного устройства страны и цифровизацией публично-правовых институтов. Опора поступательного развития страны — ее суверенитет, традиции, патриотизм и Конституция, пользующаяся уважением и признанием внутри общества. Укрепление и совершенствование механизма реализации Конституции РФ 1993 г. — стратегическая задача Российского государства и общества.

Список источников

1. *Старшова У. А.* Трансформация принципа социального государства в свете поправок в Конституцию РФ 2020 года // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 4.
2. *Добрынин Н. М.* Современный российский федерализм в фокусе проблем обеспечения демократии, разделения властей и работоспособности административной вертикали // Государство и право. 2020. № 2.
3. *Нарутто С. В.* Функции Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 10(155).

Т. Е. Грязнова

Учение о гражданстве Б. Н. Чичерина

Взгляды Б. Н. Чичерина на проблему гражданства тесно связаны с его размышлениями о народах как субъектах исторического процесса и моделируемым идеалом конституционного правового государства. Автор убежден, что именно характером каждого народа определяется в конечном итоге выбор наиболее предпочтительной для него политической формы. Однако правовой статус граждан обусловлен степенью духовной зрелости народов, их способностью воспринимать и генерировать объективно развивающиеся в истории общечеловеческие начала свободы и гуманизма.

Поскольку народы интерпретируются Б. Н. Чичериным как «духовные личности», им, как и людям, свойственны такие возрастные характеристики, как «младенчество», «период полного развития сил» и «старость». Поэтому автор считает глубоким заблуждением принимать за сущностные национальные особенности народа имеющие место на стадии его взросления преходящие черты. Отмена крепостного права, согласно Б. Н. Чичерину, свидетельствует о готовности российского народа к восприятию ценностей конституционализма, среди которых права и свободы гражданина выступают одной из самых значимых. «Необходимое в младенческом состоянии общества крепостное право было несовместимо с высшими требованиями гражданского порядка и просвещения. Отмена его была признанием, что Россия вступила в период общественной зрелости» [1, с. 370], — поясняет свою мысль автор.

Смысл истории Нового времени государствовед видит в активном взаимодействии народов. «При живом обмене мыслей между европейскими народами, при совокупной их жизни идеи переносятся из одной страны в другую, всюду возбуждая одинаковые стремления» [1, с. 369], — пишет Б. Н. Чичерин, объясняя переход ведущих европейских держав от абсолютизма к установлению конституционных начал. Будучи убежденным в единстве путей исторического развития России и Европы, подчеркивая, что «законный порядок составляет самую насущную потребность русского общества», удовлетворение этой потребности он видит в переходе «от неограниченной монархии к ограниченной» [2, с. 147].

Признавая, что политическая свобода постепенно повышает интеллектуальный уровень народной массы и развивает в ней интерес к государственным делам, Б. Н. Чичерин, тем не менее, подчеркивает, что в нормально эволюционирующем обществе «умственная подготовка» соответствует «жизненному призванию» [3, с. 338–339]. Поскольку фи-

зический труд — это род занятий подавляющего большинства населения, а гений, талант и высшее образование пока еще составляют личное достояние немногих, последние являют собой «умственную аристократию» — цвет народа, определяющий будущее государства. «Теоретическое призвание умственной аристократии делает ее руководительницей умственного движения. Она исследует законы общественной жизни; она указывает и разрабатывает общественные идеалы» [1, с. 425], — пишет Б. Н. Чичерин. В союзе с аристократией родовой и финансовой она составляет независимую общественную силу, которая является гарантом внутреннего порядка и общественной свободы.

Преодоление биполярности общества, существенно препятствующей его культурному и политическому развитию, Б. Н. Чичерин связывает с формированием среднего класса, наличие которого считает характерным признаком Нового времени. Именно усилением среднего класса в настоящий период «умножается и накапливается как материальный, так и умственный капитал, от которого зависит все дальнейшее развитие человечества» [1, с. 341]. Именно эту часть населения автор, прежде всего, имеет в виду, рассуждая о проблеме гражданства и связанных с ним институтов.

Характеристику правового статуса человека Б. Н. Чичерин определяет посредством трех категорий: подданство, гражданство и индигенат. Подданство являет собой принадлежность личности к населению конкретного государства, гражданство — круг ее прав и обязанностей, индигенат — правовое положение иностранцев.

Б. Н. Чичерин отмечает, что сложившаяся на протяжении столетий практика принудительной связи гражданина с государством, предусматривающая возможность изменения подданства только с согласия суверена (примером чего могут служить законодательства Англии, Германии и России) под воздействием идеологии Просвещения и европейских буржуазных революций в большинстве конституционных государств уступила место свободе человека выбрать себе отечество.

Развитие международных отношений и браков между подданными разных государств с неизбежностью актуализируют вопрос о допустимости двойного гражданства. Несмотря на законодательное закрепление практики двойного гражданства в ряде европейских стран, автор считает ее неприемлемой для России. Будучи убежденным в том, что «подданство есть отношение всецелое, которое делиться не может», он пишет: «Человек может пользоваться теми или другими правами в разных государствах; он всегда обязан подчиняться законам той страны, где он находится; но своим лицом он принадлежит только одному отечеству» [4, с. 210].

Либеральный мыслитель различает два способа приобретения гражданства: по рождению и по свободному волеизъявлению. Изучая европейское и отечественное законодательство, он выявляет два принципа приобретения гражданства по рождению: территориальный и личностный. Основанный на вотчинном праве, в рамках которого главной ценностью считалась земля, а население лишь ее принадлежностью, территориальный принцип в период Нового времени очевидно изжил себя.

В соответствии с современным государственным правом «народ как целое есть субъект государства, а территория составляет его принадлежность», соответственно, «принадлежность к государству должна определяться принадлежностью к народу, т. е. личным началом» [4, с. 207], — убежден автор. Согласно данной системе гражданство приобретается по праву рождения, безотносительно к месту, если родители (как правило, отец) обладают таковым.

Приобретение гражданства вследствие волеустановления возможно посредством брака, узаконения иностранных детей, поступления на службу, длительного проживания на территории данной страны. Издание актов натурализации, подтверждающих правовой статус нового подданного, в зависимости от особенностей национального законодательства может быть возложено на судебные или административные органы верховной или местной власти, — отмечает исследователь.

В соответствии с идеологией классического либерализма Б. Н. Чичерин различает личные и политические права граждан. Первые «принадлежат гражданам как отдельным лицам, подчиненным государственной власти; ими определяется отношение личной свободы к власти», что касается прав политических, то они принадлежат гражданам «как участникам власти» [4, с. 211]. К числу личных прав правовед относит личную свободу; неприкосновенность собственности и жилища; тайну переписки; свободу промыслов и занятий, совести, слова, печати, собраний и объединений; право прошений.

Согласно Б. Н. Чичерину политические права включают: «1) участие в решениях лично или через представителей; 2) доступ к должностям» [4, с. 239], в связи с чем они предполагают наличие определенной политической способности, обеспечиваемой путем развития образования и культуры субъектов правоотношений.

В соответствии с категорией предоставленных прав на гражданина возлагаются обязанности: как на подчиненных власти частных лиц (личные) и как на членов государства (политические или служебные). В числе личных обязанностей, распространяемых и на иностранцев, Б. Н. Чиче-

рин называет повиновение требованиям закона, верность, понимаемую как «образ мыслей и действий, клонящийся к сохранению государства и к поддержанию существующей власти» [4, с. 249], налоги и повинности. Распространяемые исключительно на граждан политические обязанности, по его мнению, включают воинскую повинность (служба в армии, национальной гвардии или местной полиции), обязательную в некоторых случаях государственную службу (присяжные, низшие полицейские должности и т. д.).

Как видим, проблемы гражданства в связи с настоятельной потребностью и ощущением ближайших перемен политической и правовой системы Российской империи находились в центре внимания отечественных юристов, в том числе и Б. Н. Чичерина. Безусловной заслугой отечественного мыслителя является обоснование настоятельной необходимости расширения и юридического закрепления гражданских прав в соответствии с ценностями конституционализма, наделение личными и политическими правами (политическими — по мере распространения просвещения и образования народа) всего населения страны; идея о сопряженности субъективных прав и юридических обязанностей; убежденность в том, что служение отечеству — долг каждого гражданина, несовместимый с двойным гражданством.

Список источников

1. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1896. Ч. II.
2. Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия. 3-е изд. Берлин, 1901.
3. Чичерин Б. Н. Собственность и государство. М., 1883. Ч. II.
4. Чичерин Б. Н. Общее государственное право / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2006.

В. А. Гусев

Конституционные права граждан и государственное принуждение

Российская Федерация признает и гарантирует права и свободы человека и гражданина, которые являются неотчуждаемыми и принадлежат каждому от рождения (ст. 17 Конституции РФ). Это, безусловно, характеризует наше государство как демократическое и правовое. Обще-

ство делегировало государству власть: создавать правила общежития, претворять их в жизнь и разрешать спорные ситуации.

Реализуя свою первую функцию, государство определило ценность прав и свобод человека, но при этом и равенство всех перед законом (ст. ст. 18 и 19 Конституции РФ). Очевидно, что правила поведения в обществе (т. е. законы) принимаются большинством граждан, а подчиняться и соблюдать эти правила должны все, без исключения, иначе теряется смысл в создании законов, а затем и вера в государство. Именно поэтому любое государство, исполняя свою вторую функцию, создает органы исполнительной власти, задача которых состоит в обеспечении неукоснительного соблюдения положений и требований законодательных актов в жизни общества.

Обязательность исполнения законов, в свою очередь, может быть обеспечена только принудительной силой, применением которой государство уполномочивает свои правоохранительные органы. Указанные органы, используя правовые инструменты административного, уголовного и оперативно-розыскного законодательства, принуждают граждан, подготавливающих, совершающих или совершивших правонарушения, к соблюдению закона, ограничивая при этом их права и свободы.

Конфликт прав и обязанностей граждан между собой и с государственными органами, применяющими принуждение, разрешается судебными органами — в этом реализуется третья функция государства. Именно судебная система призвана поставить окончательную точку в решении вопроса о правомерности принуждения и назначении наказания (по существу, тоже принуждения), соответствующего тяжести совершенного человеком проступка.

Российское государство, совершенно справедливо провозглашая человека и его права высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), в то же время регламентирует процедуру принудительного ограничения прав тех лиц, которые допускают нарушение закона. Например, каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность, однако по решению суда он может быть арестован и заключен под стражу по подозрению или обвинению в преступлении (ст. 22 Конституции РФ). Никто не вправе проникать в жилище человека против его воли, при этом в случаях, установленных федеральным законом или по решению суда, государственные органы имеют на это право (ст. 25 Конституции РФ). Более того, каждый человек имеет право на жизнь, но в случае совершения им особо тяжкого преступления против жизни других граждан преступник может быть принудительно лишен своего права на жизнь и к нему может быть приме-

нена исключительная мера наказания в виде смертной казни (ст. 20 Конституции РФ). Во всех перечисленных, а также иных случаях ограничения прав человека, Конституция РФ и федеральное законодательство содержат основания, условия и порядок применения мер принуждения. Так, государство в лице своих законодательных органов устанавливает достаточно прозрачные юридические процедуры воздействия на граждан, нарушивших предписания закона. В связи с этим принудительное ограничение их прав и свобод становится не только объективной необходимостью, но и адекватной, соразмерной и легальной реакцией государства.

Следует подчеркнуть, что применение мер государственного принуждения в отношении правонарушителей (даже исходя из самого термина) напрямую или опосредованно осуществляется в целях защиты прав, свобод и законных интересов других граждан [1, с. 24–26]. Все статьи Кодекса об административных правонарушениях РФ и Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) предусматривают наказания за проступки, посягающие на права отдельных граждан, определенных социальных групп или общества граждан в целом. Даже преступления против государственной власти, казалось бы далекие от прав и свобод граждан, так или иначе посягают на них. Например, государственная измена (ст. 275 УК РФ) или шпионаж (ст. 276 УК РФ) представляют собой совершение тех или иных действий, направленных в итоге против безопасности Российской Федерации, т. е. безопасности российского общества.

Таким образом, кажущийся на первый взгляд юридическим парадоксом тезис «принудительное ограничение прав человека осуществляется государством в целях защиты прав человека» не является таким уж парадоксальным. Вопреки заявлениям псевдолиберальных, ориентированных на «европейские ценности» «лидеров» общественного мнения о тоталитаризме Российского государства, феномен защиты государством прав законопослушных граждан посредством принудительного ограничения конституционных прав других граждан, являющихся нарушителями, присущ любому обществу, заинтересованному в обеспечении своей безопасности и процветании.

Список источников

1. Гусев В. А. Право человека на неприкосновенность частной жизни и обязанность государства обеспечить общественную безопасность // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. (8–9 декабря 2022 г., г. Омск) / пред. редкол. С. К. Буряков. Омск, 2023.

А. В. Жияев

Как обеспечить объективность результатов иностранного (международного) наблюдения за российскими выборами

Тема контроля за выборами независимыми от государства структурами не утрачивает своей актуальности с самого начала формирования современной российской избирательной системы. Такой интерес к данному вопросу определяется тем, что посредством деятельности различных субъектов избирательно-правовых отношений обеспечивается действие ключевых принципов демократии, имеющих целью гарантировать легитимность любой избирательной кампании. Одной из форм упомянутого контроля является иностранное (международное) наблюдение. Появившись с начала проведения в России первых демократических выборов, указанный институт прочно занял свое особое место в общей системе контроля электоральных процессов. Причиной этому выступает наличие у нашей страны международных обязательств в сфере человеческого измерения, закрепленных в ряде международно-правовых актов, а также в некоторых документах международных организаций. Вместе с тем в настоящее время в связи с меняющейся общественно-политической ситуацией в мире происходит переосмысление его роли в отечественной избирательной системе.

Следует отметить, что в существующих реалиях для Российской Федерации самой актуальной проблемой в данной области является обеспечение объективности и беспристрастности внешнего мониторинга избирательных кампаний [1, с. 32–34]. К сожалению, многолетняя практика проведения выборов показала, что некоторые международные организации и отдельные страны, используя политику двойных стандартов, крайне предвзято оценивают их результаты. Речь прежде всего идет об ОБСЕ, Совете Европы и Европейском Союзе. Если на заре российской демократии отечественные организаторы выборов приглашали на них максимально возможное количество представителей от многочисленных государств и международных организаций, то после событий на Украине в 2014 г. и проведении впоследствии агрессивной политики в отношении России недружественными странами она была вынуждена пересмотреть свой подход к отбору кандидатов для такой деятельности. Вместе с тем подчеркнем, что Российская Федерация никогда не отказывалась от выполнения имеющихся у нее обязательств в сфере прав человека и всегда приглашала на свои избирательные кампании экспертов даже тех между-

народных организаций, которые предпринимали по отношению к ней подобные действия.

Так, на выборах в Государственную Думу в 2021 г. иностранное (международное) наблюдение осуществляли 250 представителей (55 государств, 10 международных организаций, 34 национальных парламента, 36 национальных избирательных органов). К мониторингу были допущены все субъекты, получившие от российской стороны приглашения. Единственной организацией, которая, приняв приглашение, в итоге отказалась направить своих представителей на выборы, было Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ (БДИПЧ ОБСЕ). Причиной такого решения стало «недовольство» этой организации сокращением Центральной избирательной комиссией РФ количества ее экспертов с заявленных 500 до 60, что определялось рекомендациями Роспотребнадзора, связанными со сложной ситуацией по распространению COVID-19. При этом необходимо отметить, что аналогичные предложения по оптимизации числа наблюдателей были направлены 17 международным организациям, которые (кроме БДИПЧ ОБСЕ) с ними согласились.

В связи с этим обеспечение решения указанной задачи должно начинаться уже на стадии отбора зарубежных партнеров, которые в силу имеющегося у них авторитета способны представить реальную картину складывающейся в нашем государстве общественно-политической ситуации. Например, речь может идти о Международном институте мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств — участников МПА СНГ (МИМРД МПА СНГ) — одной из ведущих организаций по наблюдению за выборами на постсоветском пространстве. За 17 лет представители названного института более 100 раз участвовали в мониторинге выборов и референдумов в государствах-участниках МПА СНГ и за пределами Содружества. Его эксперты ведут работу не только в странах региона, но и в Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Израиле, Испании, Италии, Канаде, Китае, Латвии, Турции, Франции, Чехии, Японии и др. Не случайно, что сейчас деятельность МИМРД МПА СНГ ставится в противовес работе другой упомянутой выше структуры, осуществляющей наблюдение в массовом порядке, — БДИПЧ ОБСЕ.

О том, что эта организация не скомпрометировала себя применением двойных стандартов и осуществляет качественный мониторинг, говорит, помимо прочего, и мнение Председателя Совета МПА СНГ В. И. Матвиенко, которая 25 ноября 2020 г. на заседании комиссии по сотрудничеству верхних палат парламентов России и Таджикистана в Москве отметила: «...если

раньше БДИПЧ ОБСЕ заранее готовило доклады по всем выборам в любой стране на пространстве СНГ в нравоучительном тоне и с серьезной критикой, сейчас они уже не смеют этого делать, поскольку есть альтернативная точка зрения в лице миссии МПА СНГ, с которой трудно поспорить» [2].

С позиций действующего российского законодательства для решения такого вопроса нет никаких препятствий. В нем установлены универсальные правила приглашения и аккредитации иностранных представителей, которые в полной мере могут обеспечить интересы организаторов выборов на всех уровнях.

Еще одним важным аспектом, влияющим на объективность результатов деятельности иностранных (международных) наблюдателей, является детальная проработка и надлежащее правовое закрепление методологической базы, используемой ими. К сожалению, и в данном случае следует отметить, что подходы различных зарубежных организаций к решению этого вопроса существенно отличаются. Так, методика, существующая у ОБСЕ, представляет собой набор документов, которые разработаны БДИПЧ без согласования с государствами-участниками ОБСЕ. Они никогда не утверждались какими-либо руководящими органами и официально не публиковались. В то же время функционирование соответствующих структур в рамках СНГ основано на коллегиально утвержденным уставными органами методических материалах. Все это в целом по понятным причинам также определяет выбор российской стороны.

В заключение хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что за более чем 30-летнюю историю существования современной отечественной избирательной системы институт иностранного (международного) наблюдения за выборами прочно занял свое особое место в общей системе контроля избирательных кампаний. Исполняя свои обязательства в рамках членства в различных международных организациях, Российская Федерация постоянно приглашает их экспертов для осуществления мониторинга электоральных процессов, происходящих в ней. Вместе с тем динамично меняющаяся общественно-политическая ситуация в мире накладывает свой отпечаток на формирующуюся практику в этой области.

Агрессивная политика недружественных государств в отношении нашей страны вынуждает организаторов выборов более тщательно подходить к отбору кандидатов для выполнения таких миссий. Тем не менее полагаем, что даже при крайней степени политизированности данного рода общественных отношений отказываться от зарубежного наблюдения за избирательными кампаниями нецелесообразно, так как объективная внешняя оценка их итогов повышает как степень легальности выбо-

ров, так и авторитет в глазах международного сообщества избранного органа и государства в целом.

Список источников

1. Жилиев А. В. Текущее состояние и перспективы развития территориальных основ местного самоуправления в Российской Федерации // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. (8–9 декабря 2022 г., г. Омск) / пред. редкол. С. К. Бураков. Омск, 2023.

2. URL: <https://council.gov.ru/events/news/121680/> (дата обращения: 17.11.2023).

И. А. Журавлева

Суверенитет в теории конституционализма

В настоящее время сохраняется некоторая неопределенность в отношении понимания конституционализма. В частности, продолжают авторские изыскания в создании его конкретного определения [1]. Однако в теории права принято считать, что, прежде всего, конституционализм — это теория, модель, концепция построения государства, в котором документом, обладающим высшей юридической силой, является конституция, она же выступает основным законом страны [2, с. 93].

Вместе с тем, независимо от продолжающихся интеллектуальных поисков «универсального» определения, необходимо признать, что в любом случае речь идет о государстве, а значит, следует обратить внимание на признаки государства, на те характеристики, которыми исторически, эволюционно обладает та или иная территория, на которой организуется народ, суверенно устанавливая свою власть.

В этом случае, говоря о государстве как о политическом институте, системе организации общества, «появляется» понятие, определяющая характеристика — суверенитет [3, с. 17]. Однако отметим, что количество признаков государства разнится, но незыблемым остается в теории и практике нашедший свое отражение в нормах международного права признак суверенности — суверенитет.

Выделяя суверенитет в качестве определяющего признака государства, обратим внимание, что он обеспечивает возможность реализовывать права и свободы, законность на соответствующей территории. Можно сказать, что «суверенитет ... обеспечивает достижение целей права,

к которым можно отнести обеспечение безопасности и справедливости, экономического благосостояния...» [4].

При этом в науке выделяют такие виды суверенитета, как государственный, национальный и народный [5, с. 37–38]. Содержательно у каждого из них имеются отличия.

Так, *государственный суверенитет* предполагает верховенство власти над народом в политическом сообществе. Это трактовка традиционной системы взаимодействия «власть — общество».

Национальный суверенитет заключается в праве наций на политическое самоопределение, позволяющее, например, в рамках многонациональных государств создавать национальные автономии, национальные республики. При этом следует понимать, что полная национальная суверенность здесь невозможна по объективной причине — вероятности возникновения межнациональной розни. С этой точки зрения именно федеративные государства исторически доказали свою устойчивость. Поэтому наличие в конституциях государств норм, закрепляющих демократические, социальные основы, а также фиксация положения, что государство является правовым, создает реальные условия для граждан всех национальностей по реализации их культурно-исторических интересов.

Однако в рамках теории конституционализма, на наш взгляд, наибольший интерес вызывает *народный суверенитет*, появлению идеи о котором мы обязаны трудам Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо, заявившим о наличии противоречий между гражданским обществом и абсолютной властью государства. Со временем эти теоретические изыскания нашли свое отражение в формулировке, что вся полнота власти в государстве принадлежит народу и только народ является ее носителем.

Безусловно, и у этого тезиса есть масса противоречивых нюансов, но мы, рассматривая современную отечественную государственность и придерживаясь мысли, что конституционализм — это, прежде всего, конституционное закрепление норм внутреннего права, считаем, что именно идеи народного суверенитета содержатся в ст. 3 Конституции РФ, которая гласит, что носителем суверенитета и единственным источником власти в государстве является его многонациональный народ.

Более того, с точки зрения институционального подхода к признакам демократического государства в рамках народного суверенитета относят следующее: наличие народного представительства — в РФ это двухпалатный Парламент; идеологический плюрализм — закреплен в Основном законе; наличие политической конкуренции и прямых форм народного волеизъявления — регламентировано ст. 3 Конституции РФ, что выраже-

нием власти народа являются референдум и свободные выборы; реализация принципа разделения властей закреплена ст. 10 Конституции РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что суверенитет в теории конституционализма в целом и в рамках модели государственности в частности является неотъемлемым элементом, обеспечивающим реализацию прав и свобод человека и гражданина, будучи формально закрепленным в Основном законе страны.

Так, статья 2 Конституции РФ, провозгласив и закрепив высшей ценностью права и свободы человека и гражданина, позволяет функционировать механизму правового государства. Иначе говоря, получается своеобразный круг взаимосвязанных элементов, обеспечивающих функционирование государства.

Следовательно, принятие суверенным государством Конституции обеспечило закрепление демократических и социальных ценностей, став формальным отражением теории конституционализма, а сущностные характеристики суверенитета, прежде всего народного, раскрылись в конкретизации прав и свобод человека и гражданина в самой Конституции и системе законодательства страны.

Список источников

1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionalizm-kak-ponyatie-i-nauchnaya-problema> (дата обращения: 07.11.2023).

2. Журавлева И. А. Идеи конституционализма в уголовном праве России // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VI междунар. науч.-практ. конф. (15–16 декабря 2021 г., г. Омск). Омск, 2022.

3. Журавлева И. А. Вопросы теории суверенитета как теоретической основы федерализма // Экономика, образование и право: вопросы теории и практики : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (сентябрь 2011 г., г. Омск) / под науч. ред. д-ра экон. наук А. И. Барановского. Омск, 2011.

4. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/100773/> (дата обращения: 07.11.2023).

5. Засыпкин М. А. Президент как субъект стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. (8–9 декабря 2022 г., г. Омск) / пред. редкол. С. К. Буряков. Омск, 2023.

Е. С. Зайцева

Использование оценки регулирующего воздействия для выявления и установления пределов сферы правового регулирования

Одной из значимых правотворческих технологий, направленных на выявление и установление пределов сферы правового регулирования, является оценка регулирующего воздействия (далее — ОРВ). Ее следует рассматривать и как правотворческую технологию, и как одноименную деятельность, осуществляемую на ее основе. Если разбирать ОРВ как юридическую технологию, то можно дать ей следующее определение: оценка регулирующего воздействия — это правотворческая технология, направленная на анализ проектов нормативных правовых актов и регулируемых ими общественных отношений в целях выявления необходимости и обоснованного выбора способа правового регулирования общественных отношений на основе анализа альтернативных вариантов и возможных положительных и (или) отрицательных последствий (экономических, социальных, экологических) введения такого регулирования, а также обеспечения возможности учета мнений лиц, интересы которых затрагиваются предлагаемым правовым регулированием.

Использование ОРВ для выявления и установления пределов сферы правового регулирования обуславливает необходимость определения ее объектов. Формулировка «оценка регулирующего воздействия проектов актов», используемая в текстах нормативных правовых документов [1, 2], несколько отодвигает на второй план первичный объект ОРВ — общественные отношения. Но для того чтобы оценить возможности воздействия проекта акта, необходимо прежде всего проанализировать объект воздействия — общественные отношения. Эта необходимость находит отражение в приложениях к приказу Минэкономразвития России от 27 мая 2013 г. № 290 «Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия». Таким образом, можно выделить два самостоятельных объекта ОРВ: первичный — это общественные отношения, которые оцениваются с точки зрения их вхождения в сферу правового регулирования и соответствия пределам этой сферы, а также с точки зрения внутренних пределов, связанных с использованием различных способов и методов правового регулирования, когда речь идет об установлении обязанностей, ограничений и запретов, и вторичный объект — это сами регуляторы (нормы

права), которые оцениваются в аспекте необходимости и соразмерности регулируемым общественным отношениям.

В процессе осуществления ОРВ оценивается целый ряд критериев выявления и установления пределов сферы правового регулирования. Во-первых, ОРВ позволяет оценить пределы правового регулирования на основании критериев, обусловленных свойствами самого права (полнота регулирования общественных отношений, легитимность и эффективность права), во-вторых, один из критериев, определенный свойствами общественных отношений, имеющих правовую природу, — это конфликтность интересов их участников.

Прежде всего критерием выявления и установления пределов сферы правового регулирования, который оценивается в процессе ОРВ, является полнота регулирования общественных отношений. На наш взгляд, несмотря на то что фокус внимания при осуществлении ОРВ направлен на избыточность правового регулирования, указанная технология позволяет параллельно оценивать и проблемы его недостаточности.

Легитимность права как критерий выявления установления пределов сферы правового регулирования также подлежит оценке. Это обусловлено привлечением экспертного сообщества, которое выступает адресатом принимаемых нормативных правовых актов и имеет возможность до принятия акта выразить либо свою поддержку, либо неодобрение.

В процессе ОРВ оценивается также ряд показателей такого критерия, как эффективность права, в частности: определение цели принимаемого нормативного правового акта (есть/нет) и отражение цели в предписаниях нормативного правового акта (есть/нет); противоречие норм права с иными социальными и естественно-природными регуляторами (есть/нет); соразмерность затраченных средств поставленной цели и полученным результатам (соразмерны/несоразмерны).

Еще один критерий — конфликтность интересов субъектов общественных отношений. Являясь легальным инструментом представления интересов различных групп [3, с. 225], ОРВ дает возможность выявить потенциальные зоны конфликтности интересов и принять наиболее оптимальное правотворческое решение.

Таким образом, оценка регулирующего воздействия — это правотворческая технология и одноименный вид юридической деятельности, которая может быть использована для выявления и установления пределов сферы правового регулирования.

Список источников

1. *О порядке* проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 1318. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Об утверждении* формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия : приказ Минэкономразвития России от 27 мая 2013 г. № 290. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Рахмеева И. И.* Оценка регулирующего воздействия в качестве институционального фактора развития региональной социально-экономической системы // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 221. № 1.

М. А. Засыпкин

Единая система органов публичной власти: новая основа и реальность

Термин «власть» в науке интерпретируется с учетом разных подходов. В историческом аспекте понятия политической, государственной и публичной власти использовались как родственные, иногда как синонимы. В современных условиях термин «публичная власть» приобретает новые очертания. Прежде всего ее понимание сводится к характеристике органов, исполняющих публичные функции в интересах личности, общества и государства.

Публичная власть — это разновидность социальной власти, нормативно-институционализированная, учреждения которой функционируют на конституционно-правовой основе, опираясь на доверие граждан, выраженное на выборах и референдумах, стремясь решать вопросы, которые важны для всех [1, с. 21].

Для консолидации органов публичной власти в 2020 г. в Конституцию РФ в результате конституционных преобразований впервые были введены категории «публичная власть» (ч. 1 ст. 67, п. «г» ч. 1 ст. 71, п. е.5 ст. 83) и «единая система публичной власти» (ч. 2 ст. 80, ч. 3 ст. 132).

В Конституции РФ и в Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» заложена идея о едином механизме публичной власти. Внимание исследователей привлекают содержательные смыслы и разные трактовки относительно структуры данного механизма и выстраивания взаимодействия между его звеньями.

Законодательное определение ориентировано на объединение усилий власти и общества для решения публично-правовых и частных правовых задач развития государства [2, с. 37–38]. Предполагается, что законодатель решил задачу закрепления единства системы в рамках организационных форм взаимодействия и тем самым заложил основы будущего практического «вертикального» взаимодействия органов публичной власти в основных сферах управления.

Проблема налаживания такого конструктивного взаимодействия является ключевой для функционирования «единой системы публичной власти» среди многих других в силу своей неотложности. Взаимное доверие, умение слышать голос общества и своевременно реагировать на разумные потребности граждан — необходимое условие эффективности государственного управления.

В настоящее время разграничение предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти является актуальной проблемой.

Для повышения эффективности данной работы можно выделить ряд основных направлений, таких как углубление разграничения предметов ведения, полномочий и ответственности каждого звена государственной, муниципальной и общественной власти. Это предполагает более высокий уровень их взаимодействия.

Важную роль в этом процессе играет местное самоуправление. Так будет ли оно реально обеспечено необходимыми материальными и финансовыми ресурсами для реализации соответствующих полномочий?

Все субъекты единой системы публичной власти осуществляют организационно-правовое, функциональное и финансово-бюджетное взаимодействие. Для того чтобы их деятельность была более эффективной, а уровень взаимодействия выше, требуется на законодательном уровне четко разграничить предметы ведения, полномочия и ответственность каждого звена государственной (на федеральном и региональном уровнях), муниципальной и общественной власти.

Разграничение предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти должно учитывать сбалансированность интересов всех

субъектов. Ведущую позицию в этом процессе занимает местное самоуправление, которое нужно обеспечивать необходимыми материальными и финансовыми ресурсами для реализации соответствующих полномочий.

Список источников

1. Михайлова О. В., Коньков А. Е., Батоврина Е. В. Государство и общество в поисках солидарности: вместе или рядом? // *Общественные науки и современность*. 2021. № 1.

2. Засыпкин М. А. Президент как субъект стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности // *Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы* : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. (8–9 декабря 2022 г., г. Омск) / пред. редкол. С. К. Буряков. Омск, 2023.

С. В. Кисс

Основные аспекты мирового конституционализма через призму конституционной модернизации

В теории конституционализма понятие «конституционная модернизация» рассматривается в широком и узком смыслах. В широком смысле конституционная модернизация отражает динамичный аспект сущности конституции, проявляющийся в ее совершенствовании. В узком смысле конституционная модернизация отражает функциональные характеристики обеспечения конституционного реформирования, направленного на создание оптимальной модели конституции, отвечающей требованиям и вызовам, стоящим перед национальной правовой системой, государством и социумом, для их надлежащего функционирования и адаптации к изменениям в будущем.

Мы изначально говорим о том, что путь конституционной модернизации любого государства зависит от мировоззрения граждан и подхода к пониманию правовой и политической систем, поскольку истоки конституционализма конкретного сообщества, образующего государство, обусловлены различными условиями протекания общественных процессов [1, с. 41].

Конституционная модернизация происходит в двух основных формах: процессуальной и материальной.

Процессуальная форма конституционной модернизации основывается на самом процессе трансформации конституционных актов. Та-

кая форма является содержательным отражением процесса становления публично-политической формы народовластия через институты представительной демократии.

Материальная форма конституционной модернизации характеризуется трансформацией содержания конституционных актов, закрепления в них новых форм и методов регулирования политического устройства государства, а также установления системы конституционных гарантий. Именно содержание конституционной модернизации отождествляет практическое воплощение доктринальных основ науки конституционного права.

Любая конституционная модернизация включает в себя ряд стадий воплощения в действительность:

- 1) право на модернизацию и последующие конституционные изменения;
- 2) организационное обеспечение модернизации;
- 3) идеологическое обеспечение модернизации;
- 4) конституционно-нормативное и процессуальное обеспечение конституционной модернизации, а также ее легитимизация;
- 5) принятие конституционных изменений или осуществление конституционного обновления законодательства.

Эти стадии могут быть дополнены и расширены, однако, по нашему мнению, они не могут быть сужены. Обходя любую из вышеупомянутых стадий, конституционная модернизация обречена на неполную ее реализацию.

Конституционную модернизацию можно определить как процесс изменения содержательного наполнения конституционных актов, направленный на рационализацию системы обеспечения государственного воздействия на общественно-политические процессы в стране и расширения ответственности государства за состояние реализации гарантий, содержащихся в Основном законе.

В целях более полного раскрытия проблемы проведения конституционной модернизации считаем необходимым рассмотреть этапы развития мирового конституционализма через призму конституционной модернизации. В этом смысле можно говорить о глобальной конституционной модернизации.

Первый этап глобальной конституционной модернизации — это период становления и утверждения новых государств в Европе и Северной Америке. Именно тогда появляются первые конституции (США, 1787 г.; Франция, 1791 г.; Швеция, 1809 г.), оказавшие большое влияние на ми-

ровое конституционное развитие. В данном случае речь идет о введении конституционализма как самостоятельного процесса. Создание конституций является первым этапом конституционной модернизации не в том смысле, что происходят изменения основных документов. Причем естественно, что конституционные акты появляются во всех странах без исключения, независимо от политических режимов, политического и общественного строя [2, с. 211].

Второй этап конституционной модернизации включает период до Второй мировой войны, когда начинается распад империй и создание новых независимых государств. Именно в таких условиях конституционная модернизация решает наиболее сложные цели — полную трансформацию общественно-политического устройства страны. Происходит распад главных империй Европы (австро-венгерской, русской, германской). На их место приходят новые республиканские формы государственного устройства, требующие соответствующего оформления и закрепления на конституционном уровне. Конституционная модернизация на этом этапе характеризуется тремя ключевыми аспектами:

- 1) формируются новые государственные институты, отличные от существовавших монархий;
- 2) происходит смещение ориентиров правового регулирования (от индивидуального блага монарха к общественному благу социума);
- 3) формируются новейшие механизмы защиты конституционного строя (выборы, конституционное большинство, учреждение органов конституционной юрисдикции).

Третий этап конституционной модернизации охватывает период после Второй мировой войны, когда происходит распад колониальной системы мира и создание новых государств, например, в Африке и Азии. Мировая колониальная система распадается, но после этого политический вакуум замещается новыми формами политического устройства, новыми государствами. Конституционная модернизация в этих условиях отличается появлением новых форм и моделей конституционного правового регулирования и конституционного устройства. Формируются новые конституции, которые во многом типичны и присущи переходному периоду становления новых, молодых государств.

На четвертом этапе (в течение 1980–1990 гг.) наблюдается наибольшая активизация конституционной модернизации. В этот короткий промежуток времени в разных странах принимается более 100 новых конституционных актов. Однако можно выделить основные тенденции этого периода конституционной модернизации.

1. Основной акцент модернизации направлен на установление высоких социальных стандартов общественно-политического строя в государствах.

2. Происходит окончательный переход к демократизации общественных отношений (демократические принципы прокламируются в новых конституциях, однако это не стало гарантией реальной реализации демократических изменений).

3. Окончательно закрепились институциональное обеспечение государственного механизма и установились классические модели демократических конституций.

Следовательно, конституционная модернизация на четвертом этапе предполагает единый общий тренд — отказ от тоталитарных и авторитарных режимов в пользу господства демократических институтов.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что любая конституционная модернизация проходит от возникновения права на конституционные изменения через организационное, идеологическое и нормативное обеспечение к осуществлению конституционного обновления законодательства. Однако следует отметить, что конституционная модернизация охватывает не только текущие процессы трансформации конституционного строя в государствах, но и процесс эволюции самого государства.

Список источников

1. Кисс С. В. Некоторые основы конституционных традиций российского конституционализма // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. (8–9 декабря 2022 г., г. Омск) / пред. редкол. С. К. Буряков. Омск, 2023.

2. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник для вузов. 15-е изд., перераб. и доп. М., 2009.

Д. В. Климова

Конституционные права человека и их защита в условиях цифровизации

Цифровая трансформация современного общества — это динамичный процесс, который обусловлен развитием технологий и заключается в повсеместном внедрении инноваций в различные социальные сферы.

А. А. Кузнецов отмечает, что цифровизация включает в себя два элемента: информатизацию и техническую составляющую. При этом сама информатизация уделяет большое внимание процессам непосредственной обработки и принятия информации, а технический этап процесса цифровизации заключается во внедрении технологии, которые эту информацию будут хранить [1].

В связи с указанной позицией, с одной стороны, цифровизация снижает бюрократическую нагрузку на органы государственной власти, упрощая бумажный документооборот, а также сам порядок получения государственных услуг, значительно сокращает сроки предоставления услуг и финансовые затраты. С другой стороны, становится очевидным расширение возможностей недобросовестного использования информации, которое может привести к нарушению прав человека.

Анализируя статистические данные в сфере киберпреступлений, совершенных на территории Российской Федерации в 2022 г., можно наблюдать тенденцию незначительного (на 0,8%), но все же увеличения количества преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий. Увеличилась также доля киберпреступлений в общей структуре преступности (на 0,7%). В то же время существенно вырос ущерб, причиненный подобными преступлениями. В частности, по выявленным сотрудниками органов внутренних дел преступлениям он составил почти 92 млн рублей (при этом выявлено 98,7% всех зарегистрированных киберпреступлений) [2, с. 99].

По мнению Н. В. Быковой, недобросовестное использование информации, бесспорно, приводит к нарушению таких конституционных прав человека, как неприкосновенность частной жизни, право на личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, на образование [3, с. 108]. Считаем, что в современных условиях цифровизации защите подлежит весь объем конституционных прав человека.

Цифровизация затрагивает практически все сферы общественной жизни и значительно расширяет возможности человека в реализации его универсальных прав, провозглашенных Конституцией Российской Федерации, предоставляет фактическую возможность получения различных государственных услуг с помощью «цифры».

Можно согласиться с позицией Г. А. Василевича, который отмечает, что конституционная проблема в контексте цифровой трансформации вызывает интерес с точки зрения выявления новых возможностей [4, с. 33].

При этом Конституция Российской Федерации гарантирует государственную защиту конституционных прав человека, предоставляет право

каждому защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45). Таким образом, реализация конституционных прав человека в условиях цифровизации налагает на государство обязательства по обеспечению, прежде всего, безопасного доступа к информации, позволяющего человеку быть полноценным представителем современного общества.

При реализации конституционных прав в информационном пространстве человек должен быть убежден в сохранности персональных данных в интернете, в своей защите от несанкционированного использования персональных данных третьими лицами.

В настоящее время на фоне повышения цифровой грамотности населения и эффективности работы всех заинтересованных субъектов, прежде всего органов государственной власти, уровень защиты прав человека в указанной сфере остается, по нашему мнению, невысоким и требует совершенствования ввиду появления все новых и новых угроз.

Для ответа на вызовы, которые несут в себе процессы цифровизации, необходимо совершенствование действующего законодательства в области обеспечения безопасности личности, общества и государства, защиты прав человека в цифровой среде, а также в сфере деятельности субъектов информационного пространства, которое должно гарантировать реализацию прав и свобод человека и гражданина с обязательным соблюдением баланса интересов личности, общества и государства.

Еще одним не менее важным направлением в сфере защиты прав человека в условиях цифровизации должно стать установление гарантий для людей, которые по тем или иным причинам отказываются от использования достижений цифровизации.

Список источников

1. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=gwqpka> (дата обращения: 07.10.2023).
2. URL: <https://вни.мвд.пф/dop-stranica/news/item/38272952> (дата обращения: 07.10.2023).
3. *Быкова Н. В.* Влияние цифровизации на изменения в понимании системы прав человека // Вестник Российского нового университета. Серия: «Человек и общество». 2023. № 1.
4. *Василевич Г. А.* Технологические императивы: проблемы и риски реализации в сфере прав человека // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 1.

Признаки местного самоуправления сквозь призму 30-летнего конституционного развития России

Любая юбилейная дата — это не только повод для празднования, но и предпосылка для подведения итогов, выявления ошибок, достижений и, конечно, постановка задач на перспективу. 30-летие российской Конституции не является исключением, особенно если учесть, что вступление в силу ныне действующего Основного закона происходило в условиях весьма непростых социальных, политических и экономических проблем, что сказалось на нормативном тексте Конституции и ее применении в дальнейшем.

Несмотря на относительную стабильность текста Конституции, вплоть до 2020 г. многие конституционно-правовые институты существенным образом видоизменились с момента их первоначального закрепления в тексте Основного закона. Однако представляется, что среди публично-правовых институтов власти наибольшей динамике в течение 30 лет своего исторического развития подвергся институт местного самоуправления, который и в настоящее время не отличается стабильностью и «отсутствием внимания» как со стороны законодателя, так и правоприменительных ветвей власти. В качестве доказательства данного постулата хотелось бы остановиться на динамике нормативного содержания фундаментальных (базовых) признаков местного самоуправления за данный период действия российской Конституции.

1. В настоящее время местное самоуправление рассматривается как одна из *форм народовластия*. Однако такой подход не был изначально заложен в российском федеральном законодательстве. В статье 1 Закона РФ от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» местное самоуправление рассматривалось как *система организации деятельности граждан* для самостоятельного (под свою ответственность) решения вопросов местного значения исходя из интересов населения, его исторических, национально-этнических и иных особенностей. Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» рассматривал местное самоуправление как уже признаваемую, гарантируемую Конституцией РФ, самостоятельную и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций в пределах территории своего непосредственного проживания. Таким образом,

за 30 лет местное самоуправление из формы активности граждан, а затем и населения, трансформировалось в форму осуществления народом своей власти при неизменности текста Конституции РФ.

2. Местное самоуправление — власть подзаконная, т. е. на данный уровень публичной власти в полной мере распространяются положения ст. 15 Конституции РФ о верховенстве Конституции и законов. Однако система законодательства о местном самоуправлении за 30 лет существенным образом не только увеличилась, но и чрезвычайно усложнилась. При этом российский законодатель совершенно забывает, что «стабильность — сущностное свойство права. Утрата стабильности как существенного качества приводит к тому, что право перестает быть правом» [1, с. 77–78; 2, с. 42]. Например, только в действующий Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» за период его существования 196 раз были внесены изменения. С учетом того, что названный акт был принят чуть больше 20 лет назад, то в среднем текст закона о местном самоуправлении менялся 9–10 раз в год. А если к этому факту присовокупить изменения в смежных нормативно-правовых актах федерального, регионального и муниципального уровня, то вполне уместно ситуацию с объемом нормотворчества в сфере местного самоуправления определить как «пороховую бочку», находящуюся на постоянном взводе фитиля.

3. Основное предназначение местного самоуправления — решение вопросов местного значения, т. е. вопросов непосредственного жизнеобеспечения людей, проживающих на территории муниципального образования (в городах, селах, поселках и т. д.). По утверждению Т. М. Бялкиной, конституционное закрепление в качестве главной функции местного самоуправления в России решения вопросов местного значения устанавливает для законодателя «необходимость выделить в рамках предметов ведения субъектов публичной власти круг тех вопросов (вопросов местного значения), которые будут самостоятельно реализовываться населением непосредственно и (или) органами местного самоуправления, а также определить систему их полномочий по решению данных вопросов» [3, с. 69].

В настоящее время круг (перечень) проблем местного значения распределен по группам в зависимости от вида муниципального образования, т. е. территориальной основы сформированной в РФ системы муниципальных образований без непосредственного учета возможностей муниципалитета для их решения, дифференциацией полномочий орга-

нов местного самоуправления и экономических основ муниципальных образований. Как следствие, в РФ насчитывается незначительное количество муниципалитетов, которые фактически способны на своей территории решать установленные законодательством России вопросы. Абсолютное большинство в лучшем случае справляется с половиной из числа возложенных на них вопросов местного значения.

В силу ограниченности допустимого объема публикации автором не представляется возможным изложить динамику всех значимых признаков местного самоуправления в контексте 30-летнего развития Конституции РФ. Однако приведенные примеры наглядно свидетельствуют, что стабильность конституционных положений относительно института местного самоуправления не только не привела к его динамичному и поступательному развитию, скорее, наоборот, к отсутствию фактического правопреемства между нормативными актами, игнорированию эволюционных начал с несомненным уклоном в революционный подход к формированию базисных основ местного самоуправления, катастрофическому снижению интереса к данному конституционно-правовому институту со стороны граждан на соответствующей территории. Все это требует комплексного экспертного анализа положительных и негативных моментов нормативного регулирования, практики применения законодательства о местном самоуправлении в целях повышения эффективности реализации конституционных положений о местном самоуправлении, что на современном этапе исторического развития зависит от главы государства и федеральных властей. Будет ли желание перечисленных субъектов реально сформулировано и надлежащим образом реализовано? Покажет время. Ну а нам остается надеяться, что данный факт произойдет не за столь длительный промежуток времени.

Список источников

1. *Литвинова С. Ф.* Сущность категорий «стабильность права» и «стабильное право» // *Философия права.* 2013. № 4.
2. *Общая теория государства и права : академический курс : в 2 т. /* под ред. М. Н. Марченко. М., 2000. Т. 2.
3. *Бялкина Т. М.* О новых тенденциях правовой регламентации института компетенции местного самоуправления // *Конституционализм и государствоведение.* 2017. № 1.

Е. В. Кошелев

Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет как средство реализации конституционных прав и свобод личности

В век бурного развития информационных технологий встал вопрос о способах и средствах реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в сфере информационных технологий. Актуальность данной проблемы связана с развитием информационно-коммуникационных технологий. В настоящее время с помощью информационных технологий может быть реализован широкий спектр возможностей — от обмена информацией до создания крупной торговой сети. Проанализировав положения Конституции Российской Федерации, последние мировые события, а также мнения ученых-юристов, были получены разного рода знания в области реализации конституционных прав граждан через информационно-коммуникационную сеть Интернет.

В статье 29 Конституции Российской Федерации закреплено, что человек может свободно выражать свое мнение и мысли в сети Интернет в рамках закона. С помощью интернета индивид получает возможность удовлетворения своих потребностей, например социальных, путем общения и обмена информацией в различных социальных сетях. В социологии под термином «социальная сеть» понимается социальная структура, состоящая из множества агентов и определенного на них множества отношений. Социальные сети стали платформой выражения собственного мнения и мыслей.

В условиях коронавирусной инфекции пострадал малый и средний бизнес, множество предприятий и организаций было закрыто, некоторые предприниматели стали переходить в сеть Интернет, т. е. реализовывать право на свободное использование способностей для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности через информационно-коммуникационную сеть Интернет. Таким образом в полной мере реализуется право на труд. Появляются так называемые фрилансеры — люди, которые путем дистанционных технологий реализуют трудовую деятельность и получают за это денежное вознаграждение. В настоящее время данный вид работы получил широкое распространение, так как обладает рядом преимуществ (свободный график работы, потенциально высокий заработок, возможность совмещать путешествия и работу, удаленная деятельность). Однако прослеживается и ряд недостатков, связанных с отсутствием социального пакета, простым в рабо-

те, долговременным поиском заказчика, высоким риском невыплат за выполненный заказ.

Согласно статье 32 Конституции Российской Федерации граждане имеют активное избирательное право, которое может быть реализовано посредством участия в выборах или референдуме, а также право на участие в управлении делами государства через своих представителей. Так, в 2020 г. впервые было применено электронное голосование за поправки в Конституцию Российской Федерации через портал Госуслуг. По словам председателя Центризбиркома Э. Памфиловой, в 2024 г. голосование через сеть Интернет будет использоваться при президентских выборах.

Статья 44 Конституции Российской Федерации каждому гарантирует свободу в различных видах творчества. Информационно-коммуникационная сеть Интернет позволяет использовать данное право. В последнее время интернет стал платформой для реализации творчества молодых деятелей искусства. Многие музыканты, художники, поэты стали популярны благодаря различным платформам глобальной сети. У людей стала появляться возможность заявить о себе, самореализоваться, подчеркнуть свою уникальность.

В условиях пандемии начала применяться такая форма образования, как дистанционное обучение. Исходя из толкования ст. 43 Конституции Российской Федерации, в нашей стране поддерживаются различные формы образования и самообразования. Развитие информационных технологий способствовало возможности реализации дистанционного обучения.

Подводя итог, можно отметить, что сфера информационных технологий претерпевает бурное развитие, с каждым годом число пользователей сети Интернет возрастает. Система права подвергается глобальной трансформации, которая кардинально изменит государство и место человека в нем, но модернизация системы права должна быть крайне продуманной и поэтапной [1, с. 52]. В настоящее время потенциал информационных технологий задействован не в полной мере. Однако интернет становится неотъемлемой частью механизма реализации конституционных прав граждан.

Список источников

1. Кошелев Е. В. Развитие конституционно-правовой ответственности в России на современном этапе // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня образования Омской академии МВД России (10 декабря 2020 г., г. Омск). Омск, 2021.

Н. Махинаи

История развития и юридические особенности Конституции Таджикистана

Конституция Таджикистана наравне с другими законами имеет свою историю становления. Ее изучение дает определенные знания о нормативно-правовом акте как об основном документе государства.

История исследования конституции имеет значение для развития отрасли конституционного права, а также для эффективного применения его в других правовых нормах. Более того, конституция представляет собой исторический документ, обладающий чертами политического, правового и социального характера.

Следует подчеркнуть, что политическая система Таджикистана на разных этапах своего формирования претерпевала изменения, что привело к необходимости принятия новых конституций. Каждая конституция отражает важнейшие изменения в социально-экономической структуре общества и реформирование государственного законодательства. За всю историю существования Таджикистана страной было принято пять конституций.

1. Конституция Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики от 28 апреля 1929 г.

2. Конституция Таджикской Советской Социалистической Республики от 25 февраля 1931 г.

3. Конституция Таджикской Советской Социалистической Республики от 1 марта 1937 г.

4. Конституция Таджикской Советской Социалистической Республики от 14 апреля 1978 г.

5. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. [1, с. 102]

Принятие каждой новой конституции влекло за собой существенные изменения в жизни общества, подводило итог, определяло качественно новый этап в истории развития Таджикистана, отражало признание новых учений. Общим для первых четырех конституций Таджикистана было то, что они создавались и развивались на основе определенного идеологического плана. Например, Конституция 1929 г. была связана с созданием СССР, Конституция 1931 г. — с включением Таджикистана в состав СССР, Конституции Таджикистана 1937 и 1978 гг. во многом определяли состав территории и государства и уже сложившуюся социальную структуру. Недостатки этих конституций заключались в том, что они не отражали положений важнейших международных докумен-

тов о правах и свободах человека и гражданина, многие их нормы носили декларативный характер и не имели практического, прямого и непосредственного действия, а также в том, что порой конституционные уставы, подчиненные Конституции, имели существенные преимущества. Например, все советские конституции в Таджикистане устанавливали права и свободы, ограниченные конституционной категорией гражданства, ущемляя права и свободы человека [2, с. 39].

Особого внимания заслуживает история подготовки и принятия Конституции Республики Таджикистан 1994 г., текст которой в целом отражает процесс перехода к новому периоду социально-экономического и политического развития общества [1, с. 114].

Первым важным шагом на пути разработки новой Конституции Республики Таджикистан стало принятие 24 августа 1990 г. Декларации «О суверенитете Республики Таджикистан». Постановлением Верховного Совета Республики Таджикистан от 23 августа 1990 г. была образована Комиссия по разработке проекта новой Конституции (Основного закона) Республики Таджикистан в составе 53 человек, в которую вошли видные ученые и специалисты в различных областях, но в основном праведы. Работа над проектом новой конституции в Таджикистане была приостановлена в связи с провозглашением независимости Республики 9 сентября 1991 г., несоответствием проекта Конституции требованиям нового времени, событиями августа 1991 г. и последующим распадом СССР.

Второй этап разработки Конституции Республики Таджикистан начался уже после обретения независимости: в соответствии с Указом Президента Республики Таджикистан Р. Набиева от 10 февраля 1992 г. была образована новая рабочая группа по разработке Основного закона Республики. В течение двух месяцев проект документа был впервые составлен на таджикском языке, а в конце апреля 1992 г. его опубликовали для всенародного обсуждения. К сожалению, процесс разработки конституции был вновь прерван началом гражданской войны.

Третий этап подготовки проекта новой Конституции Республики начался после исторической XVI сессии Верховного Совета Таджикистана. Верховный Совет XVII созыва принял решение о внесении изменений и дополнений в постановление Верховного Совета от 23 августа 1990 г. «Об образовании Комиссии по разработке проекта новой Конституции (Основного Закона) Республики Таджикистан», согласно которому был утвержден новый состав Комиссии по разработке проекта новой Конституции Республики под председательством Э. Ш. Рахмонова. В апреле 1994 г. данная Комиссия представила два проекта конституции, один

из которых отражал основные черты президентской республики, а другой — парламентской.

После обсуждения в Конституционной комиссии было принято решение рекомендовать к всенародному обсуждению проект конституции, основанный на модели президентской республики. Причиной этому послужило отсутствие основных факторов парламентского государства, присущих цивилизованным странам, таких как отсутствие зрелых политических партий и политических организаций, их малочисленность и низкий уровень политической культуры, что не позволяло принять классическую парламентскую форму правления. Президентская республика и реальная власть президента должны были стать надежным фактором выхода из политического, экономического и социального кризисов.

Конституционная комиссия одобрила проект новой Конституции Республики Таджикистан и представила его Председателю Верховного Совета Республики Таджикистан. Его основные положения были одобрены постановлением Верховного Совета Республики Таджикистан 13 апреля 1994 г. Конституционной комиссии было также поручено обеспечить всесторонний учет и обобщение предложений и заключений по проекту со стороны трудовых организаций, общественных органов и граждан, с учетом этого доработать проект Конституции и представить его Председателю Верховного Совета Республики Таджикистан до 1 июля 1994 г.

Проект новой Конституции был опубликован в республиканских и областных газетах, а рабочая группа тем временем занялась рассмотрением предложений и их обобщением. Всего поступило более 8000 предложений по совершенствованию содержания проекта. В начале июля 1994 г. Конституционная комиссия внесла ряд изменений и дополнений в соответствующие главы и статьи проекта и рекомендовала Президиуму Верховного Совета внести в Верховный Совет переработанный и дополненный вариант проекта Конституции. В ходе XIX сессии Верховного Совета XII созыва проект был обсужден, Верховный Совет пришел к выводу о необходимости проведения конституционных реформ в Республике и принятия Конституции Республики на референдуме в ближайшее время.

В связи с этим 20 июля 1994 г. Верховный Совет наряду с другими законами принял Закон Республики Таджикистан «О конституционной реформе Республики Таджикистан, о порядке принятия и введения в действие Конституции Республики Таджикистан» [3]. Согласно этому Закону проект Конституции, представленный Комитетом по разработке проекта новой конституции, был одобрен и вынесен на референдум (плебисцит) с учетом результатов его общественного обсуждения.

Таким образом, 6 ноября 1994 г. в торжественной обстановке состоялось историческое решение — принятие новой Конституции независимой Республики Таджикистан. Референдум поддержали 2 685 727 граждан, включенных в списки для голосования по всем 64 округам страны. В голосовании приняли участие 2 535 437 человек (94,4%). За принятие Конституции Республики Таджикистан отдали голоса 2 352 554 человека (87,59%), против высказались 105 300 человек (3,92%) [4, с. 28]. После этого день принятия Конституции Республики Таджикистан стал государственным праздником.

Впервые в истории развития конституционного права Республики Таджикистан новая Конституция ввела политический плюрализм и объявила государство свободным от влияния партийной идеологии [5, с. 9].

Конституция Республики Таджикистан отличается от других нормативных правовых актов своими юридическими свойствами, главным из которых выступает то, что она представляет собой нормативный правовой акт, положения которого носят общеобязательный характер. Более того, действие этих норм обеспечивается принудительной силой государства. Рассмотрим кратко эти свойства.

Во-первых, обладая высшей юридической силой, нормы Конституции имеют прямое действие. Законы и другие правовые акты, противоречащие Конституции, не обладают юридической силой. Государство и все его органы, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать и исполнять Конституцию (ст. 10).

Во-вторых, в Конституции Республики Таджикистан сформулированы основные устои государства и общества, правовой статус человека и гражданина, порядок и принципы формирования высших органов власти, их взаимоотношения, полномочия, основы организации государственного управления, судебной системы и других важнейших государственно-правовых институтов.

В-третьих, Конституция Республики Таджикистан имеет особый порядок подготовки и приема путем всенародного референдума, а изменения и дополнения также вносятся путем референдума (ст. 98).

В-четвертых, Конституция выступает основным источником всего законодательства Республики. Нормативные правовые акты Таджикистана принимаются на основе и во исполнение Конституции Республики Таджикистан.

Подводя итог, хочется процитировать слова Президента Республики Таджикистан уважаемого Э. Рахмона, который, выступая на XXI сессии Верховного Совета Республики Таджикистан, подчеркнул: «6 ноября

1994 г. в истории Республики Таджикистан открывает ее величественную страницу. Таджикский народ за более чем тысячелетнюю историю своей государственности впервые принял Конституцию независимого государства путем референдума. Активное участие всех граждан Республики в этом важном политическом событии является важным достижением и победой демократии в Таджикистане» [6, с. 3].

Список источников

1. *Имомов А.* Конституционное право Республики Таджикистан : учебник. 4-е изд., доп. и изм. (на тадж. яз.). Душанбе, 2017.
2. *Юсуфзода А. Х., Файзуллоев А. И.* Конституционное право Республики Таджикистан : учеб. пособие. Душанбе, 2017.
3. *О конституционной реформе Республики Таджикистан, о порядке принятия и введения в действие Конституции Республики Таджикистан* : Закон Республики Таджикистан от 20 июля 1994 г. № 974. URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_klslovlist. (дата обращения: 17.11.2023).
4. *Достиев А. С.* Конституция Республики Таджикистан 1994 года: история разработки, принятия и основные положения : дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 1999.
5. *Идибеков А. А.* Особенности Конституции Республики Таджикистан (на тадж. яз.) // Вестник науки и творчества. 2018. № 1.
6. *Имомов А.* Процесс подготовки и принятия новой Конституции Республики Таджикистан // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия: «Философия и правоведение». 1995. № 3.

А. В. Мирошниченко, М. Ю. Водяная

Конституционный механизм защиты традиционных ценностей

Конституционно-правовая наука находится под влиянием концепции конституционализации права, призванной формировать целеполагание сквозь призму аксиологического измерения. Последняя конституционная реформа вынесла на конституционный уровень регулирования вопросы сохранения и развития общероссийской культурной идентичности, исторической правды, традиционных семейных, морально-нравственных ценностей.

Конституционный механизм защиты традиционных ценностей как процесс реализации и воздействия на правопорядок в дальнейшем при-

зван формировать духовные ценности российского общества, его мировоззрение в эпоху многополярного метамодерна.

В своей речи на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2022 г. В. В. Путин подчеркнул: «Если западные элиты полагают, что смогут внедрить в сознание своих людей, своих обществ страноватые, на мой взгляд, новомодные тенденции вроде десятков гендеров и гей-парадов — так тому и быть. Да пускай делают, что хотят! Но на что они точно не имеют права, так это требовать от других следовать в том же направлении» [1].

Популяризации государственной политики в области защиты семьи и сохранению традиционных ценностей будет посвящен 2024 год [2]. Под традиционными ценностями принято понимать нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые из поколения в поколение, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России [3].

Согласно Конституции Российской Федерации защита материнства, детства и семьи, брака как союза мужчины и женщины обеспечивается государством [4].

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 18 июля 2013 г. № 19-П указал, что государство должно в приоритетном порядке гарантировать защиту достоинства личности, права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность несовершеннолетним в целях обеспечения безопасности каждого ребенка от преступных посягательств и любого неблагоприятного воздействия на его нравственность и психику [5].

В Российской Федерации осуществляется государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей, которая реализуется в области образования и воспитания, работы с молодежью, культуры, науки, межнациональных и межрелигиозных отношений, средств массовой информации и массовых коммуникаций, международного сотрудничества [3].

Российское законодательство относит к информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, сведения, пропагандирующие нетрадиционные сексуальные отношения и отрицающие семейные ценности [6].

Статья 1 Федерального закона от 24 июля 2023 г. № 386-ФЗ вносит дополнения в Семейный кодекс Российской Федерации, устанавливая

дополнительное основание для прекращения брака, если в результате смены пола одним из супругов были внесены изменения в запись акта гражданского состояния. В том числе запрещено быть усыновителями, опекунами (попечителями) лицам, которые изменили пол [7].

30 ноября 2023 г. Верховный Суд Российской Федерации признал международное общественное движение ЛГБТ экстремистской организацией и запретил его деятельность на территории России. Судебное решение вступило в законную силу немедленно, без возможности его опротестовать.

Сохранение традиционных ценностей выступает гарантом стабильного и гармоничного развития общества и государства, в котором права человека являются приоритетными. Несомненно, предстоит долгий путь осознания принятых российским законодательством норм в области их защиты, требующих консолидированных и конструктивных проработок социокультурного поля, основываясь на положениях современной Конституции Российской Федерации.

Список источников

1. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedaniya-mezhdunarodnogo-diskussionnogo-kluba-valdai-28-10-2022.html> (дата обращения: 13.11.2022).

2. *О проведении* в Российской Федерации Года семьи : указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 875. Здесь и далее в списке источников статьи, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Об утверждении* Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809.

4. *Об основных гарантиях* прав ребенка в Российской Федерации : федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ.

5. *По делу о проверке конституционности* пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Барабаш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы : постановление Конституционного Суда РФ № 19-П от 18 июля 2013 г.

6. *О защите* детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ.

7. *О внесении изменений* в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 386-ФЗ.

А. Е. Никитина

Возможность проведения религиозных обрядов и церемоний в государственных образовательных организациях

Проведение религиозных обрядов и церемоний имеет ключевое значение для развития духовной сферы жизни общества. Так, в соответствии с Конституцией Российской Федерации каждому гарантируется свобода совести и вероисповедания (ст. 28). Для осуществления данного права государство определило гарантию, подчеркнув запрет на установление какой-либо религии в качестве государственной или обязательной (ст. 14).

Несмотря на важность рассматриваемого вопроса, действующие нормы федерального и регионального законодательства о свободе совести не предусматривают каких-либо специальных норм, касающихся реализации права на совершение религиозных обрядов и церемоний в образовательных организациях.

Государственные образовательные организации, в том числе муниципальные, не могут обучать религии, проводить религиозные обряды и церемонии в рамках образовательных программ. Поскольку Российская Федерация является многоконфессиональным государством, среди населения возникает потребность реализации права на свободу совести с учетом их мировоззренческих потребностей. В связи с этим представляется спорным вопрос о возможности проведения религиозных обрядов, церемоний и прочих мероприятий в стенах образовательных государственных учреждений в соответствии с личными мировоззренческими установками.

Тем не менее наличие правоприменительной практики свидетельствует о том, что данная проблема является актуальной.

В 2019 г. в Волгоградской области родители обратились к администрации школы с просьбой отменить проведение ежегодного религиозного обряда (молебна), так как это нарушало право на свободу совести их детей [1].

В 2020 г. в деле «Перовы против Российской Федерации» заявители обжаловали решение муниципальной школы Воронежской области о проведении в образовательном учреждении (муниципальной школе) православного обряда среди всех обучающихся. Придерживаясь иного религиозного убеждения, отцы нескольких школьников полагают, что в данном случае имеет место нарушение права на свободу совести. Евро-

пейский суд по правам человека оставил жалобу без удовлетворения, так как содержание религиозной церемонии не диктовалось администрацией школы, оно не было включено в программу обязательного обучения [2]. Мы не можем безоговорочно согласиться с таким решением по причине того, что учитель знала о религиозной принадлежности каждого обучающегося и о проведении такого мероприятия она не предупредила школьников и родителей, не получила от них согласия. Во время религиозного обряда обучающиеся не имели возможности покинуть помещение класса и не принимать участия в мероприятии.

В 2021 г. в прокуратуру обратился имам Раис Султанов с жалобой, которая касалась отказа администрации общеобразовательной школы в предоставлении возможности проведения во время перемены религиозного обряда (намаз). Руководство школы рекомендовало проводить религиозные обряды, церемонии и т. д. за пределами образовательной организации. Однако родители обучающихся настаивали на важности совершения религиозного обряда для формирования духовно-нравственных ценностей [3].

Таким образом, в настоящее время прослеживается тенденция, связанная с запретом в предоставлении возможности проведения религиозных обрядов и церемоний в государственных и муниципальных образовательных организациях.

Действительно, рассматриваемая проблема вызывает вопросы. С одной стороны, отказ образовательных организаций в предоставлении возможности совершения религиозного обряда может привести к нарушению права на свободу совести [4, с. 167–168]. Вместе с тем образовательная организация прежде всего должна защищать интересы государства и обучающихся различного мировоззрения. Конечно, придерживаясь идеи светского государства, образовательные организации должны сохранять мировоззренческий нейтралитет. Полагаем, нет ничего плохого в том, что дети реализуют право на свободу совести. Вместе с тем в школах должны быть созданы условия для того, чтобы обучающиеся не были вынуждены прятаться и скрываться от администрации школы.

По нашему мнению, в законодательстве Российской Федерации должен быть сформирован механизм, учитывающий многоконфессиональный уклад нашей страны. Важно создать равные условия для всех обучающихся, чтобы они могли свободно выражать свое отношение к религии и обучаться в гармонии.

Список источников

1. URL: <https://360tv.ru/tekst/obschestvo/shkola-bez-molebna> (дата обращения: 10.11.2023).
2. URL: <https://european-court-help.ru/delo-47429-09-perovy-protiv-rossii/> (дата обращения: 10.11.2023).
3. URL: <https://cheltoday.ru/articles/sobytiya/v-chelyabinskoy-oblasti-imam-pozhalovalsya-na-zapret-detyam-sovershat-namaz-v-shkole> (дата обращения: 10.11.2023).
4. Никитина А. Е. Плюрализм в понимании сущности конституционного права на свободу совести в Российской Федерации // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. (8–9 декабря 2022 г., г. Омск) / пред. редкол. С. К. Буряков. Омск, 2023.

В. М. Редкоус

Национальная безопасность и вопросы ее конституционного обеспечения

Совершенствование законодательства Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности невозможно без оценки влияния конституционного права на формирование его правовых основ, в том числе отраслевых, а также механизма его обеспечения.

Общая тенденция конституционализации, как отмечает М. А. Бучакова [1, с. 82–83], или конституциализации, по мнению М. Н. Кобзарь-Фролова [2, с. 67], отраслей российского права, а также содержания складывающихся в рамках современной системы правового регулирования общественных отношений не свидетельствует о том, что ранее при разработке механизма правового регулирования конституционно-правовыми нормами пренебрегали. Нормы Конституции Российской Федерации как были, так и остаются основами правового регулирования складывающихся в нашей стране общественных отношений. Просто нормы конституционного права в силу своей большей общности и универсальности, дефинитивности, чем нормы отраслевого законодательства, «наполняют» последние содержанием, позволяющим регулировать изменяющиеся в силу различных обстоятельств общественные отношения «отраслевого» характера.

Все это относится и к сфере обеспечения национальной безопасности [3, с. 160]. Изменение общественных отношений в сфере между-

народной безопасности, возникновение реальных угроз национальной безопасности Российской Федерации, а также ряд иных обстоятельств, о которых в своем обращении к гражданам страны сказал Президент В. В. Путин [4], привело к принятию решения о проведении специальной военной операции (далее — СВО), что, в свою очередь, повлекло внесение значительных изменений в российское законодательство. Это коснулось всех сфер государственной и общественной жизни. В подготовленной экспертами компании «Гарант» информации «Специальная военная операция, мобилизация 2022–2024» [5] указаны основные изменения и дополнения, внесенные в законодательство страны, а также новые нормативные правовые акты, принятые в рассматриваемой области, в частности:

- приказ министра обороны РФ от 10 августа 2022 г. № 461 учредил медаль «Участнику специальной военной операции» [6];

- Президент РФ предоставил право командующим группировками войск вручать в особом порядке от имени Президента РФ военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации и иным лицам, наиболее отличившимся при выполнении задач СВО, ряд государственных наград (Указ Президента РФ от 7 октября 2022 г. № 722 [7]);

- в целях усиления координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в ходе проведения СВО образован Координационный совет при Правительстве Российской Федерации по обеспечению потребностей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (Указ Президента РФ от 21 октября 2022 г. № 763 [8]);

- Правительство РФ наделено полномочиями по определению порядка создания систем оповещения об опасностях, возникающих при военных конфликтах, регионы получили полномочия по реконструкции систем оповещения населения (Федеральный закон от 4 ноября 2022 г. № 417-ФЗ [9]);

- иностранным гражданам разрешено проходить службу в Вооруженных Силах Российской Федерации (Указ Президента РФ от 14 ноября 2022 г. № 823 [10]);

- ФСБ России обновила перечень военных сведений, которые могут быть использованы против России и за сбор которых в интересах иностранного заказчика могут признать иностранным агентом. В него были включены сведения о маршрутах транспортировки и передвижения подразделений армии, данные о строящихся объектах войск и воинских фор-

мирований (в дополнение к присутствовавшим там уже построенным), сведения об организациях, которые осуществляют перевозку оружия и боеприпасов (приказ ФСБ России от 4 ноября 2022 г. № 547 [11]);

— приоритетными мероприятиями в 2023 г. при подготовке и согласовании предложений для принятия решения об использовании денег резервного фонда определено проведение специальной военной операции (постановление Правительства РФ от 31 декабря 2022 г. № 2561 [12]);

— в регионах РФ, где установлен «желтый» уровень угрозы терактов, введен досмотр автотранспорта с целью обнаружения оружия и взрывчатки. Ранее такие меры были возможны только при критическом («красном») уровне;

— Россия приостановила действие Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, подписанного в г. Праге 8 апреля 2010 г. (Договора СНВ-3) (Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 38-ФЗ [13]);

— утверждена новая Концепция внешней политики Российской Федерации (Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 [14]);

— создан Государственный фонд поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» (Указ Президента РФ от 3 апреля 2023 г. № 232 [15]);

— командиры воинских частей и начальники госпиталей получили право удостоверить подписи военнослужащих на заявлениях об установлении отцовства, о заключении и расторжении брака (Федеральный закон от 3 апреля 2023 г. № 106-ФЗ [16]);

— упрощен порядок признания пропавшими без вести и погибшими в зоне СВО (федеральные законы от 14 апреля 2023 г. № 118-ФЗ [17], № 120-ФЗ [18]);

— введена обязательная дактилоскопия для добровольцев, участвующих в СВО (Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 144-ФЗ [19]);

— перечисление денежного довольствия (денежного содержания), заработной платы и иных выплат личному составу Вооруженных Сил РФ стали осуществлять полевые учреждения Банка России и кредитные организации, которые определяет Правительство РФ (Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 163-ФЗ [20]);

— граждан, пребывавших в добровольческих формированиях, а также лиц, заключивших контракт (имевших иные правоотношения) с организациями, содействующими выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, разрешено хоро-

нить на воинских кладбищах (Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 239-ФЗ [21]);

— осужденных за преступления небольшой и средней тяжести освободили от наказания при заключении ими контракта о прохождении военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время (Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 269-ФЗ [22]);

— на 5 лет увеличен предельный возраст пребывания в запасе солдат, матросов, сержантов, старшин, прапорщиков и мичманов. Скорректирован возраст заключения первого контракта о пребывании в резерве. Высшие офицеры запаса получили возможность заключать контракт до 67 лет, старшие — до 62 лет, младшие — до 57 лет, лица с иным званием — до 52 лет. Первый контракт о пребывании в резерве можно заключать и с иностранцами в возрасте до 52 лет, если их деятельность не связана с государственной тайной (Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 326-ФЗ [23]);

— в Уголовно-процессуальный кодекс РФ были внесены изменения, в соответствии с которыми задержание подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в условиях военного положения возможно на срок 30 суток (Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ [24]);

— утвержден упрощенный порядок выдачи справок о гибели или пропаже без вести участников СВО (постановление Правительства РФ от 1 сентября 2023 г. № 1421 [25]);

— введен порядок осуществления особого воинского учета граждан, отбывающих наказание в виде лишения свободы, который осуществляется военными комиссариатами по месту нахождения исправительных учреждений и следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, выполняющих функции исправительных учреждений (постановление Правительства РФ от 27 октября 2023 г. № 1789 — в связи с выходом Российской Федерации из Совета Европы отменена необходимость информирования Генерального секретаря Совета Европы о введении и отмене (прекращении действия) военного или чрезвычайного положения (Федеральный конституционный закон от 2 ноября 2023 г. № 8-ФКЗ [27]);

— сайты с призывами к финансированию вооруженных сил Украины блокируются без решения суда (Федеральный закон от 2 ноября 2023 г. № 526-ФЗ [28]);

— численность Вооруженных Сил РФ увеличена на 170 тысяч человек — до 1 320 000 военнослужащих (Указ Президента РФ от 1 декабря 2023 г. № 915 [29]);

— руководители центрального органа военного управления, отвечающего за защиту секретной информации, и структурные подразделения защиты государственной тайны получили право рассматривать дела об административных правонарушениях в этой сфере (Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 574-ФЗ [30]);

— конкретизированы полномочия по пресечению движения беспилотных летательных аппаратов (Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 440-ФЗ [31]).

Такие изменения и дополнения в российское законодательство могут базироваться только на разработанной и непротиворечивой конституционно-правовой основе, созданной в Российской Федерации. Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» только усилил содержательную составляющую конституционной основы правового регулирования, что позволяет регулировать общественные отношения с учетом быстро изменяющихся условий существования Российских государства и общества [32, с. 133; 33, с. 18; 34, с. 9; 35, с. 79].

В заключение хотелось бы сказать о переосмыслении ценностей Конституции РФ, что непосредственно влияет на обеспечение национальной безопасности. Так, большое внимание ценностному аспекту безопасности уделено в разделе 4 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г. [36] В пункте 28 данной Стратегии закреплён один из основополагающих постулатов: «народ является носителем суверенитета Российской Федерации и ее главным достоянием. Российские духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности, талант народа лежат в основе государственности и являются фундаментом для дальнейшего развития страны» [36, с. 66–67]. Важность ценностного аспекта безопасности привела к принятию Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 [37].

Таким образом, Конституция РФ создает прочную основу для формирования механизма правового регулирования общественных отношений в сфере обеспечения национальной безопасности, в том числе на основе закрепленных в ней ценностей.

Список источников

1. Бучакова М. А. Конституционализация российского права // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-2.

2. Кобзарь-Фролова М. Н. О конституционализации административных правоотношений // Государство и право. 2023. № 12.

3. Акбашев О. Ф., Алексеев К. В., Беркут В. П. и др. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А. А. Прохожева» (Москва, 21 апреля 2023 г.) // Транспортное право и безопасность. 2023. № 4(48).

4. URL: <https://www.tvc.ru/news/show/id/233848> (дата обращения: 01.12.2023).

5. Специальная военная операция, мобилизация 2022–2024. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О некоторых вопросах награждения личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях : указ Президента РФ от 7 октября 2022 г. № 722.

7. О Координационном совете при Правительстве Российской Федерации по обеспечению потребностей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов : указ Президента РФ от 21 октября 2022 г. № 763.

8. О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданской обороне» и статьи 1 и 14 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» : федеральный закон от 4 ноября 2022 г. № 417-ФЗ.

9. О внесении изменений в Положение о порядке прохождения военной службы, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 : указ Президента РФ от 14 ноября 2022 г. № 823.

10. Об утверждении Перечня сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранными источниками могут быть использованы против безопасности Российской Федерации : приказ ФСБ России от 4 ноября 2022 г. № 547.

11. *О внесении изменений в Положение об использовании бюджетных ассигнований резервного фонда Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации* : постановление Правительства РФ от 31 декабря 2022 г. № 2561.

12. *О приостановлении Российской Федерацией действия договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений* : федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 38-ФЗ.

13. *Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации* : указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229.

14. *О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники отечества»* : указ Президента РФ от 3 апреля 2023 г. № 232.

15. *О внесении изменений в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния»* : федеральный закон от 3 апреля 2023 г. № 106-ФЗ.

16. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федеральный закон от 14 апреля 2023 г. № 118-ФЗ.

17. *О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»* : федеральный закон от 14 апреля 2023 г. № 120-ФЗ.

18. *О внесении изменений в статьи 9 и 11 Федерального закона «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»* : федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 144-ФЗ.

19. *О внесении изменений в статьи 6 и 26 Федерального закона «Об обороне»* : федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 163-ФЗ.

20. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 239-ФЗ.

21. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 269-ФЗ.

22. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 326-ФЗ.

23. *О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации* : федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ.

24. *Об утверждении Правил выдачи справки об обстоятельствах исчезновения гражданина и справки об обстоятельствах исчезновения или возможной гибели гражданина, правил выдачи справки о смерти гражданина, формы справки об обстоятельствах исчезновения гражданина, формы справки об обстоятельствах исчезновения или возможной гибели*

гражданина, формы справки о смерти гражданина : постановление Правительства РФ от 1 сентября 2023 г. № 1421.

25. *О внесении изменений* в постановление Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2006 г. № 719 : постановление Правительства РФ от 27 октября 2023 г. № 1789.

26. *О внесении изменений* в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» : федеральный закон от 2 ноября 2023 г. № 526-ФЗ.

27. *Об установлении штатной численности Вооруженных Сил Российской Федерации* : указ Президента РФ от 1 декабря 2023 г. № 915.

28. *О внесении изменений* в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 574-ФЗ.

29. *О внесении изменений* в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 440-ФЗ.

30. *Кобзарь-Фролова М. Н.* К вопросу о новом качестве административно-правовых отношений // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: «Экономика и право». 2022. № 2.

31. *Виноградова Е. В., Виноградова П. А.* Укрепление конституционных гарантий поправками 2020 года в Конституцию Российской Федерации. М., 2020.

32. *Бучакова М. А.* Традиционные российские духовно-нравственные ценности // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. (г. Омск, 8–9 декабря 2022 г.) / пред. редкол. С. К. Буряков. Омск, 2023.

33. *Виноградова Е. В.* Конституционные ценности — система без иерархии // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 3.

34. *О Стратегии национальной безопасности* Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400.

35. *Редкоус В. М.* Конституционное развитие государств — участников СНГ в контексте обеспечения национальной безопасности // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. 8–9 декабря 2022 г., г. Омск/ пред. редкол. С. К. Буряков. Омск, 2023.

36. *Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей* : указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809.

К. Д. Сазон

О требованиях к кандидатам в президенты Республики Беларусь

Обновление Конституции Республики Беларусь (далее — Конституция РБ, Основной Закон) в рамках проведения республиканского референдума 27 февраля 2022 г. было направлено на закрепление традиционных ценностей белорусского народа, совершенствование конституционных основ правового статуса личности, избирательной системы, принципа разделения властей. Затронула конституционная модернизация и правовой статус Президента Республики Беларусь (далее — Президент РБ). Принимая во внимание особое место главы белорусского государства в системе публичной власти, обратимся к конституционным требованиям, предъявляемым к кандидатам в президенты РБ, в целях уточнения особенностей их обновленного содержания.

В соответствии со ст. 80 Конституции РБ президентом может быть избран:

1. *Гражданин Республики Беларусь по рождению.* В Конституции РБ от 15 марта 1994 г. такое требование к кандидатам в президенты не закреплялось. Оно было установлено в соответствии с редакцией Конституции, принятой на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г., и не было скорректировано решением республиканского референдума 27 февраля 2022 г. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РБ, изложенной в решении от 19 июня 2001 г. № Р-121/2001 [1], гражданином по рождению принято считать лицо, родившееся на территории данного государства (принцип «права почвы») и (или) родители (один из родителей) которого являются гражданами этого государства (принцип «права крови»). Конкретные условия применения и сочетания этих принципов определяются в Законе РБ от 1 августа 2002 г. № 136-З «О гражданстве Республики Беларусь». В зарубежной практике аналогичное требование к кандидатам в президенты также получило свое конституционное закрепление. В соответствии со ст. 41 Конституции Республики Казахстан президентом может быть избран только гражданин по рождению. Статья 69 Конституции Туркменистана устанавливает, что президентом может быть избран гражданин Туркменистана, родившийся в Туркменистане. На наш взгляд, такая формулировка указывает на принцип «права почвы» как необходимое условие приобретения гражданства по рождению. Полагаем, что требование о наличии у кандидата в президенты гражданства Республики Беларусь по рождению в условиях белорусской конституционной практики призвано подчеркнуть взаимосвязь происхождения

такого лица с необходимостью сохранения социально-культурных ценностей и государственных традиций белорусского народа при реализации президентом своих конституционных функций.

2. *Гражданин в возрасте не моложе 40 лет.* Решением республиканского референдума 27 февраля 2022 г. требование о минимальном возрасте кандидата в президенты изменено с 35 лет до 40. Достижение 40-летнего возраста также выступает необходимым условием для выдвижения кандидатом в президенты, например, в Казахстане и Туркменистане. Как отмечают ученые, это условие направлено на избрание на данную должность лица, обладающего необходимым опытом, устоявшейся жизненной позицией по общественно значимым вопросам [2, с. 20]. Обратим внимание на конституционное положение о том, что президентом может быть избран гражданин по рождению не моложе 40 лет. В связи с этим важным представляется вопрос определения точной даты достижения кандидатом указанного возраста для реализации возможности быть избранным президентом. В соответствии со ст. 131 Избирательного кодекса Республики Беларусь в случае, если какое-либо действие должно (может) осуществляться со дня наступления какого-либо события, то первым днем, в который это действие должно (может) быть реализовано, является календарная дата наступления соответствующего события, но не ранее времени наступления этого события. Согласно ч. 2 ст. 82 Конституции РБ президент считается избранным, если за него проголосовало более половины граждан Республики Беларусь, принявших участие в голосовании. С конституционной точки зрения избрание президента как действие, которое может быть осуществлено в день наступления события (голосование), но не ранее времени его наступления (президент не может быть избран по итогам только досрочного голосования), имеет конкретную календарную дату — день выборов. В связи с этим считаем возможным согласиться с тем, что достижение кандидатом в президенты необходимого возраста допускается не до дня выборов, а в день голосования [3, с. 25–26], т. е. в день голосования в день выборов.

3. *Гражданин, обладающий избирательным правом.* Рассмотренные выше требования с учетом положений ч. 2 ст. 64 Конституции РБ и ст. ст. 4, 60 Избирательного кодекса РБ дополняются цензами, свидетельствующими об обладании кандидатом в президенты избирательным правом. В связи с этим президентом не может быть избрано лицо, которое признано судом недееспособным; содержится по приговору суда в местах лишения свободы; в его отношении имеется вступивший в законную силу обвинительный приговор суда. Следует подчеркнуть, что

содержание «моральных» требований к кандидатам в президенты в ходе корректировки избирательного законодательства, на наш взгляд, были усилены, поскольку исполнение обвинительного приговора, снятие или погашение судимости не приводят к возникновению права гражданина быть выдвинутым кандидатом на должность президента. Сам факт наличия такого приговора исключает рассматриваемую конституционную возможность. При этом лицо, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, сохраняет право быть избранным президентом до вступления в силу обвинительного приговора суда.

4. *Гражданин, постоянно проживающий в Республике Беларусь не менее 20 лет непосредственно перед выборами.* Так называемый «ценз оседлости» для кандидата в президенты решением республиканского референдума 27 февраля 2022 г. повышен с 10 до 20 лет. В решении от 15 июня 2001 г. № Р-120/2001 Конституционным Судом РБ сформулирована правовая позиция, согласно которой при определении места постоянного проживания следует учитывать не только место фактического нахождения лица в тот или иной период времени (в Республике Беларусь либо за ее пределами), но и его намерение иметь данное место в качестве места своего постоянного проживания. Содержание этого понятия предопределяется целями выезда (выбытия) за пределы Республики Беларусь: является ли выезд временным либо это выбытие на постоянное место жительства в другое государство. Необходимо 20 лет проживать постоянно, непосредственно, т. е. прямо перед выборами. Такое требование устанавливается в отношении кандидатов в президенты в Казахстане, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане. Если кандидат проживал постоянно на территории Республики Беларусь 20 лет, затем выехал на постоянное проживание в другое государство и вернулся обратно на постоянное проживание в Республику Беларусь перед выборами, то он не сможет быть кандидатом в президенты в связи с невыполнением рассматриваемого требования.

5. *Гражданин, не имеющий и не имевший ранее гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа иностранного государства, дающего право на льготы и другие преимущества.* Этим требованием ст. 80 Конституции РБ дополнена в результате республиканского референдума 27 февраля 2022 г. Подобные требования к кандидатам в президенты имеют место и в зарубежной практике. Например, ст. 65 Конституции Республики Таджикистан устанавливает, что кандидатом на пост президента Республики Таджикистан может быть выдвинуто лицо, имеющее гражданство только Республики Таджикистан,

ст. 100 Конституции Азербайджанской Республики закрепляет, что президентом Азербайджанской Республики может быть избран гражданин Азербайджана без двойного гражданства. По мнению О. И. Чуприс, тем самым ограничиваются возможности влияния иностранных государств на лицо, занимающее один из самых высоких постов в стране [4, с. 9–10]. Согласимся с тем, что данное положение также имеет целью защиту суверенитета Республики Беларусь, важнейшим политико-правовым выражением которого является независимое от внешнего влияния осуществление Президентом (Главой государства) своих функций [2, с. 20].

Таким образом, обновление конституционных требований к кандидатам в президенты отражает преемственность развития института президентства и направлено на обеспечение суверенитета Республики Беларусь, незыблемости народовластия, сохранение государственных традиций белорусского народа.

Список источников

1. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=k90100121&q_id (дата обращения: 11.11.2023).

2. Карпович Н. А., Чуприс О. И. Президент — Глава государства Республики Беларусь: развитие конституционно-правового статуса в нормах обновленной Конституции // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2022. № 4.

3. Масловская Т. С. Институт президентства в Республике Беларусь: теоретические и конституционные основы. Минск, 2010.

4. Чуприс О. И. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь: олицетворение самобытности Основного Закона и обновленной государственности // Право.by. 2022. № 2.

Н. А. Трусев

Модель местного самоуправления как правовое последствие проявления его природы в реальной конституционной практике

Муниципальное право для современной России является относительно новой наукой, хотя сам по себе феномен местного самоуправления имеет многовековую историю. Поэтому вполне естественно, что богатый опыт реализации различных вариантов организации местного самоуправления и самоуправленческих традиций выступает предметом

исследования как отечественной, так и зарубежной науки муниципального права [1, с. 25; 2, с. 51].

Относительно целого ряда вопросов теории местного самоуправления в отечественной науке ведутся дискуссии, например, о моделях местного самоуправления. Так, отсутствует консенсус в понимании терминологии и разновидностей соответствующих моделей. В частности, в учебном пособии М. В. Коростелевой и А. А. Савченко употребляются термины «модель осуществления муниципальной власти» [3, с. 9–10], «модель организации муниципальной власти» [3, с. 12, 175], «модель местного самоуправления» [3, с. 73, 87], «система органов местного самоуправления» [3, с. 156, 162]. При этом возможность государства делегировать часть своих функций органам местного самоуправления авторы включают в смешанную (германскую) модель местного самоуправления [3, с. 87]. При этом И. В. Гранкин относит последнюю, наряду с английской и французской, не к модели, а к системе местного самоуправления [4, с. 91]. А. К. Балдин поддерживает позицию И. В. Гранкина [5, с. 51]. Он употребляет термины «система организационных форм местного самоуправления» [5, с. 66], «типы организации местного самоуправления» [5, с. 52], но, рассматривая германскую систему местного самоуправления, автор использует определение «модель местного самоуправления» [5, с. 52]. В то же время в учебнике Н. С. Бондаря Германия ни в контексте «системы», ни в контексте «модели», ни даже «страны» не перечисляется среди трех существующих, по мнению автора, основных моделей местного самоуправления — англосаксонской, романской (континентальной) и иберийской [6, с. 28]. При этом не совсем понятно, чем принципиально отличается романская (континентальная) модель местного самоуправления, главной особенностью которой выступает «сочетание государственного и муниципального управления на местах» [6, с. 29], от иберийской модели, имеющей в основе «внутреннее переплетение государственных и муниципальных начал» [6, с. 30].

Безусловно, указанная неразбериха в использовании терминологии и классификации моделей местного самоуправления в учебной литературе никак не способствует повышению качества образовательного процесса.

Полагаем, что в принципе разграничения указанных терминов должна лежать следующая логика: отправным выступает термин «система местного самоуправления», представляющая собой совокупность взаимосвязанных организационно-правовых форм осуществления муниципальной власти [7, с. 100]. Одной из таких форм является представительная муни-

ципальная демократия, включающая в себя органы и должностных лиц местного самоуправления. Находящиеся в определенном соподчинении между собой (оно может быть разным; конкретное соподчинение указано в законодательстве), последние образуют разные «модели организации структуры органов местного самоуправления». Именно их имеют в виду авторы, когда рассматривают, какие органы, должностные лица как формируются, кому подчиняются и соподчиняются между собой, но главное состоит в том, как органы и должностные лица местного самоуправления в этих разных моделях реализуют государственный интерес, как сочетаются с органами и должностными лицами государственной власти. В зависимости от того, как будет решен этот вопрос, следует говорить о моделях местного самоуправления.

В современной науке муниципального права решение указанного вопроса описывается разными моделями. Обычно выделяют англосаксонскую, романо-германскую, континентальную, смешанную, советскую, иберийскую модели местного самоуправления. Полагаем, что подобное многообразие является искусственным, поскольку описывает отдельные особенности организации структуры органов местного самоуправления, прежде всего, в зарубежных странах, а подлинные закономерности отходят на второй план.

На наш взгляд, в основе решения данного вопроса должна лежать природа местного самоуправления.

В каждой стране объективно существует некоторое противоречие между постоянным стремлением центральных органов власти к проведению единой государственной политики (согласно общим критериям и стандартам, обеспечивающим единство нации) и местными различиями в исторических, этнических, социально-экономических, культурных, духовно-нравственных и других характеристиках [7, с. 49]. Следовательно, отличительной чертой местного самоуправления выступает его двойственная природа. В нем одновременно сочетаются два начала/сущности — общественное и государственное. Муниципальная деятельность всегда строится на сочетании/балансе местных и государственных интересов.

Таким образом, если исходить из сущности местного самоуправления, его двойственной природы, а именно, пропорций сочетания общественного и государственных начал в организации и осуществлении местного самоуправления, мы получим всего три модели местного самоуправления:

- 1) англосаксонскую;
- 2) континентальную (смешанную);
- 3) советскую.

Принципиальными отличиями англосаксонской модели местного самоуправления являются самостоятельность местного самоуправления и полная независимость от системы государственной власти, отсутствие на местах уполномоченных представителей центрального правительства, опекающих местные органы; избрание населением не только представительных органов, но и муниципальных должностных лиц. Эта модель построена на приоритете общественного начала в организации и осуществлении местного самоуправления.

Англосаксонской модели противопоставляется советская модель местного самоуправления. Ее построение основано на доминировании государственного начала в организации и осуществлении местного самоуправления. Советская модель, в отличие от других, заключается в фактическом слиянии местного самоуправления и государственного управления. Органы местного самоуправления трансформируются в органы местного управления, становясь проводником государственного интереса.

На сочетании общественного и государственных начал в организации и осуществлении местного самоуправления построена континентальная (смешанная) модель местного самоуправления. Вопросы разного рода диспропорций между соответствующими сущностями ведут к формированию особенностей в организации и реализации местного самоуправления в разных странах. Отсюда и выделяются разными авторами германская, французская и иные модели местного самоуправления. Характерной чертой континентальной модели является включение элементов советской модели, а по сути, контроля государственной властью власти муниципальной, в англосаксонскую модель. В реальной конституционной практике такого рода включения могут выражаться в полном государственном контроле какого-либо направления публичной деятельности государством, например, финансов. Или же влияние на муниципальную деятельность путем участия в формировании органов местного самоуправления.

Вывод: конкретная модель местного самоуправления выступает правовым последствием проявления сложившегося баланса сущности местного самоуправления, его двойственной природы в реальной конституционной практике.

При этом безусловным является то обстоятельство, что построение в конкретном государстве той или иной модели местного самоуправления зависит от целого ряда факторов, среди которых экономический, политический, идеологический, ментальный и др. Очевидна и закономерность: перманентное изменение условий существования государства, трансформация

соответствующих факторов может способствовать изменению баланса сущности разных видов местного самоуправления, что, в свою очередь, приведет к изменению (модернизации) модели местного самоуправления.

Список источников

1. *Муниципальное право России : учебник / отв. ред. С. А. Авакьян.* М., 2009.
2. *Муниципальное право России: учебник : в 4 ч. Ч. 1: Муниципальное право и основы теории местного самоуправления / А. Р. Лаврентьев, Н. А. Трусов.* Н. Новгород, 2020.
3. *Коростелева М. В. , Савченко А. А.* Муниципальное право Российской Федерации : учеб. пособие. Волгоград, 2018.
4. *Гранкин И. В.* Муниципальное право Российской Федерации. Курс лекций : учеб. пособие. 2-е изд. М., 2015.
5. *Балдин А. К.* Актуальные проблемы муниципального права России : учеб. пособие. Н. Новгород, 2016.
6. *Местное самоуправление : учебник для академического бакалавриата / под ред. Н. С. Бондаря.* М., 2017.
7. *Трусов Н. А., Лаврентьев А. Р.* Муниципальное право России : учеб. пособие. Н. Новгород, 2013.

А. Ю. Ульянов

Конституционная реформа и новые принципы организации публичной власти

Внесенные в 2020 г. поправки в Конституцию Российской Федерации позволили устранить системные противоречия, возникающие на различных уровнях власти, в целях эффективного функционирования единой системы публичной власти в Российской Федерации. Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» в конституционный текст был официально введен термин «публичная власть». Как известно, конституционный текст ограничительно подходит к пониманию публичной власти. Более развернутое определение данного термина приведено в Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» (далее — Закон о Госсовете РФ), где под единой системой публичной власти пони-

маются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства (ст. 2).

Конституционные поправки не только ввели в конституционный лексикон понятие «публичная власть», но и закрепили принципы единства публичной власти, взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти, а также эффективности их деятельности в интересах населения. В формально-юридическом смысле данные принципы закреплены в ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, которая гласит, что органы государственной власти и органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения.

Анализ данной конституционно-правовой конструкции позволяет прийти к нескольким важным выводам. Во-первых, в ст. 132 Конституции РФ речь идет именно о конституционных нормах-принципах, закрепляющих основополагающие правовые начала, на которых должна строиться деятельность всех органов публичной власти.

Во-вторых, это сложносоставная конституционная норма, включающая в себя несколько взаимосвязанных элементов, объединяющих сразу четыре принципа:

- 1) принцип единства публичной власти;
- 2) принцип взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления;
- 3) принцип эффективности деятельности органов публичной власти;
- 4) принцип социальной ориентированности деятельности публичной власти.

В-третьих, данная конституционная норма закрепляет основную цель деятельности органов публичной власти, которая заключается в наиболее эффективном решении задач в интересах населения. Можно сделать вывод о конституционализации в результате конституционной

реформы сразу нескольких новых принципов, особое место среди них занимает принцип единства системы публичной власти.

Концепция единства государственной власти на протяжении всей истории своего развития наполнялась различным политико-правовым содержанием [1, с. 43]. В современный период единство власти можно рассматривать не только как организационное единство, но и как единство целей, задач и направлений деятельности государства. С этих позиций именно практика реализации принципа единства системы публичной власти показывает его реальное верховенство над подавляющим большинством других принципов, составляющих основы конституционного строя, включая принципы федерализма и разделения властей [1, с. 47]. Руководствуясь данным принципом, необходимо учитывать и следующую закономерность: оценка эффективности деятельности органа публичной власти не может проводиться в отрыве от системы, в которой данный орган функционирует. Другими словами, в ходе оценки должны косвенно исследоваться все элементы заданной системы, их связи и взаимодействия как по вертикали, так и по горизонтали.

По мнению Д. А. Кулагина, «важным принципом организации всей структуры органов и должностных лиц государственной и муниципальной власти является принцип децентрализации публичной власти, направленный на создание различных уровней власти, позволяющих осуществлять управление в государстве с учетом интересов отдельных территориальных коллективов и всего населения страны как единого сообщества» [2, с. 22].

Так, Закон о Госсовете РФ закрепил, что взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти, осуществляется исходя из принципов оценки эффективности государственного и муниципального управления и мониторинга деятельности органов публичной власти в соответствии с федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации (ст. 17). Тем самым федеральный законодатель допускает, что вопросы оценки эффективности публичной власти могут находиться в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

Конституционный принцип эффективности публичной власти означает, что деятельность всех органов, входящих в единую систему публичной власти, должна реализовываться в целях наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории, т. е. для достижения социально значимого результата, который должен максимально отвечать общественным интересам и потребностям граждан.

С принципом эффективности тесно связан другой конституционный принцип — согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти. Его содержание более детально раскрывается в ст. 17 Закона о Госсовете РФ исходя из следующих норм-принципов:

1) эффективность осуществления публичных функций на соответствующей территории и выполнения социально-экономических обязательств государства;

2) самостоятельность реализации органами публичной власти своих полномочий, целесообразность и экономическая обоснованность распределения этих полномочий;

3) гарантированность необходимого финансового обеспечения при передаче полномочий между уровнями публичной власти;

4) открытость, доступность и достоверность информации о деятельности органов публичной власти и своевременность ее предоставления;

5) оценка эффективности государственного и муниципального управления и мониторинг деятельности органов публичной власти в соответствии с федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

Таким образом, законодатель определяет принцип согласованного функционирования и взаимодействия властей как некий интегрированный принцип, объединяющий сразу несколько принципов, в том числе принцип эффективности публичной власти. Подобная законодательная трактовка принципа взаимодействия все же не является бесспорной, хотя и находит свое частичное объяснение в ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, которая гласит, что органы государственной власти и органы местного самоуправления «осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения» [3, с. 23–24].

В итоге можно констатировать, что новая конституционная модель организации публичной власти развивается не только в плоскости закрепления правового статуса конституционных органов, но и предусматривает реализацию так называемых норм-принципов, которые в наиболее общем виде закладывают «правовой фундамент» для развития правоотношений в области повышения эффективности деятельности государства. Новые конституционные принципы играют важную роль в построении всей политико-правовой системы, конкретизируются и развиваются в отраслевом законодательстве, подзаконных актах, документах стратегического планирования, активно способствуют реализации национальных целей развития Российской Федерации.

Список источников

1. *Грачев Н. И.* Единство государственной власти как основополагающий политико-правовой принцип государственного строительства: история и современность // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: «Юриспруденция». 2016. Т. 15. № 4(33).

2. *Кулагин Д. А.* Критерии оценки эффективности конституционно-правового механизма осуществления публичной власти // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 27(281).

3. *Ульянов А. Ю.* Основные научные подходы к пониманию эффективности публичной власти в российском конституционном праве // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 8.

РАЗДЕЛ II. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ В ОТРАСЛЕВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Е. С. Акимжанов

К вопросу о правовых основах административно-правовой защиты от домашнего насилия в Республике Казахстан

Защита Конституционных прав, свобод и интересов граждан — одна из основных целей и обязанностей любого правового социального демократического государства. В связи с этим Республика Казахстан (далее — РК) активизировала работу по защите своих граждан от домашнего насилия [1]. Так, в Послании Президента Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаева народу Казахстана от 16 марта 2022 г. перед органами государственной власти была поставлена задача «принять системные меры для снижения уровня насилия в обществе» [2].

Анализируя правовые основы административно-правовой защиты от домашнего насилия, необходимо отметить, что оно является серьезным нарушением основных прав человека, в частности, права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, свободу от пыток, жестокого или бесчеловечного обращения. Важность проблемы обусловила формирование принципов и основ деятельности субъектов, осуществляющих мероприятия в сфере предотвращения и противодействия домашнему насилию, с учетом ряда международных нормативных правовых актов (далее — НПА). Республика Казахстан ратифицировала лишь некоторые из них, однако в целях демократизации и повышения эффективности национального законодательства стремится максимально полно внедрять передовые достижения международного и наднационального сообщества.

В 1993 г. была принята Декларация об искоренении насилия в отношении женщин [3]. Она раскрывает содержание термина «насилие по отношению к женщинам», означающего любой акт насилия, причиняющий или способный причинить физический, половой либо психологический

вред или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы как в общественной, так и в личной жизни.

Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.) устанавливает обязанность государств предотвращать и противодействовать насилию [4].

Вопросы защиты детей от домашнего насилия рассматриваются Конвенцией ООН о правах ребенка, которая закрепляет четыре базовых принципа защиты: недискриминация, учет лучших интересов ребенка, право на жизнь и уважение к взглядам ребенка [5].

Что касается национального законодательства РК, то в соответствии со ст. 4 Конституции РК нормы международных договорных и иных обязательств относятся к действующему казахстанскому праву, а международные договоры, ратифицированные в Казахстане, имеют приоритет перед национальным законодательством [1].

Ключевым этапом в совершенствовании правовых основ деятельности субъектов административно-правовой защиты от домашнего насилия в РК на основании международных норм стало принятие Закона РК от 4 декабря 2009 г. № 214-IV «О профилактике бытового насилия» (далее — Закон РК № 214), в котором отражаются принципы обеспечения равных прав и возможностей женщин и мужчин при осуществлении мер в сфере административно-правовой защиты от домашнего насилия.

Кроме того, следует учитывать, что в случае, если от домашнего насилия страдает ребенок, то любые действия, предпринимаемые по отношению к нему, базируются на принципах, определенных Конвенцией ООН о правах ребенка, Конвенцией Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия, Европейской конвенцией об осуществлении прав детей и законодательными актами РК в сфере защиты прав ребенка. «Нарушения прав ребенка находят выражение во вполне конкретном поведении: унижении ребенка, насилии, жестокости по отношению к нему, создании условий, препятствующих развитию его личности, ущемлении его личности и прочее» [6, с. 107].

В международной практике реализуется правило, согласно которому пострадавшим от домашнего насилия признается не только ребенок, претерпевающий страдания от непосредственного воздействия иных лиц, но и ребенок, ставший свидетелем домашнего насилия как негативного социального явления.

Положения Закона РК № 214 коррелируют с нормами Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении

женщин и домашним насилием. Кроме этого, частично нашли свое отражение в законодательстве РК основные цели и принципы Стамбульской конвенции, участницей которой РК не является, однако принимает во внимание передовые идеи, признанные международным сообществом. Можно отметить, что частичное внедрение в Казахстане системы предотвращения домашнего насилия и противодействие ему осуществляются согласно принципам 4Р: профилактика (англ. «prevention»), защита (англ. «protection»), уголовное преследование (англ. «prosecution») и комплексная, всеобъемлющая политика (англ. «comprehensive policies»). Указанная система принципов в РК не учитывает положений об уголовном преследовании, поскольку в стране реализованы меры по декриминализации насилия в семейно-бытовых отношениях [2].

Следующей группой документов, играющих существенную роль в установлении правовых основ деятельности субъектов административно-правовой защиты от домашнего насилия, и в частности органов внутренних дел РК, являются указы и распоряжения Президента РК, которые обязательны к исполнению. Преимуществом указов Президента РК как НПА является возможность оперативно реагировать на изменение текущей ситуации и восполнять пробелы, существующие в государственной системе регулирования. Указом Президента РК от 6 декабря 2016 г. № 384 «Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года» внедрены меры, направленные на обеспечение прав женщин и детей как наиболее часто становящихся жертвами насилия в семейно-бытовых отношениях.

Нормативно-правовое обеспечение государственной политики по предотвращению домашнего насилия и насилия по признаку пола также включает в себя подзаконные акты центральных органов исполнительной власти, местных представительных и исполнительных органов, министерств и ведомств, их представительств на местах.

Что касается Министерства внутренних дел РК, то можно отметить приказ от 15 июля 2014 г. № 432 [7], который устанавливает нормы профилактического контроля за лицами в целях обеспечения безопасности от домашнего насилия.

Проанализированный комплекс НПА РК в сфере административно-правовой защиты от домашнего насилия позволяет сделать вывод о состоятельности регламентации деятельности органов внутренних дел РК и иных уполномоченных органов в вопросах противодействия насилию в семейно-бытовых отношениях. Однако, стремясь к совершенствованию правовых основ соответствующей деятельности в целях обеспечения

максимально эффективной защиты от насильственных деяний в семье и быту, целесообразным представляется обращение к зарубежному опыту для определения перспектив его заимствования казахстанским законодателем.

Список источников

1. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1996 г. № 4. Ст. 217.

2. *Новый Казахстан: путь обновления и модернизации*. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 16 марта 2022 г. URL: <https://www.akorda.kz> (дата обращения: 21.10.2023).

3. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г. № 48/104. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

4. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1979 г. № 34/180. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

5. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.

6. Беляева Л. И. Нарушения прав ребенка и их социальные последствия // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4(40).

7. Об утверждении Правил осуществления профилактического контроля за лицами, состоящими на профилактическом учете в органах внутренних дел: приказ МВД Республики Казахстан от 15 июля 2014 г. № 432. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31603135 (дата обращения: 15.11.2023).

В. В. Бабурин

Конституционные основы правомерного силового воздействия

Как известно, Конституция Российской Федерации предусматривает право на самозащиту своих прав, на самооборону от преступных посягательств. Действительно, многие считают, что в Конституции Российской Федерации присутствует норма, прямо посвященная необходимой обороне, ссылаясь на установленное в ч. 2 ст. 45 Конституции Российской

Федерации положение о том, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». Из этого можно сделать вывод о наличии конституционных основ необходимой обороны, закрепленных в частности в ст. 37 «Необходимая оборона» Общей части Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ). Но насколько правильным является такой вывод?

В целом под конституционными основами понимаются установленные в Конституции Российской Федерации базовые принципы чего-либо, в которых получили юридическое выражение основополагающие ценности. Можно ли говорить о наличии именно конституционных основ активной самозащиты, необходимой обороны, поскольку Конституция Российской Федерации, провозглашая наиболее существенные права человека и гражданина, предусматривая в ч. 2 ст. 45 право граждан на защиту своих законных интересов активным путем, прямо не говорит о возможном причинении ущерба общественным отношениям, хотя в целом в ряде случаев это и не является запрещенным законом? По нашему мнению, четких разработанных основ пока не существует. Для того чтобы они появились, как уже отмечалось, необходимо предусмотреть в Конституции Российской Федерации право на правомерное причинение вреда при защите от общественно опасного посягательства и именно в том виде, как оно представлено в ст. 37 УК РФ [1, с. 95].

Зададим вопрос: как уголовное право реализует, обеспечивает эти конституционные основы необходимой обороны? Предварительно следует сказать — очень неполно и, что самое главное, неточно. В частности, это связано с некорректной, даже неправильной терминологией в уголовном законе. Так, в части 1 ст. 37 УК РФ говорится, что «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны...». Основываясь на этом, многие авторы используют термин «правомерное причинение вреда» [2, с. 34]. Однако нужно разобратся, можно ли вообще использовать этот термин? Насколько точно он отражает смысл, заложенный в содержании необходимой обороны и ее правомерности? Нет ли в этом понятии ошибки, способной привести к значительным проблемам в понимании необходимой обороны и ее использовании обороняющимися гражданами, а главное, в применении судами нормы о необходимой обороне при защите прав обороняющихся во время судебного разбирательства? По нашему мнению, именно такая ошибка заложена в данном термине.

Начнем с того, что «правомерного причинения вреда» как такового быть не может, так же как не может быть такого термина, как «правомер-

ное убийство». Убийство и вред являются однопорядковыми понятиями. Вред — более общее понятие, а убийство — один из случаев причинения вреда.

Следует отметить, что и в первом и во втором словосочетаниях объединены два термина, несовместимые друг с другом по содержанию. Внешне, формально, как отдельные слова, их можно было бы поставить рядом друг с другом, но как словосочетания они не имеют права на существование, поскольку отрицают друг друга.

Рассмотрим более подробно второе словосочетание «правомерное убийство». Исходя из правовой сущности убийство — это всегда запрещенное и потому преступное деяние, которое никогда не может быть правомерным. Тот, кто пытается использовать термин «правомерное убийство», действует ошибочно, так как фактически в своем сознании он подменяет правильный термин «лишение жизни другого человека» термином «убийство», забывая, что это совершенно разные понятия. Таким образом, подменяя «лишение жизни другого человека» термином «убийство», исследователь делает неправильный вывод. Термин «правомерное лишение жизни другого человека» действительно абсолютно правильный и точный. Вот только убийство правомерным быть не может. В этом и заключается суть ошибочности в понимании правомерного убийства и правомерного причинения вреда. Только ошибка здесь заключается несколько в другом — в незавершенности, условности используемых понятий. Для примера можно провести аналогию с понятием «преступление» и его употреблением в уголовном праве. Несмотря на то, что термин «преступление» может быть использован только после приговора суда, которым общественно опасное деяние человека официально признается преступлением, он широко применяется в самом начале раскрытия и расследования совершенного общественно опасного деяния.

Общественно опасное деяние, которое суд еще не признал преступлением, не может считаться преступлением. Это касается и правомерного причинения вреда. Таким образом, правомерное причинение вреда изначально предполагается как правомерное, а только потом это официально проверяется и закрепляется правоохранительными органами. Поэтому оно и изначально должно именоваться точным, полностью правомерным термином, без признаков преступного поведения. Иначе применительно к преступлению мы должны были бы использовать, например, такой термин, как «преступное благодеяние».

Учитывая сказанное, нельзя использовать эти термины, поскольку они ложные, ошибочные и потому ничтожные, лишённые смысла. Итак,

в словосочетании содержатся два слова, которые по своему содержанию противоречат друг другу, по этой причине их нельзя употреблять в таком словосочетании.

Так о чем же мы хотим сказать, когда используем термин «правомерное причинение вреда», какую мысль мы хотим при этом выразить? Это мысль о том, что при необходимой обороне обороняющийся своими действиями так воздействует на нападающего, что причиняет ему неудобства, страдания, даже лишает его жизни, но при этом ни само деяние, ни наступившие последствия, какими бы негативными они ни были, не являются преступными. Поскольку это общественно полезное деяние и его нельзя называть даже условно, даже предварительно вредом. Например, мы не называем причинением вреда хирургическую операцию по ампутации конечности ради спасения жизни пациента. В этом случае мы точно и правильно говорим об ампутации. И понятие «ампутация» не определяется как причинение физического вреда пациенту. Необходимая оборона также лишь внешне похожа на причинение вреда, но по сути им не является. А уголовный закон не должен ориентироваться только на внешние признаки, он должен содержать сущностные признаки деяния.

Тогда какой термин мы должны использовать при этом? Интересным видится предложение А. В. Петровского, который для характеристики экстенсивного правомерного поведения в определенных случаях использует термин «понуждение». Так, он предлагает определять в качестве общественно безопасных деяния по психологическому, имущественному, моральному понуждению несовершеннолетних их родителями, педагогами, воспитателями в процессе воспитания правопослушности, а также деяния, связанные с психологическим понуждением членами трудового коллектива работника, представителями этнической общности — своего представителя — в целях профилактики совершения им правонарушений (потестарное понуждение). Следовательно, он предлагает включить в главу 8 Уголовного кодекса РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» норму «Обстоятельства допустимости деяния, исключаящего его преступность» [3, с. 16].

По нашему мнению, для более общих случаев правомерного поведения в качестве предварительного можно использовать нейтральный термин «правомерное силовое воздействие».

Список источников

1. Бабурин В. В. Конституционные основы правомерного поведения, связанного с причинением вреда // Реализация Конституции Российской

Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. (8–9 декабря 2022 г., г. Омск) / пред. редкол. С. К. Буряков. Омск, 2023.

2. *Петрушенков А. Н.* Правомерное причинение вреда лицу, совершившему преступление: проблемы уголовно-правовой регламентации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2021. № 2.

3. *Петровский А. В.* Институционально-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023.

М. А. Баранова

О реализации Верховным Судом РФ права, предусмотренного ст. 104 Конституции РФ, в направлении укрепления публичного характера уголовного судопроизводства

Уголовно-процессуальный кодекс РФ, принятый в 2001 г. (далее — УПК РФ), определил, что уголовно-процессуальная деятельность носит публичный характер (ч. 5 ст. 20), сохранив, тем не менее, институт частного обвинения, который имеет многовековую историю. В первоначальной редакции УПК РФ к реализуемым в порядке частного обвинения относились четыре состава преступления, предусмотренные ст. ст. 115, 116, ч. 1 ст. 129 и ст. 130 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ). Позже данный перечень неоднократно изменялся и в настоящее время включает в себя три перечисленных в ч. 2 ст. 20 УПК РФ состава преступления (ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116¹ и ч. 1 ст. 128¹ УК РФ). По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2022 г. мировыми и районными судами было рассмотрено 10,6 тыс. уголовных дел частного обвинения (в 2021 г. — 10 тыс.) [1]. Конституционное правило о защите прав потерпевших от преступлений (ст. 52 Конституции РФ) применительно к делам частного обвинения законодатель закрепил в ст. ст. 43, 318, 319, 321–323 УПК РФ.

Однако, воспользовавшись предоставленным ст. 104 Конституции РФ правом законодательной инициативы, Верховный Суд РФ постановлением Пленума от 6 апреля 2021 г. № 3 внес в Государственную Думу Федерального Собрания РФ законопроект, которым предлагалась полная ликвидация частного уголовного преследования путем отнесения составов преступлений, перечисленных в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, к категории

частно-публичных. В качестве причин такой законодательной инициативы Верховный Суд РФ указал высокую степень латентности обозначенных преступлений, носящих в основном бытовой, семейный характер, несогласованность ст. 6.1.1 КоАП РФ и ст. 116¹ УК РФ, так как впервые за причинение побоев лицо подвергается административному наказанию исключительно в публичном порядке, независимо от наличия заявления потерпевшего, а повторно — к уголовной, уже в частном порядке, инициировать который может только само пострадавшее лицо. Приводились также доводы о более высокой эффективности процесса доказывания, реализуемого правоохранительными органами в ходе предварительного расследования, которое имеет место по всем делам частного-публичного характера, что в целом повлечет повышение уровня защиты прав потерпевших лиц [2]. Однако данный законопроект был возвращен в Верховный Суд РФ на доработку.

Все приведенные в обоснование законопроекта доводы, безусловно, заслуживают внимательного изучения.

Обратимся к сущности частного обвинения. В начале XX в. известные ученые-юристы следующим образом характеризовали частное обвинение. Н. Н. Розин указывал, что частное обвинение образуют дела, по которым органы государственного обвинения уstraняются от вмешательства в уголовный процесс, а сама функция обвинения передается в руки частного обвинителя [3, с. 252].

И. Я. Фойницкий отмечал, что частное обвинение «дает правовое удовлетворение естественному ощущению обиды потерпевшего вследствие совершенного вопреки него и его родных преступления — чувству, которое обеспечивает надлежащую со стороны обвинителя энергичность в преследовании» [4, с. 80–81]. Поэтому, согласно его позиции, полное устранение от уголовного преследования потерпевших лиц несправедливо и неправомерно.

В советский период М. С. Строгович писал, что по делам частного обвинения сам потерпевший должен решить: затронуты ли его интересы и насколько серьезно, произвольное вмешательство в них государственных органов может осложнить, обострить отношения между потерпевшим и обвиняемым [5, с. 24].

Ю. К. Якимович, включив данное производство в число упрощенных, к основе его характеристики отнес необходимость учета интересов обвиняемого и лица, пострадавшего от преступления [6, с. 44].

Е. И. Аникина в постсоветский период размышляет о том, что частное обвинение следует воспринимать как рудимент средневекового

процесса — уголовный иск, включающий в себя требование обвинения и порицание лица, осуществившего преступное деяние [7, с. 142]. Аналогичного мнения придерживается И. Р. Харченко [8, с. 7].

Е. Б. Мизулина отмечает, что частное обвинение в уголовном процессе для пострадавшего — это возможность не только компенсировать нанесенный вред, но и реализовать инстинкт самосохранения, обезопасив себя от вторичного посягательства определенного лица [9, с. 51].

Следовательно, на протяжении более чем 100 лет частное обвинение рассматривается не только узко юридически, как специфическая форма производства по уголовному делу, но и с социальной, психологической и философской точек зрения. В последней частное обвинение представляется как правовая модель реализации свободы личности в демократическом государстве [10, с. 6].

Что касается социального требования справедливости, то у каждой конкретной личности оно сугубо индивидуально, и только собственным решением пострадавший таким образом построит уголовный процесс, который удовлетворит его потребность в справедливости в рамках, предоставленных законом. Ведь не даром примирение по делам частного обвинения допускается и при пересмотре судебного решения в апелляционном порядке (ч. 2 ст. 20 УПК РФ). Это правовой нонсенс, но он имеет право на существование в силу специфики института частного обвинения.

В связи с этим инициатива, предпринятая в 2021 г. Верховным Судом РФ, по нашему мнению, не согласуется с положениями ст. 52 Конституции РФ, которая гарантирует потерпевшему всяческую защиту принадлежащих ему прав и не учитывает сущность исторически сложившегося института.

Полагаем, что исключение частного обвинения как специфической формы уголовного преследования нецелесообразно не только с юридической точки зрения, поскольку институт частного обвинения существует и совершенствуется на протяжении многих столетий, но и с точки зрения иных вышеприведенных его характеристик, позволяющих субъекту частного обвинения (частному обвинителю) самостоятельно принимать решение о начале уголовного преследования и его дальнейшей судьбе.

Что касается довода об отсутствии у частного обвинителя возможности полноценного осуществления доказывания, то согласно ч. 2 ст. 319 УПК РФ мировой судья по ходатайству сторон вправе оказать им содействие в собирании доказательств. Таким образом, недостаток правомочий частного обвинителя в осуществлении процесса доказывания вполне восполним процессуальной деятельностью мирового судьи.

Список источников

1. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80> (дата обращения: 21.11.2023).

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116¹ и частью первой статьи 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации) : пояснительная записка к законопроекту № 1145531-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7> (дата обращения: 21.11.2023).

3. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. СПб., 1914.

4. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. 4-е изд. СПб., 1912. Т. 1.

5. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1970. Т. 2.

6. Якимович Ю. К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Томск, 1991.

7. Аникина Е. И. Производство по делам частного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2000.

8. Харченко И. Р. Проблемы уголовного преследования, осуществляемого в частном порядке, в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.

9. Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самосохранения государств : дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 1991.

10. Седаш Е. А. Частное начало в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.

А. А. Батчаева

Об отдельных аспектах реализации прав потерпевших от преступлений (ст. 52 Конституции РФ) в отраслевом уголовно-процессуальном законодательстве

Статья 52 Конституции РФ гарантирует потерпевшим от преступлений охрану принадлежащих им прав. Данную норму следует понимать в контексте принципиальных положений, закрепленных в ст. ст. 6 и 11

Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ), из которых следует, что государство в лице уполномоченных должностных лиц обязано своевременно разъяснить потерпевшему по уголовному делу принадлежащие ему права, обеспечить возможность их использования, а также защитить его законные интересы. Часть 2 ст. 42 УПК РФ содержит довольно широкий круг прав потерпевшего, их перечень носит открытый характер. В частности, в этом перечне отсутствует указание на такое право потерпевшего, как примирение с обвиняемым. В то же время оно упоминается в других статьях УПК РФ (ст. ст. 20, 25, 268, 318, 319).

Примирение потерпевшего с обвиняемым как альтернатива уголовному преследованию влечет его прекращение без последующего применения положений о реабилитации и выступает одним из способов реализации конституционного права потерпевшего лица на защиту его законных интересов. Речь в данном случае идет именно о законных интересах потерпевшего, который вправе при совокупности определенных условий влиять на судьбу уголовного дела.

Законодатель различает примирение по делам частного, частно-публичного и публичного обвинения. Как следствие, законоположения о надлежащем процессуальном порядке примирения расположены в различных статьях УПК РФ. Так, по уголовным делам частного обвинения в ч. 2 ст. 20 УПК РФ говорится именно о «примирении потерпевшего с обвиняемым». Данная формулировка имеет важную смысловую нагрузку: решение о примирении принимает исключительно потерпевший, основываясь на собственном представлении о защите нарушенных прав. Такое решение потерпевшего в случае его поддержания обвиняемым обязывает мирового судью прекратить уголовное дело по специальному основанию — ч. 2 ст. 20 УПК РФ (ч. 5 ст. 319 УПК РФ). Законодатель не предоставляет мировому судье полномочий по проверке реальности факта примирения и осознания сторонами правовых последствий принятого решения, он обязан прекратить производство по уголовному делу. Обозначенная специфическая конструкция обусловлена самой сущностью частного обвинения, которое выдвигает и поддерживает потерпевшее лицо (ст. ст. 318, 319 УПК РФ). Однако законодатель применительно к потерпевшему по уголовному делу частного обвинения применяет специальное наименование — частный обвинитель. Поэтому с точки зрения юридической техники правильнее бы было в ч. 2 ст. 20 УПК РФ указать о примирении именно частного обвинителя с обвиняемым.

Примирение по уголовным делам частно-публичного и публичного характера регламентировано ч. 3 ст. 20 и ст. 25 УПК РФ. Поскольку по обо-

значенным категориям уголовных дел полноценно реализуются положения ст. 21 УПК РФ о публичном характере уголовно-процессуальной деятельности, процессуальный порядок примирения и его правовые последствия существенным образом отличаются. Согласно ст. 25 УПК РФ и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, сформулированным в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 [1], такое примирение уже именуется не примирением потерпевшего с обвиняемым, а «примирением сторон», поскольку в процедуре примирения появляется третья сторона — государство в лице уполномоченных должностных лиц и органов (на различных этапах уголовного судопроизводства это могут быть дознаватель (с согласия прокурора), следователь (с согласия руководителя следственного органа), прокурор или судья (суд)). Лицо, в отношении которого решается вопрос о прекращении уголовного дела, должно впервые привлекаться к уголовной ответственности, возместить причиненный преступлением имущественный вред в натуральном виде или в денежной форме, загладить иной причиненный преступлением вред. Потерпевший должен в любой законной форме выразить свое волеизъявление о состоявшемся примирении, обвиняемый также должен заявить о состоявшемся акте примирения и своем согласии на прекращение уголовного дела по данному основанию, поскольку оно является нереабилитирующим. Законодатель также сформулировал ограничения по категориям уголовных дел, по которым допустимо примирение. Это дела небольшой и средней тяжести. Данные ограничения обусловлены степенью общественной опасности совершенных преступлений. Но даже при совокупности всех перечисленных факторов прекращение уголовных дел остается на усмотрение соответствующего должностного лица, которое может принять решение о продолжении уголовного преследования. Это одно из значимых различий рассматриваемых порядков примирения — волеизъявление потерпевшего и обвиняемого по уголовным делам публичного характера не накладывает на соответствующее должностное лицо обязанности прекратить уголовное дело. На практике не складывается единого подхода к решению данного вопроса. Например, Первый кассационный суд общей юрисдикции постановлением от 19 апреля 2022 г. отменил решения суда первой и апелляционной инстанции и направил уголовное дело на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции, поскольку последний в ходе судебного разбирательства отклонил ходатайства сторон о прекращении уголовного дела в связи с примирением, не приведя должного обоснования [2].

В связи с этим Конституционный Суд РФ в определении от 21 июня 2011 г. № 860-О-О указал, что решение уполномоченного должностного

лица (следователя, дознавателя, судьи) не может быть произвольным, а должно содержать в себе анализ всей совокупности процессуально значимых обстоятельств [3].

Что касается категории дел частного-публичного обвинения, то ч. 3 ст. 20 УПК РФ содержит формулировку о том, что они прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат. Поэтому некоторые правоприменители полагают, что уголовные дела частного-публичного характера нельзя прекратить в связи с примирением сторон [4, с. 72], что в корне неверно. Такая не совсем удачная формулировка была заимствована законодателем из ст. 27 УПК РСФСР 1960 г. [5] и означает лишь то, что на дела частного-публичного характера не распространяются специфические правила примирения, закрепленные в законе относительно дел частного характера. Однако на них в равной степени влияют все приведенные правила, предусмотренные ст. 25 УПК РФ.

В целях исключения неоднозначного понимания оснований и процессуальных условий допустимости примирения сторон по делам частного-публичного обвинения считаем необходимым скорректировать законоположения ч. 3 ст. 20 УПК РФ и формулировку «прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат» заменить на «могут быть прекращены по основаниям, предусмотренным ст. 25 УПК РФ».

Список источников

1. *О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Постановление* Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19 апреля 2022 г. по уголовному делу № 77-2010/2022. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=18725972&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 27.11.2023).

3. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зяблина Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21 июня 2011 г. № 860-О-О.

4. *Дмитриева А. А., Горлова С. В.* Коллизии производства по преступлениям частного-публичного характера // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2006. № 13.

5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (ст. 592) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40.

В. Н. Борков

Реализация запрета на повторное осуждение за одно и то же преступление

Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ). Данный конституционный принцип по определению является уголовно-правовым и конкретизирует содержание принципа справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ). О недопустимости привлечения лица к уголовной ответственности дважды за одно и то же деяние следует помнить при квалификации преступлений. Так, по совокупности таких преступлений, как хищение огнестрельного оружия (п. «а» ч. 4 ст. 226 УК РФ) и его незаконное приобретение (ч. 3 ст. 222 УК РФ), были квалифицированы действия лица, похитившего автоматы потерпевших. Сославшись на ч. 2 ст. 6 УК РФ, Президиум Верховного Суда РФ указал, «...что осуждение Д. по ч. 3 ст. 222 УК РФ за незаконное приобретение огнестрельного оружия и боеприпасов подлежит исключению» [1].

В исследуемом аспекте интересен ответ Конституционного Суда РФ заявителю, считавшему, что оспариваемая норма (ч. 2 ст. 6 УК РФ) лишь формально воспроизводит конституционный принцип, согласно которому никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление, не конкретизируя его и не создавая должного механизма, исключающего двойную квалификацию одного и того же преступного деяния и, соответственно, двойное назначение наказания, что привело к квалификации совершенного им деяния по совокупности преступлений как убийства, сопряженного с разбоем, и как разбоя. Оспариваемая норма, заключил высший орган конституционного контроля, не устанавливает признаков преступлений и правил квалификации преступлений [2]. Действительно, определение конструкций составов запрещаемых посягательств и их наиболее существенных признаков относится к полномочиям законодателя. Задача следователей и судей состоит в правильном применении уголовного закона. Важную роль в конституционализации такого применения УК РФ играет высшая судебная инстанция, которая применительно к упомянутой проблеме квалификации разъяснила, что в ч. 4 ст. 162 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ речь идет о разных преступлениях, которые не соотносятся между собой как целое и часть, а содержащиеся

в них нормы не относятся друг к другу и как общая, и как специальная, а потому действия виновного в разбойном нападении, в ходе которого потерпевшему причиняется смерть, подлежат квалификации по совокупности преступлений [3]. Изложенный подход был подтвержден и Конституционным Судом РФ [4].

Практике известны случаи, когда вопрос о возможном повторном учете тех или иных обстоятельств совершения преступления и общественно опасных последствий решить непросто. Таковой является проблема соотношения фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) и создающего для нее предпосылки превышения должностных полномочий, выразившегося в «подбросе» лицу предметов, оборот которых ограничен, с точки зрения «вклада» данных посягательств в нарушение интересов потерпевшего, которое может приобретать характер тяжких последствий. Например, по делу начальника отдела уголовного розыска адвокат посчитал незаконными судебные решения, «...поскольку в приговоре не конкретизировано, какие именно действия осужденного составляют объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, а какие ч. 1 ст. 286 УК РФ..., а также какие именно охраняемые законом интересы общества или государства были нарушены...» [5]. Первый кассационный суд указал, что превышение виновным должностных полномочий «...повлекло незаконное уголовное преследование и осуждение (потерпевшего) за совершение преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 222 УК РФ, ч. 4 ст. 223 УК РФ, к наказанию в виде 280 часов обязательных работ» [5].

Подобный вопрос возник по делу, где осужденный, являясь руководителем оперативного подразделения, инсценировал сбыт гражданском наркотических средств и сфальсифицировал материалы о якобы проведенной проверочной закупке, следствием чего стало незаконное применение к потерпевшему мер государственного принуждения. При вынесении приговора суд подошел к решению поставленной проблемы на уровне техники квалификации, отметив, что «...не усматривает оснований для признания отягчающим наказание обстоятельством по ч. 4 ст. 303 УК РФ наступление тяжких последствий в результате совершения преступления, поскольку наступление таких последствий охватывается составом преступления, предусмотренного п. „в“ ч. 3 ст. 286 УК РФ, и не может быть повторно учтено при назначении наказания» [6]. Таким образом, осталось неясным, что явилось причиной наступления тяжких последствий: выходящая за пределы должностных полномочий инсценировка преступления или фальсификация результатов ОРД.

Например, в ч. 1 ст. 306 УК РФ предусмотрена ответственность за заведомо ложный донос (лишение свободы до двух лет), а в качестве особо квалифицированного состава определено то же деяние, соединенное с искусственным созданием доказательств (ч. 3 ст. 306 УК РФ) (лишение свободы до шести лет). Видимо, по логике действующего уголовно-правового регулирования, само по себе внесение изменений в документы, представляемые в качестве результатов ОРД, не так опасно, как искусственное создание видимости совершения гражданином преступления, принуждение его к признанию данного факта. Не основанный на реальных событиях подлог легче опровергнуть. Вместе с тем само по себе искусственное создание видимости совершения преступления без ложного доноса или фальсификации результатов ОРД не способны причинить ущерба законным правам и интересам личности в сфере уголовного судопроизводства. Голословный донос или сами по себе подложные документы о якобы полученных результатах ОРД, которые ничем не подтверждаются, сложно положить в основу уголовного преследования. Поэтому в исследуемой ситуации должностное превышение и фальсификация результатов ОРД в существенное нарушение прав потерпевшего являются совместными.

Допустимость учета причиненного виновным вреда при квалификации двух образующих совокупность преступлений может иметь следующее обоснование. Известен феномен идеальной совокупности, когда субъект совершает деяние, соответствующее признакам двух составов преступлений, но при этом наступают различные последствия, предусмотренные данными нормами. Злоумышленник уничтожает путем поджога дом и убивает находившегося там хозяина. В данном случае поджог учитывается в качестве признака объективной стороны умышленного уничтожения чужого имущества (ч. 2 ст. 167 УК РФ) и деяния при убийстве (ст. 105 УК РФ). В приведенном примере два совершенных виновным посяательства представляют собой единое деяние. Подобным образом совокупность могут образовывать преступления, характеризующиеся самостоятельными действиями, которые вносят вклад в инициирование единых последствий. Изложенное позволяет уточнить конституционно-правовой механизм защиты прав человека от повторного осуждения за одно и то же преступление представлением о возможности совершения двух общественно опасных посятельств одним действием, а также квалификации по совокупности преступлений причинения различными действиями единого вреда.

Список источников

1. *Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 9 ноября 2011 г. № 274-П11.* Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жирнова Александра Вадимовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 6 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 1959-О.*

3. *Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 декабря 2018 г. № 4-АПУ18-45.*

4. *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подогова Алексея Федоровича на нарушение его конституционных прав статьей 17 Уголовного кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с пунктом 14.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» : определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2023 г. № 2674-О.*

5. *Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 февраля 2022 г. № 77-945/2022.*

6. *Приговор Устиновского районного суда г. Ижевска (Удмуртская Республика) № 1-227/2018 1-9/2019 от 17 июня 2019 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 30.03.2023).*

Т. В. Ерохина

Некоторые вопросы реализации конституционных гарантий в сфере оплаты труда

Основной закон Российского государства предусматривает ряд базовых гарантий в сфере оплаты труда. К таковым, прежде всего, следует отнести право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (ч. 3 ст. 37 Конституции РФ), а также гарантированность минимального размера оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации (ч. 5 ст. 75 Конституции РФ). Примечательно, что последняя гарантия появилась в тексте Конституции РФ в 2020 г. в результате принятых поправок от 14 марта 2020 г. [1].

Развивая и детализируя конституционные положения о правах граждан на вознаграждение за труд, трудовое законодательство располагает

целой системой нормативно установленных гарантий по оплате труда, в числе которых особое место отводится минимальному размеру оплаты труда (далее — МРОТ) (ст. 130 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ)) [2]. В настоящее время федеральный размер минимальной зарплаты взаимосвязан с величиной прожиточного минимума трудоспособной части населения страны и не может быть ниже ее уровня. Эти две важнейшие компоненты системы государственных гарантий по оплате труда могут быть однозначно признаны неотъемлемыми элементами современной государственной правовой политики в сфере труда, которые направлены на поддержание достойного уровня жизни населения. Учитывая особую социальную значимость обозначенной гарантии, ее закрепление на уровне высших законодательных актов представляется вполне оправданным и закономерным (ч. 5 ст. 75 Конституции РФ, ст. 133 ТК РФ).

Вместе с тем приходится признать, что предусмотренная ст. 133 ТК РФ гарантия об установлении МРОТ на уровне не ниже величины прожиточного минимума обеспечивалась не всегда, а точнее, не обеспечивалась вовсе на протяжении почти 20 лет. Несмотря на то, что рассматриваемая гарантия стала новеллой обновленной в 2020 г. Конституции РФ, для ТК РФ она таковой не является. Часть 1 ст. 133 ТК РФ, предписывающая устанавливать МРОТ не ниже величины прожиточного минимума, была предусмотрена еще в первоначальной редакции ТК РФ и до настоящего времени в смысловом и содержательном аспекте осталась неизменной. Поэтому логичным было бы не сомневаться в ее применении.

Однако анализ рассматриваемых показателей последних лет обнаруживает весьма печальные результаты в части соблюдения требования об установлении величины МРОТ с превышением размера прожиточного минимума. С первого дня вступления в силу основного отраслевого закона в сфере труда ч. 1 ст. 133 ТК РФ не применялась. Положительная динамика по данному вопросу наметилась лишь в 2020 г. В подтверждение этому приведем данные по размерам минимального размера оплаты труда и величины прожиточного минимума за последние 10 лет (табл.) [3; 4].

В чем причина столь длительного отставания МРОТ от величины прожиточного минимума? Выходит, что норма закона есть, а ее выполнения нет. Дело в том, что переходными положениями ТК РФ было предусмотрено поэтапное повышение МРОТ до уровня прожиточного минимума. При этом предполагалось, что сроки и порядок такого повышения будут установлены федеральным законом (ст. 421 ТК РФ). Однако соответствующий закон не был принят. Следовательно, ч. 1 ст. 133 ТК РФ до настоящего времени не введена в действие.

**Таблица. Сумма минимального размера оплаты труда
и величина прожиточного минимума для трудоспособного населения
в целом по Российской Федерации за 2013–2023 гг.**

Срок, с которого установлен	Сумма МРОТ (руб. в месяц)	Величина прожиточного минимума для трудоспособного населения в целом по Российской Федерации (в руб.)
с 1 января 2013 г.	5205	7633
с 1 января 2014 г.	5554	8283
с 1 января 2015 г.	5965	10404
с 1 января 2016 г.	6204	10524
с 1 января 2017 г.	7800	10701
с 1 января 2018 г.	9489	10842
с 1 января 2019 г.	11280	11653
с 1 января 2020 г.	12130	11731
с 1 января 2021 г.	12792	12702
с 1 января 2022 г.	13890	13793
с 1 января 2023 г.	16242	15669

Обеспокоенность подобной ситуацией стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. В своей жалобе гражданин пытался оспорить конституционность ст. 421 ТК РФ, полагая, что установление размера минимального вознаграждения за труд с превышением показателя прожиточного минимума не должно зависеть от принятия специального закона и может быть осуществлено на основании ст. ст. 7 и 15 Основного закона. Однако высший орган конституционного контроля не подверг правовой оценке позицию законодателя, устанавливающего МРОТ ниже прожиточного минимума, указав, что «вопрос о том, на каком уровне должен быть установлен минимальный размер оплаты труда, в Конституции Российской Федерации не решается — это компетенция федерального законодателя» [5].

Нынешняя ситуация с фактическим соотношением МРОТ и прожиточного минимума существенно изменилась в положительную сторону. Влияние на это оказали, прежде всего, поправки в Конституцию 2020 г., которые придали рассматриваемой гарантии статус конституционной (ст. 75 Конституции РФ). Кроме того, в конце 2020 г. была принята новая методика исчисления МРОТ, согласно которой расчет этого показателя осуществляется исходя из величины медианной заработной платы за предыдущий год [6].

В результате долгожданная государственная гарантия в сфере оплаты труда получила реальное воплощение. Теперь применение ч. 1 ст. 133 ТК РФ не зависит от принятия специального закона, а ее реализация обеспечивается нормами Конституции РФ.

Таким образом, Конституция РФ очередной раз подтвердила свою исключительную значимость в обеспечении прав граждан, сумев однозначно разрешить многолетнюю правовую неопределенность по вопросу применения ч. 1 ст. 133 ТК РФ.

Вместе с тем отметим, что устранение проблемы с величиной МРОТ не способно обеспечить другую государственную гарантию в сфере оплаты труда — выплату справедливой заработной платы, представляющей достойное человека существование для него самого и его семьи (абзац 7 ст. 2 ТК РФ). Названная гарантия является продолжением конституционной нормы, предписывающей России как социальному государству создавать условия, обеспечивающие достойную жизнь своим гражданам (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ). Отсюда возникает закономерный вопрос: соотносится ли сумма МРОТ с возможностью достойного существования работника и его семьи? Приведенные в таблице данные показывают весьма несущественную разницу между базовыми показателями (от 90 до 573 руб.), от которых зависит размер заработной платы и, как следствие, достойный уровень жизни человека. Соответственно, положительного ответа на поставленный вопрос дать нельзя. Получается, что формально проблема непревышения МРОТ величины прожиточного минимума решена. При этом вопрос установления размера минимальной оплаты труда на уровне, при котором обеспечение достойного человека существования станет возможным, остается открытым.

В связи с этим стоит обратить внимание субъектов законотворчества на необходимость изменения ныне формального характера достигнутого превышения МРОТ над прожиточным минимумом, придав ему реальные черты путем существенного возрастания размера минимального вознаграждения за труд. Тем самым право работающего человека достойно существовать на зарплату станет вполне жизнеспособным.

Список источников

1. *О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти* : Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Трудовой кодекс Российской Федерации* от 30 декабря 2001 № 197-ФЗ.

3. *Справочная информация: «Минимальный размер оплаты труда в Российской Федерации».*

4. *Справочная информация: «Величина прожиточного минимума в Российской Федерации».*

5. *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смердова Сергея Дмитриевича на нарушение его конституционных прав статьей 421 Трудового кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2003 № 195-О (документ опубликован не был).*

6. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации Федеральный : федеральный закон от 29 декабря 2020 г. № 473-ФЗ.*

Е. С. Квасников

Значение конституционного права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности (ч. 3 ст. 37 Конституции РФ)

Закрепление в Конституции Российской Федерации права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности, придает ему особую значимость. Необеспечение безопасности труда может быть причиной негативных для государства последствий.

Во-первых, для стабильности или укрепления экономики приоритетными направлениями в политике представляются рост производительности, бесперебойные рабочий и производственный процессы [1, с. 39]. Неблагоприятные условия труда и высокий уровень производственного травматизма могут привести к экономическим потерям государства, выражающимся в снижении производительности, расходам на медицинское обеспечение, уменьшении рабочей силы и т. д. Все это негативно сказывается на экономической стабильности государства.

Во-вторых, несоблюдение установленных стандартов безопасности труда может стать причиной снижения уровня социального настроения населения. История показывает, что с увеличением масштаба производства осознание трудящимися своей ценности как работников прогрессирует. Еще в период средневековья для защиты собственных интересов подмастерья создавали организации, напоминающие современные профсоюзы: братства, компаньонажи, целью которых выступали борьба с мастерами и взаимопомощь [2, с. 84].

В настоящее время возник целый механизм охраны труда, состоящий из нормативного закрепления обязанностей выполнения требований

охраны труда, образования субъектов, подразделений и служб, осуществляющих контроль за соблюдением данных требований, установления ответственности за их нарушение и др. Неудовлетворение потребностей общества, как правило, приводит к протестам, забастовкам и в целом к социальной нестабильности, подрыву доверия граждан, их усомнению в легитимности государственной власти.

В-третьих, несоблюдение норм по охране труда, тем более международных [3; 4], может сказаться на репутации государства и его положении на мировой арене, вызвать международные споры или конфликты, ухудшить международные отношения.

Человеческий фактор в обеспечении соблюдения требований охраны труда играет решающую роль, поскольку для обеспечения безопасности недостаточно организационно-технических мер. На производстве имеется множество источников повышенной опасности. Учитывая то, что они полностью не подконтрольны человеку, поведение и действия лиц, ответственных за охрану труда на производстве, безусловно, являются важными.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в ходе заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 15 декабря 2022 г. определил в числе других ключевых задач на 2023 г. задачи по укреплению технологического суверенитета России и опережающему росту обрабатывающей промышленности. Президент отметил, что от их выполнения зависит развитие экономики страны и ее ключевых отраслей. В. В. Путин также поручил обеспечить опережающий рост обрабатывающей промышленности, в сжатые сроки нарастить мощности, создать новые производственные линии и подготовить квалифицированные кадры.

В то же время Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, наряду с задачей по повышению производительности труда определяет задачи по снижению смертности и уровня инвалидизации населения, профилактике профессиональных заболеваний. Все они взаимосвязаны, так как от обеспечения безопасности труда специалистов зависит их трудовая деятельность, а следовательно, и непрерывность производственных процессов. От выполнения таких задач зависит развитие экономики страны в целом.

В настоящее время особенно остро стоит вопрос об обороноспособности государства, обеспечивающей непоколебимость его суверенитета. Между тем при осуществлении работ на объектах оборонно-промышленного комплекса допускается масса нарушений требований

безопасности труда. Так, с 2018 по 2022 гг. на данных объектах произошло 16 аварий, 31 человек погиб. Таким последствиям сопутствовали многократные нарушения требований безопасности труда. В их числе можно назвать фактор увеличения объемов выпуска оборонной продукции (в рамках задач гособоронзаказа), который влечет за собой увеличение рисков, связанных с безопасной эксплуатацией изношенного оборудования, зданий и сооружений, включая недостаток квалифицированных кадров и вовлечение в активный производственный цикл приостановленных и законсервированных производственных мощностей, не всегда находящихся в надлежащем техническом состоянии [5].

В результате аварий увеличиваются риски не только для жизни и здоровья работников, но и для неопределенного круга лиц.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что нарушений требований безопасности в трудовой деятельности допускается огромное количество. По сведениям Главного информационно-аналитического центра МВД России, за 2017–2022 гг. их выявлено более полумиллиона; число направленных в правоохранительные органы материалов в связи с несчастными случаями на производстве (ст. 143 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) «Нарушение требований охраны труда») превышает 37 000, однако адекватная ответственность за такие нарушения наступает не всегда. Количество возбужденных уголовных дел по ст. 143 УК РФ составило 4782, число направленных в суд уголовных дел не превышает 1008, а количество осужденных лиц — 679; за период с 2016 по 2020 гг. по делам об административных правонарушениях возбуждено 1803 производства (ст. 5.27.1 КоАП РФ «Нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации»). Мягкость предусмотренных законом санкций способствует сокрытию допущенных нарушений, так как размер наказания за сокрытие несчастного случая (ст. 15.34 КоАП РФ) значительно ниже, чем размер наказаний, закрепленных в санкциях соответствующих уголовно-правовых и административно-правовых норм, предусматривающих ответственность за нарушение требований охраны труда.

Несоблюдение данных требований не только подрывает фундаментальные принципы безопасности, но и представляет серьезную угрозу для жизни и здоровья трудящихся и национальной безопасности в целом.

Таким образом, современный уровень безопасности труда недостаточен. Для обеспечения стабильности в государстве необходим подъем данного уровня путем исключения из соответствующей сферы влияния

негативных экономических, социальных и политических факторов и реального повышения квалификации кадрового персонала; ужесточения предусмотренных законом санкций за сокрытие допущенных нарушений; повышения уровня карательного воздействия на лиц, совершающих преступления и правонарушения в сфере охраны труда.

Список источников

1. Соколов А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 — середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 4. М., 2000.

2. Кулик С. П., Тиханович Н. У. История философии : учеб. пособие. Витебск, 2009.

3. Об экономических, социальных и культурных правах : международный пакт Генеральной Ассамблеей ООН от 16 декабря 1966 г. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О безопасности и гигиене труда и производственной среде : конвенция международной организации труда от 3 июня 1981 г. № 155.

5. Доклады о правоприменительной практике контрольно-надзорной деятельности в Федеральной службе по экологическому, технологическому и атомному надзору при осуществлении федерального государственного надзора в области промышленной безопасности за 2018–2022 гг. URL: <https://www.gosnadzor.ru/public/law%20enforcement/62> (дата обращения: 17.10.2023).

В. Ф. Луговик

Конституционный принцип соразмерности и принуждение в оперативно-розыскной деятельности

Аристотель в работе «Никомахова этика» писал, что справедливое является разновидностью соразмерного, поскольку соразмерность является равенством показателей. Соразмерность связана с поиском меры, гармонии во всех сферах жизнедеятельности. Такие парные этические и правовые категории, как гуманизм и жестокость, смелость и безрассудство, строгость и снисхождение и др., всегда побуждали искать золотую середину, иными словами, меру.

В юридических научных источниках о соразмерности упоминается, как правило, при обсуждении пределов ограничения прав и свобод чело-

века и гражданина. Невзирая на то, что в Конституции Российской Федерации этот термин не употребляется, его понимание связывается с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, которая гласит, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Иначе говоря, конституционный смысл соразмерности — это мера необходимого и возможного ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях благополучия социума.

В науке существует устоявшееся суждение, что ограничение прав и свобод человека, а значит принуждение, возможно только в рамках юрисдикционной деятельности. Отметим, что с самых общих позиций под юрисдикционной деятельностью понимается деятельность по рассмотрению и разрешению дел по существу (административных, уголовных, гражданско-правовых и др.). Опираясь на это, некоторые авторы вообще отрицают возможность какого-либо принуждения в оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД). Так, В. И. Зажицкий полагает, что должностные лица, осуществляющие ОРД, не наделены полномочиями оценивать чьи-либо деяния как «правомерные или неправомерные, квалифицировать их в соответствии с нормами Уголовного кодекса РФ и на этом основании применять меры государственного принуждения. Следовательно, оперативно-розыскная деятельность не является юрисдикционной», и далее делает вывод, что ОРД не связана с применением мер государственного принуждения и ее нельзя вносить в рамки правоотношений [1, с. 52].

К сожалению, существующая правовая доктрина юрисдикционной деятельности не дает ответа на вопрос: а может ли принуждение осуществляться вне рамок этой деятельности? Полагаем, что правовое принуждение нельзя связывать исключительно с прямой юрисдикционной деятельностью, касающейся вынесения итоговых решений по делу. При таком подходе вне правовой сферы остается большой объем работы по обеспечению юрисдикционного производства. В связи с этим предпочтительной представляется точка зрения, что для правовой науки наиболее значимым будет рассмотрение юрисдикции через деятельность уполномоченных органов по разрешению вопросов в сфере применения права [2, с. 143], а как известно, права без принуждения не бывает.

Существование оперативно-розыскного права не вызывает сомнения, соответственно, имеется и одноименная сфера правопримене-

ния, которая без принуждения просто невозможна. Суть оперативно-розыскного принуждения как вида государственного принуждения сводится не только к применению силы, физического воздействия, задержанию и др., но и в целом к ограничению прав человека и гражданина в определенной сфере. Это принципиальное замечание расширяет представление об оперативно-розыском принуждении, которое, во-первых, имеет нормативную регламентацию, а во-вторых, всегда ограничивает права человека.

Соразмерность, по нашему мнению, предполагает учет ранее отмеченного обстоятельства принудительного характера права. В правовом регулировании ОРД это должно проявляться в регламентации процедуры проведения оперативно-розыскных мероприятий с элементами принуждения. Например, невозможно провести оперативный эксперимент в отношении взяточполучателя без личного досмотра, осмотра помещения, изъятия предмета взятки и последующего задержания (захвата, доставления) подозреваемого.

Конституционный Суд Российской Федерации еще в 2003 г. признал законной практику принудительного гласного проникновения в жилище и его обследования для обнаружения и задержания преступника на основе норм Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) по судебному решению [3]. В некоторых из них отмечается, что Конституция Российской Федерации допускает в конституционно значимых целях возможность соразмерного ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина. Ряд ограничений такого рода предусматривается Законом об ОРД, гласящим, что в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств обязанность выявлять, предупреждать, пресекать и раскрывать преступления, а также выявлять и устанавливать лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, возлагается на органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (ст. 2) [4–6]. Но в то же время Конституционный Суд РФ не единожды обращал внимание, что Закон об ОРД не регламентирует процедуры задержания, личного досмотра, обыска и осмотра места происшествия, которые должны осуществляться при производстве по делам об административных правонарушениях или уголовного судопроизводства [7–13].

Как же оценить такую правовую позицию: это констатация факта отсутствия в законе должных норм или установка на применение правовых

суррогатов? Деликтная непоследовательность в правовых суждениях затрудняет правоприменение, а в итоге сотрудники оперативных подразделений вынуждены приспосабливать уголовно-процессуальные или административные процедуры под решение задач ОРД.

Полагаем, что принципу соразмерности правового регулирования будет способствовать регламентация в оперативно-розыском законе следующих мер обеспечения оперативно-розыского производства: 1) доставление; 2) задержание; 3) личный досмотр; 4) изъятие; 5) приведение в негодность или уничтожение документов, предметов, материалов, веществ; 6) ограничение использования сетей связи и средств связи; 7) приостановление услуг связи.

Список источников

1. *Зажицкий В. И.* О проекте Оперативно-розыскного кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2016. № 3.

2. *Конова Ф. Р.* Влияние доктрины на трансформацию понятия «компетенция суда» в контексте реформирования цивилистического процессуального законодательства // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1.

3. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Чумакова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статей 123 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 18 декабря 2003 г. № 498-О. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Трифоновой Валентины Степановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 6 и пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2004 г. № 304-О.

5. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Верещагина Андрея Аркадьевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2005 г. № 198-О.

6. *По жалобе* гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального за-

кона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 327-О.

7. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михайляна Сурена Михайловича на нарушение его конституционных прав статьями 5 и пунктом 4 статьи 10 Закона Российской Федерации «О милиции», а также статьями 2 и пунктом 7 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2008 г. № 312-О-О.

8. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Суручану Николая Власовича на нарушение его конституционных прав статьями 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статьями 38, 109, частью второй статьи 240 и частью второй «Досудебное производство» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2010 г. № 531-О-О.

9. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яшкина Сергея Геннадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации «О милиции», статьями 3, 6 и 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2010 г. № 532-О-О.

10. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шибакина Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации «О милиции», статьями 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и частью второй «Досудебное производство» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2010 г. № 533-О-О.

11. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Колобанова Алексея Викторовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2010 г. № 1043-О-О.

12. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Глазовой Жанны Владимировны на нарушение ее конституционных прав рядом положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2010 г. № 1210-О-О.

13. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гурьянова Артема Владимировича на нарушение его конституционных

прав Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1182-О.

А. Б. Соколов, Е. Б. Абдулина

**Ошибки в понимании конституционного права
не свидетельствовать против самого себя
(на примере получения образцов
для сравнительного исследования)**

Проблемы понимания и толкование конституционных прав граждан, возможность и процедура их ограничения в уголовном судопроизводстве не раз становились предметом исследования ученых. Многочисленные публикации, судебные решения, а также правовые позиции высших судебных органов России подчеркивают злободневность затронутой темы. Особо отметим наличие в практике заведомо недобросовестного, порой неоправданно широкого толкования пределов действия конституционного права не свидетельствовать против самого себя, закрепленного в ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации. Подобная ситуация, как показали результаты проведенного исследования, складывается при получении образцов для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого в досудебном производстве.

В соответствии с ч. 1 ст. 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) следователь вправе получить от подозреваемого, обвиняемого образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования, в том числе до возбуждения уголовного дела. При этом законодатель определил, как нельзя получать образцы (с применением методов, опасных для жизни и здоровья человека или унижающих его честь и достоинство (ч. 2 ст. 202 УПК РФ)); не предусмотрел возможный способ действий следователя при отказе подозреваемого, обвиняемого предоставить образцы для сравнительного исследования, в том числе со ссылкой на реализацию ими конституционного права не свидетельствовать против самого себя (ч. 1 ст. 51 Конституции РФ).

Сторона защиты весьма активно пользуется неурегулированностью данного вопроса, обращая внимание на отсутствие прямого указания о возможности получения образцов для сравнительного исследования принудительно, что ведет к нарушению соответствующего конституционного права. Так, сторона защиты обращается к положениям п. 2 ч. 4 ст. 46, п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ и ч. 1 ст. 51 Конституции РФ, где закреплены права

подозреваемого (давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний) и обвиняемого (возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний), а также право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников. При этом защитники указывают, что принудительное получение образцов для сравнительного исследования нарушает именно право подозреваемого, обвиняемого на отказ от дачи показаний, а также право не свидетельствовать против себя самого [1, с. 54].

Контраргументы такой позиции можно найти в решениях Конституционного Суда РФ. Например, в определении от 29 сентября 2022 г. № 2183-О Конституционный Суд РФ отметил, что гарантированное ч. 1 ст. 51 Конституции РФ право не свидетельствовать против себя самого предполагает, что лицо может отказаться от дачи показаний и от представления правоохранительным органам других доказательств, подтверждающих его виновность в совершении правонарушения [2]. Вместе с тем данное конституционное право не исключает возможности проведения различных процессуальных действий, а также использования документов, предметов одежды, образцов биологических тканей и прочего в целях получения доказательств при условии соблюдения установленной законом процедуры осуществления соответствующих действий, последующей судебной проверки и оценки полученных доказательств [3–5]. Получение образцов для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого — это действие, при проведении которого лицо не понуждается к свидетельствованию против самого себя по смыслу ст. 51 Конституции РФ, не делает заявлений о своей виновности и не представляет каких-либо доказательств [6–13].

С учетом сказанного весьма интересными представляются результаты исследования, проведенного И. А. Цховребовой, согласно которым голоса 319 респондентов (среди них 180 судей, представляющих 15 верховных судов республик, 10 областных и 20 районных судов; 115 следователей органов внутренних дел; 24 ученых (кандидаты и доктора юридических наук)) распределились следующим образом: 27% опрошенных ответили отрицательно на вопрос о допустимости применения физического принуждения к участникам процесса при производстве процессуальных действий в случае их отказа от выполнения законных требований уполномоченных должностных лиц, ссылаясь при этом на конституционные права личности; 16% опрошенных допускают такую возможность только в отношении подозреваемых и обвиняемых;

52% респондентов указали на необходимость должной законодательной регламентации допустимости применения физического принуждения к участникам процесса; 6% считают, что УПК РФ в достаточной мере регламентирует возможность применения физического принуждения к участникам процесса [14, с. 25].

Несмотря на то что указанные результаты исследования были опубликованы в 2015 г., до сих пор прослеживается осторожность правоприменителя в принятии процессуальных решений, когда разрешаемый вопрос находится вне прямой законодательной регламентации. Данный тезис не теряет своей актуальности относительно применения принуждения при получении образцов для сравнительного исследования от подозреваемого, обвиняемого, несмотря на публичный характер уголовного судопроизводства, что обуславливает возможность осуществления процессуальных действий вопреки возражениям и желаниям соответствующих участников. Оптимальным способом разрешения исследуемой проблемы является закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве возможности принудительного получения образцов при условии обоснованности и соразмерности ограничения конституционных прав личности.

Список источников

1. Соколов А. Б. Получение образцов для сравнительного исследования // Уголовный процесс. 2016. № 12.

2. *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куртымова Константина Игоревича на нарушение его конституционных прав статьей 8, частью второй статьи 25, частью третьей статьи 30 и пунктом «г» части четвертой статьи 228¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, частью десятой статьи 166, частью первой статьи 170 и статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2022 г. № 2183-О. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 46 и пункта 3 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2004 г. № 448-О.

4. *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мущарапова Константина Геннадьевича на нарушение его конституционных*

прав статьёй 12.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2007 г. № 594-О-П.

5. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ахтареева Эдуарда Ильшатовича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 12.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2012 г. № 673-О.

6. *По жалобе* граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О.

7. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клещ Елены Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 75 и статьёй 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25 ноября 2010 г. № 1487-О-О.

8. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы граждан Лункина Вячеслава Владимировича и Лункина Виталия Владимировича на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», пунктом 4 части второй статьи 38, частью первой статьи 86 и статьёй 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 г. № 167-О-О.

9. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тененбаума Алексея Константиновича на нарушение его конституционных прав статьёй 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2014 г. № 286-О.

10. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Урванцевой Веры Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 86, 87 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 2, 6 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2017 г. № 2211-О.

11. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воронцова Павла Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2020 г. № 320-О.

12. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павелкина Виталия Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2020 г. № 1055-О.

13. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куртымова Константина Игоревича на нарушение его конституционных прав статьей 8, частью второй статьи 25, частью третьей статьи 30 и пунктом «г» части четвертой статьи 228¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, частью десятой статьи 166, частью первой статьи 170 и статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2022 г. № 2183-О.

14. *Цховребова И. А.* Отказ от участия в следственном действии: конституционное право или неисполнение процессуальной обязанности? // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 3.

Е. И. Сотникова

Конституционно-правовые основы государственной политики в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в Республике Таджикистан

Важнейшим элементом системы государственной политики в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в Республике Таджикистан (далее — РТ) является наличие развитого межотраслевого законодательства, непосредственным образом затрагивающего права и законные интересы детей.

Одним из неотъемлемых регуляторов общественных отношений выступают «государственно-властные нормативные предписания, веления, конституируемые и объективируемые в законах, иных нормативных правовых актах» [1, с. 31]. Документом, обладающим высшей законодательной силой в Республике Таджикистан, выступает Конституция от 6 ноября 1994 г., в ст. 34 которой закреплено, что родители ответственны за воспитание и обучение детей, государство заботится о защите детей-сирот, их воспитании и образовании.

Важную роль играют общепризнанные принципы и нормы международного права: Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.), Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершенно-

летних («Пекинские правила», приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г.), Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних («Эр-Риядские Руководящие принципы», приняты на 68 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1990 г. резолюцией 45/112).

В Конвенции ООН о правах ребенка содержится следующее принципиальное положение: государства-участники уважают и обеспечивают все права, предусмотренные настоящей Конвенцией; за каждым ребенком, находящимся в пределах их юрисдикции, без какой-либо дискриминации, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального, этнического или социального происхождения, имущественного положения, состояния здоровья и рождения ребенка, его родителей или законных опекунов или каких-либо иных обстоятельств.

Значимое место в правовой системе Таджикистана занимают правовые акты, принятые Межпарламентской Ассамблеей государств — участников Содружества Независимых Государств. К ним в частности относятся: Модельный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в государстве» (принят на четырнадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ постановлением от 16 октября 1999 г. № 14-9), Модельный закон «Об ответственности участников образовательного процесса» (принят на тридцать восьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ постановлением № 38-8 от 23 ноября 2012 г.), постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 16 апреля 2021 г. № 52-4 «О модельном законе „Об обеспечении прав детей на охрану здоровья в государствах — участниках СНГ“», постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 28 октября 2022 г. № 54-19 «О Рекомендациях по организации просветительской работы с родителями и деятельности родительских сообществ».

На территории Таджикистана на республиканском уровне в исследуемой сфере в настоящее время также действуют следующие нормативные правовые акты:

1. Законы Республики Таджикистан: Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574; Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 г. № 682-ФЗ; Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях (принят Законом Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 г. № 455); Процессуальный ко-

декс об административных правонарушениях Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. № 975; от 17 мая 2004 г. № 41 «О милиции»; от 2 августа 2011 г. № 762 «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей»; от 19 марта 2013 г. № 954 «О предупреждении насилия в семье»; от 22 июля 2013 г. № 1004 «Об образовании»; от 18 марта 2015 г. № 1196 «О защите прав ребенка»; от 2 января 2020 г. № 1658 «О системе предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних; от 24 декабря 2022 г. № 1920 «О патриотическом воспитании граждан» и др.

2. Постановления Правительства Республики Таджикистан: от 3 мая 2014 г. № 294 «О Государственной программе по предупреждению насилия в семье в Республике Таджикистан на 2014–2023 годы»; от 30 декабря 2015 г. № 801 «О Концепции развития семьи в Республике Таджикистан»; от 6 октября 2016 г. № 419 «О Порядке выявления и учета детей, оставшихся без попечения родителей»; от 25 января 2017 г. № 30 «О Положении об органах опеки и попечительства»; от 27 ноября 2019 г. № 599 «О Программе правового обучения и воспитания граждан Республики Таджикистан на 2020–2030 годы»; от 27 августа 2020 г. № 459 «О Порядке водворения и сроке пребывания в приемнике-распределителе для несовершеннолетних»; от 30 апреля 2021 г. № 166 «О Стратегии государственной молодежной политики в Республике Таджикистан на период до 2030 года»; от 26 августа 2022 г. № 417 «Об Инструкции механизма сбора статистических данных относительно детей-правонарушителей и детей, являющихся свидетелями или потерпевшими от преступлений и насилия»; от 29 декабря 2022 г. № 629 «О Государственной программе воспитания патриотизма, чувства гражданской ответственности и укрепления национальной идентичности молодежи Таджикистана на 2023–2027 годы» и др.

Президент Республики Таджикистан Лидер нации, уважаемый Эмомали Рахмон, выступая по случаю празднования Дня знаний, отметил: «Для сохранения общества страны от воздействия негативных явлений современного мира, в том числе чуждой культуры и духовности, необходимой задачей является воспитание подрастающего и молодого поколения в духе самопознания и патриотизма, патриотической гордости, уважения родного языка, культурных традиций, обычаев, национальной одежды, а также повышение их правовой и политической культуры во имя обеспечения верховенства закона, безопасности и стабильности» [2].

Государственная политика в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в Республике Таджикистан — это, прежде все-

го, противодействие негативным установкам, насаждаемым псевдолиберальными и бездуховными идеологиями современного Запада, целью которых является формирование культуры потребления и разрушение традиционной семьи — главной ячейки здорового общества.

Список источников

1. *Алексеев С. С.* Право и правовая система // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 1.

2. *Выступление* Президента Республики Таджикистан Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона в День знаний. URL: <http://president.tj/ru/node/31421> (дата обращения: 01.09.2023).

С. Н. Шарипов

Конституционные основы законности в административной деятельности милиции Республики Таджикистан

Основатель мира и национального единства Лидер нации Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон отметил, что милиция внесла исторический вклад в восстановление конституционной власти, обеспечение стабильности и установление мира, спокойных условий жизни народа, охрану правопорядка и борьбу с преступностью в трудные годы новейшей истории таджикского народа. Лидер нации с удовлетворением отметил, что сотрудники этого авторитетного правоохранительного органа с высоким чувством ответственности, патриотизма с самого начала достижения независимости и свободы с гордостью выполняют эту важную миссию по защите государства и нации, т. е. свой священный долг [1].

Согласно статье 1 Конституции Республика Таджикистан — суверенное, демократическое, правовое, светское унитарное государство [2]. Являясь социальным государством, Таджикистан создает условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека. При этом президентская форма правления в Республике, территориальная целостность, демократическая, правовая, светская и социальная сущность государства неизменны.

Конституция не оперирует термином «законность», тем более прямо не называет законность принципом, но определяет основные юридические «параметры» данного понятия в ст. 10. В частности, в ней говорится,

что Конституция Таджикистана обладает юридической силой, ее нормы имеют прямое действие. Законы и другие правовые акты, противоречащие Конституции, не имеют юридической силы. Указанные императивы придают новое качество всему таджикскому законодательству, гарантируя его соответствие требованиям современного цивилизованного правового государства.

Установлено, что государство и все его органы, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать и исполнять Конституцию и законы Республики. Таким образом, презюмируется широкий подход к понятию законности, в соответствии с которым обязательность соблюдения законов возложена не только на органы публичной власти и должностных лиц, но и на граждан, общественные и иные организации.

В статье 4 Закон Республики Таджикистан от 17 мая 2004 г. № 41 «О милиции» (далее — Закон РТ о милиции) [3] ставит законность первым среди девяти принципов деятельности милиции. Рассмотрим некоторые особенности его реализации в административной деятельности таджикской милиции.

К ее основным видам относятся: охрана общественного порядка; производство по делам об административных правонарушениях; административно-правовая профилактика правонарушений; предупреждение насилия в семье; охрана имущества на основе договоров; осуществление разрешительной работы; охрана, содержание и конвоирование подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений; обеспечение безопасности дорожного движения; реализация паспортно-регистрационной деятельности; иммиграционный контроль; паспортно-визовая работа.

Таким образом, можно увидеть, что административная деятельность милиции занимает одно из важнейших мест в административно-правовой охране общественного порядка и состоит в организации и практическом осуществлении наружной службы милицейских нарядов.

Участвуя в данной деятельности, сотрудники милиции выступают субъектом властных правоотношений; действуют в форменной одежде; имеют при себе табельное огнестрельное оружие и специальные средства; уполномочены применять силу; при выполнении своих обязанностей защищены законом. Учитывая многочисленность личного состава служб и подразделений милиции, осуществляющих административную деятельность, различный уровень подготовки и добросовестности сотрудников, множество выполняемых ими разнообразных сложных функций, широкие слои населения, с которыми им приходится повседневно

контактировать, нельзя не признать проблему обеспечения законности именно в административной деятельности милиции достаточно сложной. В то же время эффективное выполнение задач по охране общественного порядка, обеспечению общественной и личной безопасности граждан способствует укреплению режима законности в государстве.

Сравнивая Закон РТ о милиции с российским Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», нельзя не заметить, что в первом отсутствует отдельная статья, раскрывающая конституционный принцип законности применительно к деятельности таджикской милиции [4, 47–48]. Полагаем, что такую статью следует сконструировать, предусмотрев в ней обеспечение строгого контроля за законностью действий и решений должностных лиц милиции со стороны Министерства внутренних дел Республики Таджикистан.

Список источников

1. URL: <https://khovar.tj/rus/2023/11> (дата обращения: 04.12.2023).
2. Конституция Республики Таджикистан. URL: <https://mfa.tj/main/constituksiya> (дата обращения: 04.12.2023).
3. Закон Республики Таджикистан от 17 мая 2004 г. № 41 «О милиции». URL: https://www.adlia.tj/show_doc (дата обращения: 04.12.2023).
4. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018.

П. Р. Шарифзода

Насилие в семье как объект административно-деликтного и профилактического воздействия органов внутренних дел Республики Таджикистан

В период всеобщей глобализации с ростом экономического и социального развития человечества особую озабоченность вызывает проблема насилия в семье. Более того, оно представляет собой чрезвычайно опасное явление еще и потому, что наносит непоправимый вред психическому, физическому здоровью и приводит к заниженной самооценке личности, изменению жизненных позиций, многие становятся на преступный путь. На наш взгляд, применение насилия в отношении любого члена семьи имеет общественно опасные последствия, и не столько для самого насильника, сколько для его жертвы. Вопросам противодействия насилию в семье и правового регулирования в данной облас-

ти посвящены работы ряда исследователей [1, с. 311; 2, с. 62; 3, с. 10; 4, с. 35–36; 5, с. 42].

Опасность этого явления состоит в том, что в настоящее время насилие в семье может проявляться практически во всех слоях общества, оно перестало зависеть от расовых или культурных особенностей, социального статуса, моральных и этических норм, вероисповедания, материальной обеспеченности.

К сожалению, необходимо констатировать, что к категории наиболее частых нарушений прав человека в Таджикистане можно отнести и насилие в семье. Поэтому сейчас проблемы семьи, семейные отношения занимают особое место в современном таджикском обществе. Так, ст. 33 Конституции Республики Таджикистан (далее — Конституция РТ) от 6 ноября 1994 г. гласит, что «семья как основа общества находится под защитой государства. Каждый имеет право на создание семьи. Мужчины и женщины, достигшие брачного возраста, имеют право свободно вступать в брак. В семейных отношениях и при расторжении брака супруги равноправны. Многобрачие запрещается». Далее в ст. 34 Конституции РТ закреплено, что «мать и ребенок находятся под особой защитой и покровительством государства. Родители ответственны за воспитание и обучение детей, а совершеннолетние и трудоспособные дети ответственны за уход и социальное обеспечение своих родителей. Государство заботится о защите детей-сирот и инвалидов, об их воспитании и образовании».

Необходимо отметить, что формы контроля, касающиеся насилия в семье, можно подразделить на первичные, к ним относятся социальные и культурные нормы, обычаи, и вторичные, которые должны реализовываться с помощью социальных институтов и организаций, прежде всего органов внутренних дел (далее — ОВД), учреждений социальной защиты, здравоохранения, местных властей и т. д.

В связи с этим в Таджикистане был принят Закон от 19 марта 2013 г. № 954 «О предупреждении насилия в семье». Документ регламентирует правовые аспекты противодействия насилию в семье и содержит основные понятия, относящиеся к семье и семейным отношениям. Так, в соответствии с этим законом насилие в семье представляет собой умышленное противоправное деяние физического, психического, сексуального и экономического характера, совершенное в рамках семейных отношений одним членом семьи по отношению к другому члену семьи, которое становится причиной нарушения его прав и свобод, причинения физической боли или вреда его здоровью или угрозой причинения такого вреда.

Законом также определяются основные формы насилия в семье, такие как физическое, психическое, сексуальное, экономическое. Согласно этому закону на ОВД возложен один из самых сложных участков работы по профилактике и проведению разъяснительной деятельности среди населения.

Необходимо отметить, что существует несколько определений насилия в семье. Так, в Декларации об искоренении насилия в отношении женщин от 20 декабря 1993 г. говорится о насилии над женщинами, как о том или ином акте насильственного характера, совершенном на основании полового признака, который оказывает либо может оказать физический, половой или психологический вред или страдания женщинам, а также угрозы осуществления таких актов, лишение свободы, будь то в общественной или личной жизни [6].

Продолжая разговор о защите государством интересов семьи, необходимо упомянуть о Государственной программе предупреждения насилия в семье в Республике Таджикистан на 2014–2023 годы [7], во исполнение которой, а также исходя из требований Закона РТ «О предупреждении насилия в семье», по инициативе министра внутренних дел Республики Таджикистан генерал-полковника милиции Р. Х. Рахимзоды и при поддержке Программы ОБСЕ в Таджикистане была введена новая штатная единица «инспектор по профилактике насилия в семье» и открыты специальные кабинеты по профилактике насилия в семье и работе с населением в данном направлении. Однако до сих пор основная нагрузка по работе с проявлениями насилия в семье ложится на плечи участковых инспекторов милиции (далее — УИМ). В обязанности инспекторов по профилактике насилия в семье и УИМ входят следующие задачи: проведение профилактических мероприятий по предупреждению насилия в семье согласно нормам действующего законодательства; обеспечение защиты членов семьи, оказавшихся в условиях насилия, особенно детей, инвалидов и престарелых людей; неукоснительное выполнение норм закона о предупреждении насилия в семье и других требований национального и международного законодательства, касающихся насилия в семье; привлечение к административной и уголовной ответственности лиц, совершивших насилие в семье; выполнение иных мер по эффективной профилактике насилия в семье.

В отношении лиц, совершивших насилие в семье, сотрудники милиции возбуждают дела об административных правонарушениях по ст. ст. 931, 932 Кодекса об административных правонарушениях РТ. При этом постановление о возбуждении дела об административном

правонарушении выносит начальник или заместитель начальника ОВД по месту совершения административного правонарушения.

Согласно ст. 21 Закона РТ «О предупреждении насилия в семье» ОВД имеет право выносить защитное предписание, основанием для которого является обращение по факту совершения акта насилия в семье или угрозы его применения. Это предписание выносится начальником или заместителями начальника ОВД по месту совершения насилия в семье и выдается в течение 24 часов с момента совершения данного деяния либо с момента подачи заявления о факте совершения насилия в семье, либо угрозы его применения лицу, совершившему насилие в отношении члена семьи.

Однако все меры, принимаемые государством по снижению фактов насилия в семье, часто оказываются недостаточно эффективными в силу некоторых отличительных особенностей, связанных с историческим развитием Таджикистана, тонкостей восточного менталитета [8, с. 143–145]. Нередко жертвы насилия в семье не обращаются в государственные органы в силу того, что просто не знают, как с этим бороться и боятся рассказать о своей проблеме. Именно поэтому жертва мирится со своей участью, а насилие становится нормой.

По нашему мнению, к наиболее распространенным причинам насилия в семье относятся следующие: страх причинения еще более сильного вреда со стороны насильника; отсутствие психологической поддержки как со стороны родственников, так и со стороны государственных структур; незнание жертвами своих гарантированных государством прав; невладевание канонами религии, связанными с местом, ролью, значением и правами членов семьи.

Список источников

1. *Волосова Н. Ю.* Семейное (домашнее) насилие как проблема междисциплинарного характера // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 3А.
2. *Степанян Ш. У.* Криминогенные факторы в семье — катализатор женской преступности // Гражданин и право. 2008. № 8.
3. *Хайруллоев Ф. С., Шарифзода П., Виорелия Р.* Руководство для сотрудников правоохранительных органов по реализации Закона Республики Таджикистан «О предупреждении насилия в семье». Душанбе, 2019.
4. *Шарифзода П. Р.* Проблема понятия насилия в семье в юридической науке // Достижения вузовской науки — 2021 : сб. статей XX Международ. науч.-исслед. конкурса (10 октября 2021 г., г. Пенза). Пенза, 2021.

5. *Шарифзода П. Р.* Общая характеристика административно-правовой основы деятельности органов внутренних дел Республики Таджикистан в области профилактики насилия в семье // Национальная безопасность России: актуальные аспекты : сб. избр. статей всерос. науч.-практ. конф. (29 сентября 2021 г., г. Санкт-Петербург). СПб., 2021.

6. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения: 15.10.2023).

7. *Постановление* Правительства Республики Таджикистан от 3 мая 2014 г. № 294. URL: <http://ncz.tj> (дата обращения: 21.10.2023).

8. *Шарифзода П. Р.* Конституционно-правовые основы профилактики насилия в семье органами внутренних дел Республики Таджикистан // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. (8–9 декабря 2022 г., г. Омск) / пред. редкол. С. К. Буряков., 2023.

РАЗДЕЛ III. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

К. Б. Богдан

Некоторые проблемы применения цифровых технологий в российском избирательном процессе

Применение цифровых технологий нашло свое отражение в различных сферах жизни общества, в том числе и в избирательном процессе, от эффективности осуществления которого зависит благосостояние всего государства, содержание и реализация его внутренней и внешней политики. Вместе с тем, несмотря на положительную динамику развития электронных новшеств, существуют некоторые проблемы, препятствующие их более широкому и успешному использованию в избирательном процессе. Основываясь на анализе норм законодательства, правовых исследований в данной области [1, с. 7; 2, с. 104; 3, с. 47; 4, с. 111; 5, с. 44], опроса, проведенного автором среди представителей населения, обладающих активным избирательным правом, к ним можно отнести следующие.

1. Низкий уровень цифровой грамотности граждан Российской Федерации. Эта проблема в целом негативно сказывается на использовании цифровых технологий в образовании, здравоохранении, иных отраслях, а применительно к избирательному процессу тесно связана с недостаточным уровнем информирования о новых возможностях электронной демократии и порядке их применения. В настоящее время государством предприняты меры по организации просветительских мероприятий в этой области для подрастающего поколения в рамках внеурочных занятий «Разговоры о важном» [6], введенных в программы начального, основного, среднего общего и профессионального образования в 2022 г. Представляется, что и программы высшего образования нуждаются в подобном реформировании.

Для взрослого населения также проводятся обучающие и подготовительные мероприятия, например, прошедшая с 15 по 17 ноября 2023 г. общероссийская тренировка дистанционного электронного голосования (далее — ДЭГ) [7]. Однако в силу недостаточной степени информирования об этом мероприятии его нельзя назвать в полной мере эффективным. Полагаем, что было бы целесообразно обеспечить более широкое информирование о данных мероприятиях путем размещения сведений на баннерах муниципальных образований, направления информационных писем в организации, а также создания пунктов очного обучения электоральным технологиям с удобной формой записи на занятия для таких граждан (например, через средства телефонной связи, работодателей).

2. Психологические установки граждан, препятствующие активному применению цифровых технологий в избирательном процессе.

В ходе опроса было выявлено, что данная проблема связана с двумя основными факторами. С одной стороны, недоверием граждан к процедуре выборов в целом, зародившемся еще в 90-е гг. после повторного избрания в 1996 г. президентом Б. Н. Ельцина. С другой стороны, это связано с недоверием именно к технологиям, вызванным ростом цифровых преступлений.

На наш взгляд, следует активнее информировать граждан через различные средства массовой информации об успешном опыте применения технологий в избирательном процессе, их преимуществах и прозрачности. У консервативно настроенной части населения новшества не пользуются популярностью (платежные онлайн-сервисы, кассы самообслуживания), однако со временем при устранении указанных проблем они становятся частью их жизни.

3. Недостаточная правовая регламентация цифровизации избирательного процесса в Российской Федерации и спорность его соответствия основным принципам избирательного права.

Отсутствие в Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 67-ФЗ) определений и регламентации содержания цифровизации, технологий, применяемых в избирательном процессе в полном объеме (например, «Мобильный избиратель» и др.) на различных его стадиях, а не только при голосовании, затрудняет их понимание и реализацию. Кроме того, несмотря на цифровые реалии развития избирательного процесса, новые составы правонарушений (например, незаконный до-

ступ к электронному бюллетеню ДЭГ) и ответственность за них в законодательстве до сих пор не предусмотрены, что также является пробелом правового регулирования.

Реализация всех принципов избирательного права тоже весьма сомнительна, например, при рассмотрении участия в таких выборах сельских жителей, пожилых граждан, лиц с инвалидностью, особенно слепых и слепоглухих. Так, существующие нормы законодательства и рекомендации Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (далее — ЦИК РФ) в этой области практически не адаптированы в части порядка реализации избирательных прав инвалидами всех категорий в условиях цифровизации, что не характеризует выборы как всеобщие [8].

4. Технические сложности и недостатки при применении цифровых технологий в избирательном процессе.

Как справедливо подчеркивает Д. Л. Кутейников, сегодня отсутствует единая общегосударственная платформа, которая охватывала бы всех граждан Российской Федерации, независимо от места их пребывания или проживания [3, с. 49], что затрудняет более широкое применение технологий в избирательном процессе. Даже ДЭГ осуществляется на двух различных платформах: на федеральной и для жителей г. Москвы — на региональном портале Mos.ru.

Кроме того, традиционная форма выборов предоставляет больше возможностей для технического изменения своего решения. Так, в противовес установленному п. 16 ст. 64.1. Федерального закона № 67-ФЗ запрету изменения волеизъявления п. 9 ст. 64 указанного акта позволяет в случае допущенной ошибки сделать это. Соответственно, для создания равных условий голосования было бы целесообразно предусмотреть подобную адаптированную возможность и для цифровизированных выборов.

Возникают также технические вопросы и в связи с содержанием п. 8.3 постановления ЦИК РФ от 8 июня 2022 г. № 86/716-8 «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем», касающиеся учета данных об итогах ДЭГ. Указанные сведения, исходя из его содержания, включаются в сводную таблицу и вручную, что создает риск совершения ошибки либо фальсификации. Пункт 8.4 документа о недействительных результатах голосования, которые в нее не включаются, вызывает сомнение, поскольку не указан порядок признания их таковыми, за исключением критерия неясности волеизъявления. Однако это

может произойти и не по вине избирателя, а по причине технических сбоев, которые уже встречались в практике, что также характеризует пока недостаточный уровень цифровой готовности к более широкому применению технологий в данной области.

5. Культура и менталитет российских граждан, отличающиеся стремлением к социальному взаимодействию, участием в праздничных мероприятиях, сопутствующих проведению традиционных выборов.

По результатам опроса 163 респондентов тюменских организаций в возрасте от 18 до 57 лет (более 80%) отметили, что одной из важнейших мотиваций посещения избирательного участка для них стали общение и участие в лотерее и ярмарке. Безусловно, широта души, общинность, любовь к гуляниям и праздникам — общеизвестные черты русского характера. Представляется, что в целях применения рассматриваемых технологий необходимо восполнять развлекательный компонент, включая лотерею (ранее она использовалась, однако в рамках тренировки ДЭГ не указывалось, что такая функция будет доступна на выборах, что, на наш взгляд, является упущением), а также иные мероприятия, адаптированные к электронной форме.

Таким образом, на основании проведенного исследования были выделены и рассмотрены некоторые проблемы применения цифровых технологий в российском избирательном процессе. Представляется, что их комплексное решение могло бы способствовать обеспечению защиты и эффективной реализации избирательных прав граждан в условиях цифровой трансформации.

Список источников

1. Авдеев Д. А. Электронная демократия в России: миф или мистическая реальность // Уральский форум конституционалистов : мат-лы седьмого Уральского форума конституционалистов (Екатеринбург, 2022 г.). Екатеринбург, 2022. Вып. 7. Ч. 2.

2. Колюшин Е. И. Правовые проблемы электронизации (цифровизации) выборов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9.

3. Кутейников Д. Л. Особенности применения технологий распределенных реестров и цепочек блоков (блокчейн) в народных голосованиях // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9.

4. Матренина К. Ю. Становление электронного голосования на выборах в Российской Федерации и перспективы его развития (конституционно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2016.

5. Худoley М. Д. Цифровизация избирательного процесса в Российской Федерации // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 1(91).

6. URL: <https://razgovor.edsoo.ru/topic/57/> (дата обращения: 26.11.2023).

7. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/47870/> (дата обращения: 26.11.2023).

8. О Рекомендациях по обеспечению избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами, при проведении выборов в Российской Федерации : постановление ЦИК России от 29 июля 2020 г. № 262/1933-7. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

В. В. Новодон

Некоторые направления совершенствования административно-правового статуса сотрудника уголовного розыска

Правовой статус сотрудника уголовного розыска, административно-правовой статус сотрудника уголовного розыска — в недостаточной степени разработанные понятия в российском и зарубежном правоведении, представляющие собой научную, теоретическую и практическую проблему, связанную с определением понятия и содержания правового положения граждан РФ в области обеспечения национальной безопасности [1, с. 99; 2, с. 51], охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности [3, с. 388; 4, с. 61], учитывающую административно-правовые характеристики оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», и иных видов деятельности, реализуемых сотрудниками уголовного розыска в системе органов внутренних дел [5, с. 211; 6, с. 78].

Федеральные законы от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», несмотря на регламентацию основ административно-правового статуса сотрудников уголовного розыска, этот статус не конкретизируют. Поэтому для уяснения его сущности следует обратиться к нормативным правовым актам, которые непосредственно определяют правовое положение подразделений уголовного ро-

зыска в системе МВД России, закрепляют их задачи и функции: приказы МВД России от 11 июля 2011 г. № 823 «Об утверждении Положения о Главном управлении уголовного розыска Министерства внутренних дел Российской Федерации» (далее — приказ МВД России № 823), от 19 января 2018 г. № 25 «Об утверждении Типового положения о подразделении уголовного розыска территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне».

Например, приказом МВД России № 823 определено, что Главное управление уголовного розыска Министерства внутренних дел РФ (ГУУР МВД России, Главное управление) является самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата МВД России, обеспечивающим и осуществляющим в пределах своей компетенции функции министерства по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений общегосударственной направленности, розыска лиц, организации и осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Основными задачами ГУУР МВД России являются (раздел II приказа МВД России № 823): организация и участие в формировании основных направлений государственной политики по вопросам деятельности Главного управления; обеспечение совершенствования нормативно-правового регулирования по вопросам деятельности Главного управления; обеспечение взаимодействия подразделений МВД России с федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ по вопросам деятельности Главного управления; координация в установленном порядке деятельности территориальных органов МВД России и подразделений центрального аппарата МВД России по вопросам деятельности Главного управления; организационно-методическое обеспечение и оказание практической помощи территориальным органам МВД России и их структурным подразделениям по вопросам деятельности Главного управления.

В разделе III приказа МВД России № 823 определены основные функции и полномочия ГУУР МВД России. Их анализ показывает, что в целом они соответствуют решаемым ГУУР МВД России задачам. Однако к компетенции ГУУР МВД России отнесены и такие функции и полномочия, как осуществление оперативно-розыскной деятельности в полном объеме (10.18); организация и розыск лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия или суда, лиц, пропавших без вести (п. 10.33); полномочия по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию

преступлений общеуголовной направленности в пределах установленной компетенции и ряд других, которые при ближайшем рассмотрении не охватываются в полной мере тем кругом задач, который возложен на ГУУР МВД России. Все это может негативно сказаться на организации и осуществлении оперативно-служебной деятельности сотрудников уголовного розыска.

Следует поддержать научные исследования Г. Н. Василенко [7, с. 8], А. М. Субботина, Н. А. Трусова [8, с. 97], О. В. Субботиной [9, с. 712] и других авторов, рассматривающих оперативно-розыскную деятельность в тесной взаимосвязи с иными направлениями деятельности, осуществляемыми органами внутренних дел.

Понятно, что для сотрудников уголовного розыска применение административно-правовых мер не является чем-то очевидным, общепризнанным, что влечет практическое отсутствие научных исследований на данную тему. Однако из имеющегося нормативного материала, как законодательного, так и ведомственного, можно сделать вывод, что важнейшим направлением административно-правовой деятельности сотрудников уголовного розыска должно стать применение административно-правовых мер предупреждения преступности. Об этом уже говорилось в научной литературе [10, с. 24], однако в настоящий момент данный вопрос требует наполнения новым содержанием. Речь также должна идти об административно-правовом обеспечении розыска лиц (в пределах предоставленной компетенции, применения мер общей и частной профилактики, иных мер административного воздействия).

По мнению автора, разработка этих вопросов сделает административно-правовой статус сотрудника уголовного розыска правовым явлением в науке административного права, наполненным административно-правовым содержанием, что приведет к повышению эффективности деятельности МВД России.

Очень важен п. 10.42 приказа МВД России № 823, относящий к полномочиям ГУУР МВД России выявление, обобщение и распространение передового отечественного и зарубежного опыта по противодействию преступности, а также перспективных форм и методов наиболее эффективного применения сил и средств полиции в установленной области деятельности.

Таким образом, многообразие административно-правовых отношений, участниками которых являются сотрудники уголовного розыска, актуализирует исследование их административно-правового статуса.

Список источников

1. *Редкоус В. М.* К вопросу об обеспечении национальной безопасности как функции современного Российского государства // Право и государство: теория и практика. 2009. № 1(49).

2. *Правовое* обеспечение национальной безопасности. Тридцать лет законодательству о безопасности Российской Федерации : обзор всерос. науч.-практ. конф. / А. М. Воронов, И. Б. Кардашова, А. Ю. Винокуров и др. (г. Москва, 22 апреля 2022 г.) // Современное право. 2022. № 10.

3. *Редкоус В. М.* Основные направления административно-правовых исследований в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности (по материалам расширенного заседания коллегии МВД России 20 марта 2023 г.) // Актуальные вопросы применения норм административного права (Кореневские чтения) : сб. науч. тр. VII междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 31 марта 2023 г.) / сост. Г. Н. Василенко. М., 2023.

4. *Правовое* регулирование публичных финансовых отношений в современной России : кол. монография / М. Н. Кобзарь-Фролова, С. В. Запольский, Е. Л. Васянина и др. М., 2022.

5. *Галузо В. Н., Канафин Н. А., Редкоус В. М.* Доказывание в правосудии Российской Федерации : монография. 6-е изд., испр. и доп. М., 2022.

6. *Административно-правовые* отношения в отраслях экономики : кол. монография / М. Н. Кобзарь-Фролова, С. А. Агамагомедова, Н. Г. Андрианова и др. Воронеж, 2023.

7. *Василенко Г. Н.* Административно-правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

8. *Субботин А. М., Трусов Н. А.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в производстве по делам об административных правонарушениях: из опыта анализа судебной практики // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / пред. редкол. В. А. Гусев (г. Омск, 4 октября 2021 г.). Омск, 2022.

9. *Субботина О. В.* Коллизии законодательства об оперативно-розыскной деятельности // Юридическая техника. 2017. № 11.

10. *Лозбяков В. П., Овчинский С. С.* Административно-правовые меры предупреждения преступности. М., 1978.

А. Самадзода

Конституционно-правовые основы поступления на службу в органы внутренних дел Республики Таджикистан

Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. [1] является важнейшим нормативным правовым актом высшей юридической силы, на котором базируется правовая система Республики Таджикистан (далее — РТ), в том числе законодательство о государственной службе, службе в органах внутренних дел (далее — ОВД) [2]. Конституционные нормы лежат в основе правового регулирования поступления граждан РТ на службу в ОВД [3, с. 114; 4, с. 111; 5, с. 98; 6, с. 24]. Правовое регулирование поступления граждан на службу в органы внутренних дел и в Российской Федерации, и в Республике Таджикистан идет в канве конституционализации правовых систем обоих государств [7, с. 82–83; 8, с. 67].

Статья 1 Конституции РТ устанавливает, что Республика Таджикистан — суверенное, демократическое, правовое, светское и унитарное государство. Таджикистан — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Таким образом, вопросы правового регулирования прохождения службы в ОВД РТ государство решает самостоятельно, на демократической основе и при помощи демократических процедур, установленных законодательством.

Статья 5 Конституции РТ закрепляет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны. Права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством. Эти положения являются основополагающими и при формировании организационно-правовой основы поступления граждан на службу в ОВД РТ.

В статье 8 Конституции РТ говорится о том, что в Таджикистане общественная жизнь развивается на основе политического и идеологического плюрализма. Идеология какой-либо одной партии, общественного объединения, религиозной организации, движения или группы не может быть признана как государственная. Общественные объединения и политические партии создаются и действуют в рамках Конституции РТ и законов. Религиозные организации отделены от государства и не могут вмешиваться в государственные дела. Соз-

дание и деятельность общественных объединений и политических партий, пропагандирующих расовую, национальную, социальную и религиозную вражду или призывающих к насильственному свержению конституционного строя и организации вооруженных групп, запрещаются.

Статья 10 Конституции РТ провозглашает, что Конституция Таджикистана обладает высшей юридической силой, ее нормы имеют прямое действие. Законы и другие правовые акты, противоречащие Конституции, не имеют юридической силы. Государство и все его органы, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать и исполнять Конституцию и законы республики. Международно-правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовой системы страны. В случае несоответствия законов республики признанным международно-правовым актам применяются нормы международно-правовых актов. Законы и признанные Таджикистаном международно-правовые акты вступают в силу после их официального опубликования.

Важное значение для понимания характера поступления на службу в ОВД РТ имеет глава II Конституции РТ «Права, свободы, основные обязанности человека и гражданина».

Статья 10 Конституции РТ закрепляет, что права и свободы человека и гражданина регулируются и охраняются Конституцией, законами республики, признанными Таджикистаном международно-правовыми актами. Права и свободы человека и гражданина реализуются непосредственно. Они определяют цели, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной и местной властей, органов местного самоуправления и обеспечиваются судебной властью. Ограничения прав и свобод граждан допускаются только в целях обеспечения прав и свобод других граждан, общественного порядка, защиты конституционного строя и территориальной целостности республики.

Наличие гражданства РТ — важнейшее требование, предъявляемое к сотрудникам ОВД РТ [9, с. 389; 10, с. 211; 11, с. 56]. М. А. Бучакова и Т. Е. Грязнова отмечают, что гражданство выступает в качестве одного из основных субъективных прав человека, имеет политико-правовой характер, является конституционно-правовым институтом и основой взаимоотношений человека и государства, способствует сплочению народа, поддержанию высокого чувства патриотизма, проявлению высокой гражданской позиции [12, с. 115].

На основании ст. 15 Конституции РТ гражданином Таджикистана считается лицо, которое на день принятия Конституции является гражданином Республики Таджикистан. Принадлежность граждан Таджикистана к гражданству другого государства не допускается, за исключением случаев, предусмотренных законом и межгосударственными договорами Таджикистана. Порядок приобретения и утраты гражданства определяется конституционным законом.

Статья 17 Конституции РТ, кроме закрепления одного из основных прав и свобод человека и гражданина, устанавливает императив к предстоящей деятельности сотрудников ОВД, который они должны исполнять неукоснительно. В норме также установлено, что все равны перед законом и судом. Государство гарантирует права и свободы каждого, независимо от его национальности, расы, пола, языка, вероисповедания, политических убеждений, образования, социального и имущественного положения. Мужчины и женщины равноправны. Из этого следует, что не только мужчины, но и женщины имеют полное право поступить на службу в ОВД РТ.

Важно отметить, что в ст. 19 Конституции РТ указано, что каждому гарантируется судебная защита. Каждый вправе требовать, чтобы его дело было рассмотрено компетентным, независимым и беспристрастным судом, учрежденным в соответствии с законом. Никто не может быть подвергнут без законных оснований задержанию, аресту. Лицо вправе с момента задержания пользоваться услугами адвоката.

Таким образом, неправомерный отказ в приеме на службу в ОВД РТ может быть обжалован в судебном порядке.

Базовой статьей, определяющей направленность правового регулирования поступления граждан на службу в ОВД РТ, является ст. 27 Конституции РТ, провозглашающая, что граждане имеют равное право на государственную службу.

Следует иметь в виду, что в ст. 35 закреплены общие начала, связанные с осуществлением трудовой деятельности в РТ, которые влияют на формирование правовой основы поступления на службу в ОВД РТ: «Каждый имеет право на труд, выбор профессии, работы, охрану труда и социальную защиту от безработицы. Заработная плата не должна быть ниже минимальной оплаты труда. Всекие ограничения в трудовых отношениях запрещаются. За равный труд выдается равная оплата. Никто не может быть привлечен к принудительному труду, за исключением случаев, определенных законом. Использование труда женщин и несо-

вершеннолетних на тяжелых и подземных работах, а также на работах с вредными условиями труда запрещается.

Весомое значение имеет ст. 42 Конституции РТ, где установлено, что в Таджикистане каждый обязан соблюдать Конституцию и законы, уважать права, свободы, честь и достоинство других людей. Незнание законов не освобождает от ответственности.

Важнейшую роль в контексте обеспечения национальной безопасности, обуславливающую наличие органов внутренних дел и прохождение в них службы сотрудниками, имеет ст. 43 Конституции РТ, где говорится, что защита Родины, охрана интересов государства, укрепление его независимости, безопасности и оборонной мощи — священный долг гражданина. Порядок прохождения военной службы определяется законом.

Таким образом, знание конституционных положений, регламентирующих вопросы поступления на службу в ОВД РТ, необходимо не только в научных, но и в практических целях, так как позволяет на конституционно-правовой основе сформировать законодательство о поступлении на службу в ОВД РТ, использовать конституционные положения в сфере преподавания гуманитарных и юридических наук [13, с. 17; 14, с. 35], а также для осуществления прикладных аналитических исследований [15, с. 37; 16, с. 29].

Список источников

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2213 (дата обращения: 01.11.2023).

2. О милиции : закон РТ от 17 мая 2004 г. № 41 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2004. № 5. Ст. 352.

3. Самадзода А. Концептуальные направления исследования административно-правового регулирования поступления на службу в органы внутренних дел Республики Таджикистан // Государственная служба и кадры. 2023. № 5.

4. Административно-правовые отношения в отраслях экономики : кол. монография / М. Н. Кобзарь-Фролова, С. А. Агагомедова, Н. Г. Андрианова и др. Воронеж, 2023. 386 с.

5. Редкоус В. М. К вопросу об обеспечении национальной безопасности как функции современного российского государства // Право и государство: теория и практика. 2009. № 1(49).

6. *Правовое регулирование публичных финансовых отношений в современной России* : кол. монография / М. Н. Кобзарь-Фролова, С. В. Запольский, Е. Л. Васянина и др. М., 2022.

7. *Бучакова М. А. Конституционализация российского права* // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-2.

8. *Кобзарь-Фролова М. Н. О конституционализации административных правоотношений* // Государство и право. 2023. № 12.

9. *Редкоус В. М. Основные направления административно-правовых исследований в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности (по материалам расширенного заседания коллегии МВД России 20 марта 2023 г.)* // Актуальные вопросы применения норм административного права (Кореневские чтения) : сб. науч. трудов VII междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 31 марта 2023 г.) / сост. Г. Н. Василенко. М., 2023.

10. *Галузо В. Н., Канафин Н. А., Редкоус В. М. Доказывание в правосудии Российской Федерации*. 6-е изд., испр. и доп. М., 2022.

11. *Правовая политика в сфере частного права: проблемы и пути их решения* : монография / под ред. Е. В. Вавилина, Р. В. Пузикова. Тамбов, 2010.

12. *Бучакова М. А., Грязнова Т. Е. Институт гражданства: вопросы теории и правоприменительной практики* // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92).

13. *Виноградова Е. В., Захарцев С. И., Сальников В. П. Гуманитарные науки как элемент российской идентичности* // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 6.

14. *Бучакова М. А., Дизер О. А. Духовное и нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел* // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3(74).

15. *Понкин И. В. Методология научных исследований и прикладной аналитики* : учебник. 4-е изд., доп. и перераб. : в 2 т. М., 2023. Т. 1.

16. *Понкин И. В., Лаптева А. И. Методология научных исследований и прикладной аналитики* : учебник. 4-е изд., доп. и перераб. : в 2 т. М., 2023. Т. 2.

К. В. Степина

Конституционные основы участия России в межгосударственном объединении БРИКС

БРИКС является межгосударственным объединением наиболее динамично развивающихся крупных стран. Особенность функционирования БРИКС заключается в отсутствии основополагающего документа, определяющего его деятельность, например устава или хартии.

Участие Российской Федерации в БРИКС осуществляется в соответствии со ст. 79 Конституции Российской Федерации, а выстраивание отношений с партнерами по БРИКС реализуется на основе Устава ООН, общепризнанных принципов и норм международного права [1].

Для Российской Федерации БРИКС является важным инструментом диалога с США и странами Запада, а также гарантией того, что Россия не останется как в политической, так и в экономической изоляции [2, с. 251].

Цель России состоит в постепенной трансформации БРИКС из диалогового форума в механизм как текущего, так и стратегического взаимодействия по основополагающим вопросам экономики и политики.

Следует отметить, что ведется активная работа по созданию альтернативы Международному валютному фонду и Всемирному банку, о чем свидетельствует образование Пула валютных резервов и Банка развития БРИКС. Прогнозируется, что страны БРИКС будут преимущественно переходить на расчеты в валютах, альтернативных доллару, разрабатывается собственная платежная система BRICS PAY, выдвигаются идеи о создании собственной цифровой валюты.

Важным аспектом сотрудничества между странами — участницами блока является обмен культурными ценностями и знаниями. В рамках данного взаимодействия создана международная сеть TV BRICS, которая занимается освещением жизни, истории, политики и экономики стран БРИКС; проводятся ежегодный фестиваль документальных фильмов стран БРИКС, а также международные форумы, например BRICS+ Fashion Summit.

Участие Российской Федерации в БРИКС соответствует национальным интересам и вместе с тем способствует созданию и развитию перспективных направлений для их продвижения.

Список источников

1. Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС от 15 апреля 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

2. Киреев А. А. Роль России в группе БРИКС // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12.

Н. Ю. Туркина

Специальная военная операция в условиях военного положения

Актуальность изучения военного положения и специальной военной операции обусловлена введением военного положения в четырех субъектах Российской Федерации и ведением специальной военной операции на Украине. Возможность введения военного положения предусмотрена Конституцией Российской Федерации в ч. 2 ст. 87. Данная процедура осуществляется в случае агрессии или непосредственной угрозы агрессии государству, об этом говорится и в Федеральном законе от 30 января 2002 г. 1-ФКЗ «О военном положении» (далее — Закон о военном положении).

Введению военного положения в нашем государстве предшествовало начало специальной военной операции на Украине, о начале которой сообщил в своем обращении Президент Российской Федерации [1]. Основанием для ее проведения послужили ст. 51 Устава ООН [2] и ратифицированные федеральными законами 22 февраля 2022 г. договоры о дружбе и взаимопомощи с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой [3; 4].

Так как Россия является членом ООН, то согласно Уставу ООН у нее есть право на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на члена организации.

Казалось бы, Российская Федерация имела полное право защищаться, но нападение произошло на территориях, которые в тот момент входили в состав другого государства. Тогда возникает вопрос о правильности действий Российского государства, который оставался дискуссионным до 4 октября 2022 г. Чтобы решить все споры о том, кого защищает в данном случае Россия, в ее состав вошли четыре новых субъекта (Луганская и Донецкая народные республики, Запорожская и Херсонская области).

Однако если обращаться к вышеупомянутым договорам о дружбе и взаимопомощи, то в них содержится пункт с положением о возможности сторон принимать все необходимые меры для противодействия актам агрессии со стороны любых государств и оказывать друг другу помощь, в том числе и военную, при реализации права на коллективную или индивидуальную оборону.

Вопросы, связанные с противодействием актам агрессии, регламентируются Законом о военном положении. Вопросы специальной военной операции не регулируются никаким законом, но, как отмечает в своей работе В. А. Винокуров, это всего лишь название действий, которые осуществляются в России в условиях военного положения [5, с. 203]. Он считает, что это положение подтверждается решением Главы государства, который официально ввел на территориях Донецкой, Луганской республик, Запорожской и Херсонской областей военное положение. Действительно, военная операция лишь описывает действия, ведущиеся в условиях военного положения по противодействию актам агрессии, но с юридической точки зрения это понятие не относится ни к одному правовому режиму. Тогда как объяснить то, что специальная военная операция предшествовала военному положению? Можно ли говорить о начале войны? Скорее всего, нет. Начало специальной военной операции было вынужденной превентивной мерой, направленной на пресечение нацистских действий в отношении русскоязычного населения на Украине, а также на защиту нашего государства, которое в дальнейшем могло оказаться под ударом.

Некоторые авторы, рассматривая понятие специальной военной операции, приходят к выводу, что она имеет черты военного конфликта [6, с. 45], обосновывая это тем, что Минобороны России преследует цель создания коридоров для выхода мирных жителей из зоны боевых действий с оказанием им гуманитарной помощи и поражения только военных объектов противника. Этому мнению придерживаются и другие авторы [7, с. 18; 8, с. 160–161].

Исследование этого вопроса заставило обратиться к Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 29 декабря 2014 г., в которой понятие «военный конфликт» определяется как конфликт, представляющий из себя форму «разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы», охватывающий «все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты». Но как верно отмечает один из ученых,

начало специальной военной операции не предусматривало объявление войны [9, с. 13].

Понятие же военного положения дано в Законе о военном положении: это особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии.

На наш взгляд, анализ всего сказанного позволяет прийти к выводу, что военное положение предшествует специальной военной операции, так как специальная военная операция представляет собой выполнение действий по противодействию актам агрессии. Иначе говоря, специальная военная операция — это лишь способ достижения цели, которую ставит перед собой режим военного положения.

Таким образом, существует взаимосвязь между понятиями «военное положение» и «специальная военная операция». Военное положение предваряет специальную военную операцию и служит основой для принятия решений о ее проведении. В то же время специальная военная операция выполняет конкретные задачи, которые помогают достичь стратегических целей, заложенных во взятом на вооружение военном положении.

Выстраивая верное соотношение между этими понятиями, государство обеспечивает эффективную организацию и управление своими ресурсами в военном деле.

Подводя итог, отметим, что понятие «специальная военная операция» по своему смыслу схоже с понятием «военный конфликт». Сама военная операция представляет собой действия, направленные на противодействие актам агрессии в период военного положения. Поэтому для исключения вопросов, связанных с отнесением специальной военной операции к определенному особому правовому режиму, предлагаем в ч. 2 ст. 9 Закона о военном положении к задачам, выполняемым вооруженными силами, ввести дополнительный пункт и изложить пп. 6 и 7 в следующей редакции: «6) для достижения целей настоящего закона участвовать в проведении специальной военной операции»; «7) участие в проведении иных мероприятий по обеспечению режима военного положения». Предложенное изменение, на наш взгляд, позволит уменьшить дискуссии по поводу юридической природы специальной военной операции.

Список источников

1. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 20.06.2023).
2. *Устав* Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.). Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
3. *О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой* : федеральный закон от 22 февраля 2022 г. № 15-ФЗ.
4. *О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой* : федеральный закон от 22 февраля 2022 г. № 16-ФЗ.
5. *Винокуров В. А.* Военное положение, уровни реагирования, специальная военная операция: понятие и содержание // *Право и государство: теория и практика.* 2023. № 7(223).
6. *Лазутин Л. А.* Проблемы темпорального действия отдельных режимов международного гуманитарного права // *Российский юридический журнал.* 2022. № 3.
7. *Ливиненко В.* Сущность категорий «война» и «специальная военная операция» // *Армейский сборник.* 2022. № 7.
8. *Карапетян Н. Ю.* Особенности правового статуса граждан в условиях военного положения // *Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы* : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. (8–9 декабря 2022 г., г. Омск) / пред. редкол. С. К. Буряков. Омск, 2023.
9. *Макоева Е. Р., Курашинова А. Х.* Сущность категорий «война» и «специальная военная операция» // *Право и управление.* 2022. № 9.

А. В. Честнов

Обеспечение контроля за распространением информации в интернете

Регистрация Российской Федерацией домена «.ru» в 1994 г. повлекла за собой появление интернет-сайтов, которые имели примитивную оболочку и несодержательный блок информации. С развитием сети Интернет на территории Российской Федерации создавались собственные социальные сети, официальные государственные сайты.

По данным координационного центра доменов, по состоянию на 2022 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 4 933 113 доменов, что превысило показатели 2021 г. на 1 356 648 [1]. Динамика в области развития интернет-среды позволила свободно распространять информацию, которая стала двигателем прогресса и основным средством производства, в связи с чем правовое регулирование процессов, связанных с информацией, стало необходимостью [2, с. 13].

В настоящее время понятно, что информационные технологии могут повлечь и негативные последствия. Такие явления, как экстремизм, призывы к суициду, детская порнография, склонение к насилию, жестокое обращение с животными, так называемые фейки и т. д., нуждаются в эффективных методах борьбы. Необходимо подчеркнуть важность непрерывного и постоянного совершенствования таких методов.

Важно отметить усиление влияния властей в области регулирования распространения информации в интернете. С 2017 г. ужесточена ответственность за склонение к самоубийству. К склонению приравниваются не только призывы к самоубийству, но и распространение сведений о способах ухода из жизни [3, с. 210; 4, с. 172–173].

По требованию Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в социальной сети «ВКонтакте» и на всех музыкальных площадках в 2018 г. России была заблокирована песня «Номера», исполнителями которой является группа «ЛСП». Она признана запрещенной на основании решения Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. В тексте песни содержится описание способа совершения самоубийства. Вышедшая в 2014 г. композиция привлекла к себе внимание не сразу. Только после серии суицидов подростков и записи видео при совершении данного действия с использованием песни общественный резонанс привел к вышеуказанным мерам. При этом поисковые запросы в интернете позволяют ознакомиться с содержанием запрещенных ранее материалов, что ставит вопрос об эффективности предпринятых мер.

Полагаем, что необходимо усилить контроль за распространением информации в разных областях и на разных уровнях. В силу широкого спектра возможностей распространение информации может выражаться любыми способами: реклама, публичные выступления, посты в социальных сетях, песни известных исполнителей. Эти процессы нуждаются в непрерывном контроле со стороны государства.

Список источников

1. URL: <https://habr.com/ru/news/710232/> (дата обращения: 28.11.2023).
2. Бойко П. Е., Бочковский А. Ф. Информационное право: к истории проблемы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: «Философия». 2021. № 1(39).
3. Панкеев И. А., Тимофеев А. А. Тенденции государственного регулирования российских СМИ: правовой аспект // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9, № 2.
4. Честнов А. В. Понятие и особенности содержания конституционного права на распространение информации в условиях цифровизации общества // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. (8–9 декабря 2022 г., г. Омск) / пред. редкол. С. К. Буряков. Омск, 2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулина Екатерина Борисовна — судья Добрянского районного суда Пермского края

Авдеев Дмитрий Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тюменского государственного университета

Акимжанов Ерик Серикович — кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева

Бабурин Василий Васильевич — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской академии МВД России

Бабурин Сергей Николаевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, президент Ассоциации юридических вузов, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный академик Национальной академии наук Киргизской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии (г. Москва)

Баранова Марина Александровна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

Баталов Данила Евгеньевич — преподаватель кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России

Батчаева Аминат Алхазовна — старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказской государственной академии (г. Черкесск)

Бекетов Олег Иванович — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Богдан Ксения Борисовна — аспирант кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тюменского государственного университета

Борков Виктор Николаевич — доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России

Бучакова Марина Александровна — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России

Водяная Мария Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Грудинин Никита Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Московского государственного лингвистического университета

Грязнова Татьяна Евгеньевна — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Гусев Владимир Александрович — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заместитель начальника Омской академии МВД России (по научной работе)

Ерохина Татьяна Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии.

Жиляев Артур Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России

Журавлева Ирина Александровна — кандидат юридических наук, научный сотрудник Омского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Зайцева Екатерина Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России

Засыпкин Михаил Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России

Квасников Евгений Сергеевич — преподаватель кафедры психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Кисс Светлана Владимировна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (г. Симферополь)

Климова Дарья Викторовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (г. Симферополь)

Кожевников Олег Александрович — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, профессор кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)

Кошелев Евгений Викторович — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России

Луговик Виктор Федорович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Махинаи Нурали — преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан (г. Душанбе)

Мирошниченко Анастасия Владиславовна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Никитина Анна Евгеньевна — преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России

Новодон Владимир Вадимович — адъюнкт кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка Центра командно-штабных учений Академии управления МВД России (г. Москва)

Редкоус Владимир Михайлович — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН, профессор кафедры № 4 Академии управления МВД России (г. Москва)

Сазон Константин Дмитриевич — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь (г. Минск)

Самадзода Абдуманон — адъюнкт 1 курса 3 факультета Академии управления МВД России (г. Москва)

Соколов Андрей Борисович — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики Омской академии МВД России

Сотникова Евгения Игоревна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Степина Кристина Вадимовна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Трусов Николай Александрович — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России

Туркина Наталия Юрьевна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Ульянов Александр Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (Национальный исследовательский университет) (г. Екатеринбург)

Честнов Александр Владимирович — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Шарипов Сайфуддин Нуриддинович — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Шарифзода Парвини Рахмулло — заместитель начальника отдела адъюнктуры Академии МВД Республики Таджикистан (г. Душанбе)

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	3
----------------------------------	---

РАЗДЕЛ I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Авдеев Д. А. Роль и назначение Конституции в современном государстве.	5
Бабурин С. Н. Российский конституционный диссонанс как отражение современного цивилизационного кризиса	9
Баталов Д. Е. Обеспечение национальной безопасности в новых субъектах России.	14
Бекетов О. И. О понятиях «позитивное» и «негативное» публичное управление	16
Бучакова М. А. Конституция Российской Федерации: современное состояние и перспективы.	19
Грудинин Н. С. Реализация Конституции Российской Федерации 1993 г. в условиях укрепления российской государственности	21
Грязнова Т. Е. Учение о гражданстве Б. Н. Чичерина.	25
Гусев В. А. Конституционные права граждан и государственное принуждение	28
Жиляев А. В. Как обеспечить объективность результатов иностранного (международного) наблюдения за российскими выборами	31
Журавлева И. А. Суверенитет в теории конституционализма	34

Зайцева Е. С. Использование оценки регулирующего воздействия для выявления и установления пределов сферы правового регулирования	37
Засыпкин М. А. Единая система органов публичной власти: новая основа и реальность	39
Кисс С. В. Основные аспекты мирового конституционализма через призму конституционной модернизации	41
Климова Д. В. Конституционные права человека и их защита в условиях цифровизации	44
Кожевников О. А. Признаки местного самоуправления сквозь призму 30-летнего конституционного развития России.	47
Кошелев Е. В. Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет как средство реализации конституционных прав и свобод личности.	50
Махина И. Н. История развития и юридические особенности Конституции Таджикистана.	52
Мирошниченко А. В., Водяная М.Ю. Конституционный механизм защиты традиционных ценностей	56
Никитина А. Е. Возможность проведения религиозных обрядов и церемоний в государственных образовательных организациях.	59
Редкоус В. М. Национальная безопасность и вопросы ее конституционного обеспечения	61
Сазон К. Д. О требованиях к кандидатам в президенты Республики Беларусь	69
Трусов Н. А. Модель местного самоуправления как правовое последствие проявления его природы в реальной конституционной практике	72
Ульянов А. Ю. Конституционная реформа и новые принципы организации публичной власти	76

РАЗДЕЛ II. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ В ОТРАСЛЕВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Акимжанов Е. С. К вопросу о правовых основах административно-правовой защиты от домашнего насилия в Республике Казахстан	81
---	----

Бабурин В. В. Конституционные основы правомерного силового воздействия	84
Баранова М. А. О реализации Верховным Судом РФ права, предусмотренного ст. 104 Конституции РФ, в направлении укрепления публичного характера уголовного судопроизводства	88
Батчаева А. А. Об отдельных аспектах реализации прав потерпевших от преступлений (ст. 52 Конституции РФ) в отраслевом уголовно-процессуальном законодательстве.	91
Борков В. Н. Реализация запрета на повторное осуждение за одно и то же преступление.	95
Ерохина Т. В. Некоторые вопросы реализации конституционных гарантий в сфере оплаты труда	98
Квасников Е. С. Значение конституционного права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности (ч. 3 ст. 37 Конституции РФ)	102
Луговик В. Ф. Конституционный принцип соразмерности и принуждение в оперативно-розыскной деятельности.	105
Соколов А. Б., Абдулина Е. Б. Ошибки в понимании конституционного права не свидетельствовать против самого себя (на примере получения образцов для сравнительного исследования).	110
Сотникова Е. И. Конституционно-правовые основы государственной политики в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в Республике Таджикистан	114
Шарипов С. Н. Конституционные основы законности в административной деятельности милиции Республики Таджикистан	117
Шарифзода П. Р. Насилие в семье как объект административно-деликтного и профилактического воздействия органов внутренних дел Республики Таджикистан	119

РАЗДЕЛ III. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Богдан К. Б. Некоторые проблемы применения цифровых технологий в российском избирательном процессе	124
--	-----

Новодон В. В. Некоторые направления совершенствования административно-правового статуса сотрудника уголовного розыска	128
Самадзода А. Конституционно-правовые основы поступления на службу в органы внутренних дел Республики Таджикистан	132
Степина К. В. Конституционные основы участия России в межгосударственном объединении БРИКС	137
Туркина Н. Ю. Специальная военная операция в условиях военного положения	138
Честнов А. В. Обеспечение контроля за распространением информации в интернете	141
Сведения об авторах.	144

Научное издание

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Редактор Е. А. Жукова

Корректор Л. И. Замулло

Технический редактор М. Ю. Чалкова

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 28.06.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 8,8. Уч.-изд. л. 8,1. Тираж 105 экз. Заказ № 182

Редакционно-издательский отдел

Отделение полиграфической и оперативной печати

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7